

ИСТОРИЯ
РАЗВИТИЯ НАРОДНОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ
И ЖИЗНИ СЕМЬИ СЕЛЬСКОГО УЧИТЕЛЯ
В С. НОВОПОЛТАВКА
ГРИГОРЬЕВСКОЙ ВОЛОСТИ
МИНУСИНСКОГО УЕЗДА
ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
(с. Новополтавка Ермаковского района
Красноярского края)

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НОВОПОЛТАВСКОЙ ШКОЛЫ

В 1893 году в 25 километрах от с. Ермаковского, к югу, в берёзовом лесу 20 семей украинских переселенцев из деревень Пронозовки, Васьковка, Шуиваливка, Городяны Музулиевской волости Кременчугского уезда Полтавской губернии образовали село Новополтавка. К 1897 году это уже было большое село, как отмечается в материалах Минусинского музея имени Мартьянова. Школы сразу не было, а занимались по очереди по избам. Первым учителем был ссыльный социал-революционер Макаров Александр Маркелович. Летом 1899 года, от кого-то узнав о собрании социал-демократов во главе с Лениным в Ермаковском, он за три рубля нанял подводу и долго искал их по Ермаковскому, но не нашёл. Тогда ленинцами был подписан «Протест 17-ти социал-демократов». В 1903 году обществом крестьян было построено здание школы из двух комнат. В одной был класс, а в другой квартира учителя и сторожка. Из квартиры учителя был прямой ход в класс. В школе было открыто одноклассное церковно-приходское училище, это в одной комнате сразу учились ученики всех классов.

В церкви, которая была построена ещё раньше в центре села на площади, своего священника не было. Батюшка приезжал за 8 вёрст из соседнего села Салба. Он раз в неделю отправлял службы и в школе учил Закону божьему.

В 1908 году осенью Александр Маркелович погиб на охоте от выстрела заряженного ружья, прикладом которого доставал убитую утку. Учить детей стал его брат Порфений Маркелович Макаров. В последствии он работал в Ермаковском и стал лучшим математиком района. В 1947 году был награждён орденом Ленина.

В 1916-1917 годах работала в школе ссыльная революционерка-большевичка Тульникова (Егорова) Анна Михайловна. Теперь её имя носит наша школа.

С её убеждениями работать было трудно. Парни-переростки, сынки богатых крестьян, мешали заниматься, доводили до слез. Она уходила в свою комнату, уводя с собой своих двоих маленьких детей. Её состояние видел сторож, старый солдат Гаврила. Он брал в руки аршин и шёл наводить порядок. Шум и крики утихали, наглецы успокаивались. Сторож возвращался и говорил: «Анна Михайловна, можно заниматься».

Во время февральской революции 1917 года она подняла над школой красный флаг и на митинге призывала крестьян идти за большевиками.

После революции школа стала центром культурно-просветительской работы. Сельские комсомольцы Семенюки Михаил и Евгений, Шахов Андрей и Кабак Николай (оба последних в войну стали Героями Советского Союза) организовали молодёжь, готовили и ставили пьесы в единственном классе. Они убирали парты, налаживали сидения из плах, делали сцену, а после спектакля все убирали, мыли полы и заносили парты. И все это на одном энтузиазме. В это время (1927 год) в школе работали Афиленковы Эраст Иванович и Елена Всеволодовна.

В 1930 году школа стала четырёхлетней начальной первой ступени. Первыми учителями в ней были: Роговой Павел Федорович, заведующий, Кабардины Иннокентий Григорьевич и Евдокия Степановна, ее сестра Нина Степановна Скалозуб, а её муж Скалозуб Евстигней Евстигнеевич работал учителем на выселке Павловка Новополтавского сельсовета.

До 1940 года учителя вечерами занимались с взрослым неграмотным населением ликбезом (ликвидацией безграмотности), учили читать и писать. Неизвестно почему, но учителей каждые 3-4 года перебрасывали в другие села района. В то время нынешний Шушенский район входил в Ермаковский район. Было тогда более 80-ти школ.

Летом 1930 года заведующая РОНО Кравченко Екатерина Григорьевна, сестра Кабардина Иннокентия Григорьевича, организовала курсы по подготовке учителей и заведующих школами (в основном мужчин). Все они имели не менее 4-х классов.

Осенние конференции длились не меньше недели. Работали по секциям, женились, справляли свадьбы.

В 1944 году открыли пятый класс вновь созданной семилетки. До этого новополтавцы учились в 5-х и 7-х классах в семи километрах в соседней Нижней Буланке Каратузского района, а некоторые в Салбе. Временно занятия, кроме школы, проводились в избе-читальне и других зданиях.

Занимались в две смены. До этого многие после 4-го класса не учились. В 5-й класс пришло 66 человек и стало 2 класса. Все в возрасте до 15-ти лет должны были учиться. К зданию школы к концу 1944 года пристроили 2 класса из разобранный церкви.

Работали учителя: Тальникова Матрена Николаевна, заведующая школой, а затем директор семилетки, Бобылева Анна Петровна, Гайдученко Клавдия Васильевна, Коваленко Клавдия Ивановна.

В 1945 году вернулись с фронта учителя-мужчины по приказу министра обороны. Директором стал старшина Глушков Иван Николаевич, а завучем – лейтенант-катюшник Роговой Павел Федорович.

Первый вёл историю, а второй – географию. Из всех учащихся в 1947 году семь классов закончили только 12 человек.

В числе первых выпускников была моя жена Скрыль (Зыкова) Анастасия Яковлевна и её брат Михаил. Класс был выдающийся: 11 из 12 получили среднее образование. Окончили педучилище Асауленко Лидия, Долгополов Виктор, Магда Мария, Нехода Леонид, Скрыль Анастасия, Скрыль Клавдия. После вступительных экзаменов в Абаканском педучилище была выпущена большая стенгазета. В ней особо отмечалась хорошая подготовка выпускников Новополтавской семилетки. Скрыль Михаил окончил медицинское училище. Сельхозтехникумы окончили Асауленко Ксения, Коваленко Анна, а Михайлик Сергей окончил 10 классов. По тем временам – очень здорово.

Физику и математику вела Семенюк Антонина Евгеньевна, биологию и химию – Вахрушева Афанасия Андреевна, русский язык, литературу и немецкий – Чиркова Валентина Дмитриевна, физкультуру и военное дело – Бондаренко Анатолий Леонтьевич, а с 1946 г. – Кислов Михаил Павлович.

КАК ЖИЛИ УЧИТЕЛЯ

С постройкой школы в 1903 году на участке в 50 соток были построены баня, амбар, конюшня, сарай. Общество выделило коня и 10 десятин земли за Сухим болотом. Это поле до сих пор называется «Учительское». За конём ухаживал сторож, поле обрабатывали помощью. Дровами обеспечивала учителей и школу канцелярия.

Я приехал осенью 1947 года после окончания историко-филологического факультета Енисейского Государственного учительского института в Ермаковское глубокой ночью на попутной машине. Машин тогда было очень мало. Ночевал в крестьянской избе у случайного попутчика, а утром пошёл в РОНО. Это был обычный крестовый дом. Заведующий Городецкий Алексей Николаевич был очень рад. Оказалось, что я был первым учителем-русакон с высшим образованием в районе. Назначили меня в украинское село Новополтавка, что в 25 км к югу от Ермаковского. Позвонили в сельсовет, и через три часа за мной приехал директор Глушков И.Н., сердитый рябой мужик небольшого роста на соловой кобыле Машке. Положили в телегу мой фанерный чемодан и постельник и поехали (после обеда).

В коллективе меня встретили приветливо. Директор устроил меня у детной вдовы Педченко Евдокии на Зелёной улице. Устроил он меня за 50 рублей. В то время баран стоил 50 рублей. Он убедил её, что учитель барана за месяц не съест, а школа ещё привезёт 12 кубометров сухих берёзовых дров.

Отвели мне отдельную комнату. На месяц выдали пуд пшеничной муки по дешёвой цене, а на базаре пуд стоил 250 рублей.

Конфеты-подушечки стоили в магазине 120 рублей килограмм. Для освещения выдавали на месяц три литра керосина. Моя бедная хозяйка за мою квартплату кормила меня дымным борщом, печёной тыквой и картошкой. Из обстановки был голый стол, лавки и табуретка, да деревянные кровати. А три девочки-ученицы спали на полатах. Весь сентябрь мы с учениками работали на колхозных полях. Собирали колоски, убирали картофель, ломали огромные, по 25 см, початки кукурузы какого-то американского гибрида. Очистишь кочан, а зерна в нем разные по цвету: белые, жёлтые, вишнёвые, зелёные и даже черные. Кукурузное зерно мололи и пекли хлеб. Мука получалась очень тёмная. Собранные семена не взошли, а новые не прислали. Стали продолжать садить Минусинску со средними початками.

Не удивляйтесь, что я так подробно пишу о благоустройстве учителей. От этого во многом зависело качество их работы.

Голодный и холодный учитель – плохой работник. К половине ноября мне уже приелись и тыква, и картошка с борщом. Я стал просить найти другую квартиру. И нашли в высоком теплом доме у старичков Шиян Фёдора Лукича и Александры Андреевны в центре села. Они постоянно держали квартирантов. До революции Александра Андреевна 10 лет служила в Красноярске у господ кухаркой, горничной и знала обхождение. Цена была за квартиру очень велика – 370 рублей, половина моей зарплаты. Я в душе ахнул. Но согласился. Она строго сказала, чтоб я не воровал, у неё всякие бывали. Один вытаскал пол-ящика сала, а девушка-агроном вытаскала мешок семечек. И началась моя роскошная жизнь, лучше, чем у родной мамы.

Каждый день были разные перемены кушаний и сладостей: девять сортов мяса и дичи, семь сортов мёда, девять сортов варенья. В моей комнате была стерильная чистота и порядок. Я быстро поправлялся. Набрался сил и стал вместо физзарядки чистить снег, колоть дрова, носить воду. Старики бурно сопротивлялись. У них зять и дочь были учителями и боготворили учителей. Но я настоял на своём.

Вернёмся к школьным делам. В школе было тепло, коллектив учителей хороший. В классах было по 35 учеников. Старшие классы занимались в первую смену, 1, 2, 3 и 4 – во вторую. Грамотность у учащихся была низкая, особенно у выселковых из малокомплектных начальных школ, да и учителя не блистали.

Завуч Роговой быстро завалил меня тетрадами начальных классов для контрольной проверки. Человек он был очень требовательный. Учителя в каждой работе пропускали несколько ошибок при проверке. И он предложил необычный способ повышения грамотности учителей: проводить диктанты и учить грамматику по учебникам 5-7 классов. Директор Глушков на диктант не пришёл (и потом не ходил, боялся опростоволоситься). Проверил работы и стало страшно: только трое из восьми получили тройки. Договорились, что за каждые 12 ошибок буду ставить единицу. Завуч получил две единицы. У девушек были и слезы, и обиды. Но к чести завуча, он от своих требований не отступил. Диктанты проводили раз в неделю два месяца. Последний «Решейник» написали положительно все, даже было три четвёрки. А диктант этот трудный. Все воодушевились.

В школе был принят и жестоко соблюдался на всех уроках «Единый орфографический режим». Завуч часто посещал мои уроки и уроки моих товарищей, и все мы должны были каждую неделю посетить 2 урока у других учителей и разобрать вместе с завучем. Он жёстко следил за ежедневной проверкой тетрадей. После оценки мы обязательно ставили дату проверки. А однажды мне он сердито сказал: «С высшим образованием, а красиво писать не можешь. Вот так надо». И стал писать на доске красивым круглым канцелярским почерком. Но не каллиграфическим. Я в душе обиделся, но виду не подал. Почерк после института был действительно не важный, и я решил сам научиться писать правильно, красиво и научить детей. Завуч был рад моему решению, и я стал два раза в неделю в каждом классе шестью уроками проводить чистописание. Конечно, за это ничего не платили, не то, что теперь. Выдали ученикам тетради сначала в частую наклонную, а потом в редкую линейку. К концу учебного года мы все научились писать каллиграфическим почерком. Я даже путал, чья тетрадь, если не прочитаю фамилию. И вот черт дёрнул завуча пригласить меня к себе на урок географии. Карту он знал и понимал великолепно, ведь в войну он был начальником артиллерийской разведки дивизиона «катюш». Он уверенно, размашисто своим канцелярским почерком написал на доске тему урока. Урок был последним, и мы сразу начали его разбирать. Я похвалил урок, но потом спросил: «А кто разрешил вам нарушать единый орфографический режим?». Я пошёл к доске и нарисовал все его буквы, а потом стал черкать некаллиграфически написанные буквы и заменять правильными. Он побледнел, но молчал. С тех пор, когда я посещал его урок, он всегда у доски оглядывался на меня, а потом красиво и правильно писал тему урока. Так жёстко мы требовали друг от друга в работе, не считаясь с авторитетами, ибо высший авторитет – это знания и умения. А методист он был очень хороший и многому нас научил.

Регулярно проводились методические и кустовые совещания, открытые уроки. Учились друг от друга, изучали наследие Ушинского и Макаренко. В школе была учительская комсомольская организация из пяти человек. Меня выбрали секретарём. На конференцию ездили на лошади, а в военкомат (мне не было 19 лет, а брали на воинскую службу в 20 лет) я бегал напрямик по зимнику за 18 км в Ермаковское.

Вскоре случилась со мной беда. В селе было всего две бани по-белому. Директор Глушков позвал меня в баню. Там оказался и физрук Кислов. Поужинали, и они уговорили научить меня играть в преферанс по две копейки. Они играли азартно, и к 12 ночи оказалось, что я проиграл 250 рублей. Я раньше вовсе в карты не играл. Директор сказал, что карточный долг священен, и я с полочки должен им отдать. Через месяц они снова меня заманили и снова обыграли на 150 рублей. Деньги отдал, но больше в эту проклятую баню не ходил. И в карты больше я никогда не играл. Вот так жестоко обошлись с молодым учителем. Мне ведь только исполнилось 19 лет. А мыться стал в бане по-черному у фронтовика Василия Минько. В такой бане в каменке нагревались большие круглые камни. Рядом стоял шаплык (деревянная кадка с метр высотой, дно шире верха) с водой. Раскалённые камни брали и опускали в воду. Так делали несколько раз, пока вода не станет горячей. Трубы в бане не было, дым выходил в отверстие под потолком, в волоковое оконце. Перед мытьём его затыкали тряпкой. Мылись в другом шаплыке, или из деревянной шайки (деревянной кадочки высотой в 30 сантиметров). Она заменяла таз. Перед мытьём баню

выстаивали, чтоб не угореть. Это было лучше современной сауны. Нахлещешься веником и чуть живой выскакиваешь и катаешься в снегу. Блаженство необыкновенное! И так несколько раз. А летом бежишь по крутой тропинке к реке Кебеж и бултыхнёшься в его быстрые воды.

Работать приходилось очень много. Методической литературы почти не было. Немного спасали конспекты институтских лекций, а с января 1948 года пошли журналы «Русский язык в школе», «Литература в школе». Сразу работать стало интереснее и легче. Каждый день проводили дополнительные занятия со слабыми учениками. Каждый учитель вёл свой предметный кружок, а я – три: «Выразительное чтение», литературный и драматический. Ставили пьесы и проводили вечера в маленькой избе-читальне для всего населения. Каждый учитель был агитатором, читал лекции. Кино показывала раз в месяц кинопередвижка в избе-читальне. Вручную крутили ручку магнето и получали ток. Крутильщики бесплатно пускали в кино.

Очень жёстко следили сельсовет и РОНО за выполнением школой всеобуча. По несколько раз учителя ходили к родителям учеников своего класса и убеждали отправить детей в школу. У некоторых не было одежды и обуви, особенно в семьях, где было по 6-7 детей. Лида Асауленко с конца деревни почти километр даже зимой прибегала в школу босиком. Средств всеобуча тогда еще не было. Колхоз и колхозники были бедными, все отдали для фронта и победы над ненавистным врагом. Многие семьи осиротели: из 156 ушедших на фронт не вернулись 98 воинов. Одевались в грубые холщовые одёжки, вытканые из конопли. Дети были слабые, питались плохо. Однажды у меня на уроке в 6 классе девочка упала в голодный обморок. Я взял её на руки и пока нёс её в учительскую, она меня обмочила. Пришлось бежать домой переодеваться.

Среди детей была большая завшивленность. В каждом классе из учеников выбирали двух санитаров. Часто учителям приходилось стричь мальчиков машинкой, а то матери дома остригут некрасиво овечьими ножницами.

Я любил стихи Маяковского и много знал наизусть. На первом уроке по Маяковскому в 7 классе прочитал поэму «Во весь голос». Утром меня вызывают директор и завуч и говорят: «Ты почему на уроках материшься? Все родители страшно возмущены. Дождались учёного учителя, а он такое творит». Я долго ничего не мог понять, а потом вспомнил и прочитал слова: «Оглушить бы вас трёх палым свистом, в бабушку и бога душу мать!» Они оба аж подскочили и аж побелели. Я пошёл в учительскую, из своей стопки книг и тетрадей взял книгу Маяковского, принёс, открыл и показал. Оба были поражены, что такое могли напечатать. Долго крутили книгу и разглядывали её, а потом попросили такие места в слух не читать. Послушали бы они, что несли в 90-е годы на радио и телевидении. Сходили они в 7 класс и всё объяснили. Вот такие тогда были неловкости, но насколько тогда мы были чище и целомудреннее, чём сейчас.

Но были и победы. Однажды я сел дома обедать. Пока хозяйка наливала борщ, я взял лежавшую на столе книжечку и стал читать. Это оказался молитвенник на церковно-славянском языке. Баба Саша удивилась, а я стал бегло читать её на манер псаломщика. Она заплакала и стала молиться на икону в углу. Тут вошёл дедушка Фёдор. Я тогда прочитал им наизусть «Отче наш». Они были приятно поражены, принесли «Евангелие». Я и его стал читать, а потом объяснил им, что нас в институте учили старославянскому языку, несколько молитв заставили выучить наизусть.

Через два дня в доме появился муж сестры дедушки Феди, могучий кузнец Метла Алексей Акимович. Приехал за 4 километра из Павловки. Раньше был председателем колхоза, самоуком постигал Маркса и Ленина. И до чего дошла молва обо мне. Спросил, правда ли, что я могу читать «Евангелие». Я начал читать ему от Матвея, от Луки, от Иоанна Златоуста. Он удивился, что я и титлы (надстрочные знаки сокращений) понимаю верно. Мы стали друзьями. Было это перед Новым годом. На праздник с Павловки приехали на трёх санях. Во время веселья подпивший хозяин Фёдор Лукич предложил нам с Метлой потягаться на опояске. Я хоть и был не слаб, таскал в потребсоюзе мешки по 100 кг сахара,

но где же тягаться с 10-ти пудовым кузнецом. И все же вся компания уговорила. Уселись мы на пол, упёрлись ступни в ступни, ухватились за растянутый толстый кушак и по команде потянули. Меня потянуло! А я раньше никогда на опоясках не тянулся и не знал тонкостей борьбы. Хозяин забраковал и приказал начать сначала. Теперь я понял смысл соревнования. После команды сильнее оперся, потянул и оторвал тело соперника от пола. В спине что-то хрустнуло, победа была за мной. Раздался рёв весёлых голосов. Мы оба встали, и кузнец пожал мне руку. Меня стали считать самым сильным человеком в сельсовете. А меня в душе это смешило.

Учитель в селе был в почёте. Даже старики при встрече, здороваясь, снимали шапку передо мной молодым. Было как-то стыдно, неловко. Рассказал об этом в учительской, а завуч засмеялся и говорит: «Это они не перед тобой, а пред саном учителя снимают шапку. Учитель на селе – это грамота и культура». Учителя знали больше всех, и к ним тянулись дети. Несмотря на нужду, жили весело: на переменах пели песни, водили хороводы. Хорошо работали пионерские и комсомольские организации. В свободное от уроков время играли в лапту, городки, волейбол. В спортивном городке показывали свою силу, ловкость на канате, шесте, лестнице, турнике, бегали на перегонки. Здесь же по вечерам под руководством военрука, физрука Кислова Михаила Павловича, проходили двухнедельные сборы допризывников. Зимой уроки физкультуры проходили на стареньких самодельных лыжах, проводились кроссы, с горок катались на санках, ледянках и лыжах.

В начале октября учителя и уборщицы несколько раз ездили на ночную молотьбу в Березовский колхоз «Развитие» за 15 км. Выезжали в пять часов вечера на двух школьных телегах, запряжённых двумя школьными Машками. К семи часам добирались до хлебных скирд, где уже стояли кустарная молотилка и колёсный трактор ХТЗ. Меня поставили кидать снопы на стол молотилки на высоту более двух метров. Я сразу не понял, что это была самая трудная работа. Вилами-двойчатками цеплял сноп под перевясло и кидал на стол. Раз, два, три. Раз, два, три ... Помощник молотильщика коротким серпом разрезал перевясло и двигал сноп вправо. Молотильщик одним ловким движением растрясал его и пускал в барабан. Зазеваться – руку оторвёт, такое бывало. Сразу я посмеивался, бросая тяжёлый ржаные снопы, но через 15 минут уже болели плечи и лопатки. Отдохнуть было нельзя. «Давай, давай!» Примерно через полчаса молотилка рявкнула от целого снопа, трактор остановился. «Перекур!» Я едва расправил плечи. Работ было много: отгребали и скирдовали полосу и слому. Затаривали мешки и взвешивали зерно. Работали до двух часов ночи. Потом зарывались в солому и спали до шести утра. Запрягали коней и к восьми были уже дома. Умывались, завтракали и шли в школу. Планы были обязательны, а тетради разрешали в этот день не проверять. Было очень трудно, но никто не хныкал и не роптал. Ведь мы работали для Родины. Давно замечено, что, если ребята не только учатся, но и загружены полезной работой и кружками, качество учёбы и дисциплины улучшается. Учителей начинают уважать больше. По соседству жили (а я уже вынужден был переехать на другую квартиру, так как к старикам приехал зять с семьёй) два брата пятиклассника Третьяков Володя и Устинов Лёва у тёти в большой осиротевшей семье. Задумал я составить коллекцию птичьих яиц. Взял краюху хлеба и пошёл, а они увязались за мной. Раньше у моего брата на Урале была собрана большая коллекция. Ребятишки знали многие гнездовья. Договорились брать только одно яйцо из гнёзд, где несколько яиц. Единственное яйцо не брать. Часа через два подошли к роднику, уселись, я разломил на две части краюху хорошего хлеба, отдал ребятам. Они застеснялись, запротестовали. Тогда я отломил себе кусочек, и все стали есть с удовольствием, запивая ледяной чистой водой. Я при них выдул яйца вороны, сороки, кобчика, гальки, скворца и все объяснил. Поторопились домой готовить уроки. Ещё не раз они ходили со мной в такие походы. Учиться стали без двоек, писать лучше. Им требовалась мужская душа. Потом и другие ребята стали приносить яйца: подорлика, тетерева, различных уток, куликов, сов, жаворонков. Набралось 28 видов. И через 50 лет коллекция помогает изучать пернатых.

Осенью, 28 октября, по радио разучивали новую песню о комсомоле. Ему исполнялось 30 лет. Записали слова и разучили мотив:

Солнцу и ветру навстречу
На битву и доблестный труд,
Расправив упрямые плечи,
Вперёд комсомольцы идут.
Комсомольцы – беспокойные сердца.
Комсомольцы всё доводят до конца.
Друзья, вперёд, нас жизнь зовёт,
Наша Родина кругом цветёт.

У меня был хороший сильный баритон. В учительской песню разучивали, после обеда научили петь комсомольцев. На вечернем, праздничном концерте её исполняли для населения.

25 декабря 1948 года на третий раз меня взяли на военную службу. Попал на флот, в Советскую Гавань Хабаровского края.

Там для меня была большая школа педагогической работы. В своей смене артиллерийских электриков (25 курсантов) я был один с высшим педагогическим образованием. После восьми месяцев обучения оставили при школе, назначили командиром смены, дали высший 7-й разряд и жалование 720 рублей. Сделал 4 выпуска. Учил 20-летних парней физкультуре, уставам, песне в строю, умению метко стрелять. С некоторыми матросами было очень и очень трудно. Самым трудным был последний выпуск. Из 25 курсантов 23 раньше отбывали сроки в детских исправительных колониях. Но народ был умный, талантливый, ценил справедливость командира.

Через два месяца мы заняли первое место по школе в строевой и политической подготовке, в учёбе и строевой песне. Ведь я все 4 года был сам ротным запевалой. Это была победа моих нравственных принципов. С тех пор они выполняли любой приказ, ибо верили в справедливость.

Перед демобилизацией нас с другом заставили почти насильно – иначе трибунал – сдать экзамены на офицеров запаса. Это была просто феерия! Мы быстро бегали из кабинета в кабинет и за 2 часа отлично сдали 22 экзамена! Такого успеха у меня в жизни больше никогда не было. 7 ноября 1952 года приехал в Новополтавку, но место было занято. Заведующий РОНО Городецкий уговорил меня год поработать в Ермаковской вечерней школе. 5 января 1953 года я женился на учительнице математики и физики Салбинской школы Анастасии Яковлевне Скрыль. Занятия в вечерней школе продолжались до 12 ночи 5 дней в неделю. Каждую пятницу после занятий в любую погоду шел пешком 18 километров в Салбу. Добирался часам к трём к молодой жене. Утром она уходила в школу, а после обеда шли пешком в любую погоду через горы по тропинке в Новополтавку. В воскресенье тем же путём шли назад. А в понедельник я снова шёл в Ермаковское после обеда. И так каждую неделю. Так крепили наша дружба, любовь и счастье. Многим сегодняшним изнеженным молодым вряд ли это будет по силам. А мы работали.

Из одежды у меня была только красивая флотская форма, и я с гордостью носил её. Да, забыл сказать, что в 1947 году после окончания института вместе с дипломом вручили солдатскую форму: гимнастёрку, брюки и кирзовые сапоги. До сих пор благодарно вспоминаю заботу Родины о нас в это трудное и голодное время. Мы все оказались одеты и обуты. А весной 1948 года за хорошую работу в школе и на селе молодому учителю Зыкову В.И. специальным решением исполкома сельсовета был выдан ордер на 5 метров ситца (зефира в голубую полоску). Я пошёл в магазин, все расступились, и я быстро сделал покупку. Через два дня портниха сшила две рубашки. Наконец-то снял плотную гимнастёрку. Сколько было приятных ощущений! При сегодняшнем изобилии одежды теперешним нашей радости не понять.

С 15 августа 1953 года мы работаем в Новополтавке. Школа получила сразу двух постоянных предметников – русака и математика.

Вторым математиком уже год работала Атрошко Роза Александровна.

В этом же году после окончания Минусинского педучилища приехала в школу Рукавишникова Александра Фёдоровна. Она стала вести 14 часов немецкого языка и 10 часов русского языка и литературы, в 5 классе было 7 часов русского языка и 3 часа литературы. На сдвоенном уроке русского языка еженедельно писали изложение или сочинение. К началу занятий учителя должны были сдать на проверку уже составленные планы работы по каждому предмету на год, на четверть, план воспитательной работы с классом, план работы с родителями, план работы кружка. Каждый учитель обязан был вести какой-то кружок. Ежедневно писались к каждому уроку поурочные планы не менее страницы на урок. Периодически планы проверял завуч и утверждал. Без утверждённого плана учитель на урок не допускался. А в 70-е стали требовать ещё планы по самообразованию учителя. Вот так-то! Каждый год писались новые планы. Не разрешалось пользоваться прошлогодними развёрнутыми конспектами уроков.

С 15-го августа ходили по закреплённым улицам и записывали всех подлежащих обучению до 15-ти лет. Сельсовет вёл свой учёт. Потом эти списки сверялись. И если кто-то не посещал школу, на специальное заседание исполкома сельсовета вызывали директора школы, завуча, классного руководителя и жёстко спрашивали. А в решении записывалось: «Строго обязать директора школы, завуча, классного руководителя обеспечить явку ученика такого-то, об исполнении доложить». А сегодня больно слышать, что миллионы детей не учатся – и никому ничего!

В первые 5 дней необходимо было проверить состояние квартир учащихся своего класса и место для занятий.

Наглядных пособий не было. Купил плакатные перья и тушь. Стал склеивать тетрадные листы в клеточку и писать таблицы, плакатики «Запомни эти слова». Другие учителя тоже делали самодельные наглядные пособия. В школу приобрели «волшебный фонарь» с ацетиленовой горелкой для показа диапозитивов. Мы вечером с Роговым заправили карбидом бачок лампы, закрутили барашковыми винтами плотно крышку и сверху налили воды. Согласно инструкции открутили немного регулировочный винт и зажгли горелку. Роговому показалось пламя небольшим, и он крутанул винт. Вообще он был мужик очень нетерпеливый и властный, все знающий и умеющий. Через несколько мгновений раздался грохот, свист и треск оконной рамы. Карбидная вонь стояла в воздухе. Толстая средняя рейка рамы была перебита, рассыпались стекла. Мы пригляделись и все поняли, и осознали. Когда он крутанул винтик, на карбид полилось много воды и выделилось много газа. Создалось избыточное давление. Барашки срезали винты, и крышка со свистом пролетела между наших голов и перебила раму. А если бы в голову попала? Я не выдержал и сказал: «Дуракам закон не писан». Мой директор промолчал. Аппарат списали.

Немного погодя я купил себе в Абакане фильмоскоп и несколько диафильмов, а потом ещё прикупал. Лет через 10 у меня уже было 120 диафильмов. Село электрифицировали в 1953 году. По воскресеньям стал показывать ученикам кино. Набивался полный класс. Показывал час-полтора. Становилось жарко, душно, маленькие уже нехороший дух пускали. Я не выдерживал, открывал дверь и приказывал: «Пить! В туалет!». Через 15 минут все снова собирались, и я ещё показывал час. Для них это было великое познание мира и счастье жизни. Ведь такого тогда никто из учителей не делал. Сам собой рос авторитет учителя, школы среди детей и родителей, хотя я никогда об этом не думал. Великий Суворов говорил: «Удивить – победить!»

Школа проводила большую работу с родителями. Проводили три общешкольных собрания в год, а классных – по четыре. Хорошо работали общешкольный и классные родительские комитеты. В селе был свой радиоузел. Райком партии разрешил нам прочитать 20 лекций «О воспитании» А.С. Макаренко. Передача начиналась в 9 часов вечера и продолжалась 40 минут. Все учителя были лекторами, читали лекции в клубе. Наша лекторская группа была (я был её председателем) лучшей в районе и до 1988 года дважды была награждена дипломами ЦК общества «Знания». В работе с родителями мы проявили

учительскую хитрость: председателем родительских комитетов выбирали управляющего фермы, председателя сельского совета и их жён, когда учились их дети. Все вопросы стали решаться лучше, особенно проведение Нового года.

Основой всего учебно-воспитательного процесса в селе и школе было выполнение решений Крайисполкома, выполнение режима дня. В 10 часов вечера все должны быть дома (учащиеся). Большую помощь в этом оказывал женский совет села, во главе которого более 20 лет была учительница Зыкова Анастасия Яковлевна. Были спланированы и регулярно проводились рейды членами женсовета, родительского комитета и учителями. Разбивались на три-четыре группы и проверяли по несколько квартир каждая группа. Ещё в другие вечера ходили патрули дружинников (ДНД и пионеров, и комсомольцев). А иногда, слыша крики и смех заигравшихся ребят, я брал фонарик или «жучок» и обходил все улицы села (более трёх километров). Это была добрая вечерняя прогулка. Увидев огонёк, кто-то кричал: «Валерий Иванович идёт!», и все, как воробьи, рассыпались по домам. Некоторые оставались сидеть на лавочке. Никогда не ругал, давал минут 10 договорить, а потом уже шли домой. Уважение за уважение. На линейках, которые я проводил сам, постоянно подводились итоги учёбы и выполнения распорядка дня. Благодаря всей этой работе в селе не было драк, хулиганства, насилий.

Между классами шло социалистическое соревнование в учёбе, дисциплине и общественной работе. Лучшие классы награждались радиолами, а мой 6-ой класс в 1960 году был награждён экскурсией на строящуюся Красноярскую ГЭС. В 70-е годы лучшим учащимся стали вручать отличительные знаки. На кружке величиной со старинный пятак, обтянутом красной материей, была золотая надпись: «Учится на пять». На кружке поменьше было написано серебром: «Учится на 4 и 3». Знак носили на левой стороне груди. Они вручались раз в четверть, очень ценились учащимися. Появился дух задора и соперничества: «А я разве не смогу так?» В начальных классах, кроме знака, ещё за работу, выполненную на пять, на корочку тетради наклеивалась красная звёздочка. У отличников почти вся корочка была в звёздочках, они и сейчас с гордостью хранятся в семьях.

Разными путями старались дойти до каждого и найти в нем что-то хорошее: успехи в спорте, в рисовании, в труде – и ребёнок преображался, его начинали уважать товарищи и родители. Раскрывая свои способности, он начинал учиться лучше, становился дисциплинированнее. Ежедневно проводились воспитательные классные часы. Хорошо помогали «экраны успеваемости» учащихся, которые вывешивались в классе, а общешкольные – в красном уголке на животноводстве и в конторе фермы №5. Родители сравнивали качество учёбы детей с ревностью, задевало самолюбие. Результат – учёба улучшалась. Экраны готовили классные руководители раз в четверть. Помогала и стенная печать. Сегодня, 28 октября 2001 года, побывала у меня, своего классного руководителя, Тоня Магеря. Сейчас, через 39 лет, Антонина Ефимовна Емельянова, учитель русского языка и литературы Шушенского сельхозтехникума, вспоминает: «Я была редактором газеты, которую выпускали два раза в месяц. Училась я на 4 и 5. Случайно по русскому языку у Валерия Ивановича получила 3. Маме он сказал, что можно было бы поставить и 4, но не надо делать поблажек. Заметка об этой несчастной тройке была помещена в газете, и газета висела два месяца! А когда училась в Абаканском пединституте и стала пропускать лекции, а вместо них ходить в кино, сестра Зина обеспокоилась и написала маме, а та пришла к Валерию Ивановичу и отдала письмо. Через несколько дней мне пришла «весточка» от Валерия Ивановича. Там были упрек и гнев, страшная вздрючка мне, лучшей ученице класса. Я досыта наплакалась, но взялась за ум и стала хорошо учиться».

А вот ещё случай. Класс подобрался хороший, но мальчишки Володя Онипко и Коля Синеоков разленились, стали получать двойки. Пообещал сходить к ним домой. Никакого результата – опять двойки. А тут Синеоков что-то ещё и нашкодил. Оба клялись, что исправятся. Но терпенье моё кончилось. Я взял Синеокова за руку, чтобы он не убежал. Он стал вырываться. Я посоветовал ему идти спокойно, чтобы встречные люди не посмеялись: «Я все равно не отпущу», подошли к воротам. Под одной рукой у меня были книги – их не

бросишь. Отпустил его руку и открыл калитку. Коля стремительно рванулся во двор, проскользнул под крыльцо между высокими ступеньками и умчался в огород. Я подобрал его сумку и занёс её в дом. А там за столом сидели отец и два только что пришедшие из армии сына Сергей и Иван, оба наши выпускники. Пригласили меня отметить встречу, но я отказался и рассказал о проделках братика и попросил помочь. С этого дня Коля наладился. Хорошо окончил школу, потом физкультурное отделение Минусинского педучилища. После военной службы стал в нашей школе учителем физкультуры и пионервожатым. Хорошо проводил «Зарницы», требовал высокой дисциплины. Любил делать карьеру и весной отпросился в Артек пионервожатым. Получил назначение ЦК комсомола и проработал в Артеке целый год. Через несколько лет вернулся бравым прапорщиком и стал хвалиться, что у него в складах и шоколад, и конфеты, и тушёнка и т.д. Меня это оскорбило: и это Колька, мечтавший о карьере? Подошёл к нему и стал с восхищением ощупывать две звёздочки на погонах, приговаривая насмешливо: «О, да ты генерал-лейтенант, только погоны узкие!» Он понял мою насмешку, густо покраснел и стал оправдываться. А я его отбрил без «мыла», ругал вдоль и поперёк. Умному и способному нужно поступать в военное училище. В 1987 году на встречу 40 выпусков приехал в звании майора, обнял меня и стал рассказывать: «Сейчас работаю в штабе округа. Мои докладные в Москву считаются самыми лучшими по литературному слогу. У меня самый красивый почерк. Не зря вы от нас жёстко требовали, это понял только сейчас. Спасибо вам за уроки русского языка и литературы».

Вот так со школьной скамьи мы старались вести своих учеников в жизни, быть справедливыми, раскрывать свои таланты.

А к Володе Онишко я попал в тот же день, что и к Синеокову. Не было ещё четырёх, а он уже собирался на улицу. Мать встретила меня, скрестив руки на груди, злым взглядом: ее уже не раз вызывали в школу. В семье было четверо мальчишек. Поздоровавшись, я стал проверять у Володи подготовку уроков. А на завтра были русский язык, литература, арифметика, история, география. Было выполнено упражнение по русскому языку, задачу по арифметике он не сделал, устные не приготовил. Мягко, спокойно стал решать с ним задачу – решили. При мне приготовил все устные. И я его опросил, а по литературе поставил пять. Мать поразило, что я знаю все предметы. Глаза её стали добрыми. Я похвалил мальчика за ум и пожурил за леность. Прощаясь, обещал прийти завтра. И пришёл. Комнату было теперь не узнать: тщательно вымыт пол, все чисто прибрано, стол был накрыт новой скатертью, меня ждали. Все книги были обёрнуты чистой газетой. Все уроки были хорошо сделаны. Я проверил тетрадь, поставил четвёрки в дневник. Это их поразило: оценка на завтра! А устные отвечал так, что от зубов отлетало. Память у чертёнка была прекрасная. Глянул на мать, а у неё слезы радости в глазах. Я предложил наладить режим дня: после школы переодеться, пообедать, управиться по хозяйству, садиться делать уроки. А потом – играть. Кончил дело – гуляй смело. Володька сиял от счастья – за него заступились. Мать на радостях с таким режимом согласилась и спросила, приду ли я завтра. Я ответил, что могу и прийти, но ведь они не одни. И снова пришёл. Приготовился он замечательно. На четвёртый день он в классе спросил приду ли я. Я возмутился: «Ты совсем обнаглел! Ты ведь у меня не один. К любому из вас могу прийти в любой день, готовьтесь». И снова пришёл. А потом пришёл через пять дней. Вот такой постоянный, доброжелательный контроль, помощь, добрая связь с родителями помогали улучшать учёбу и дисциплину. Мой класс был самым чистым, уборщицы наметали маленькую щепотку сора. Тогда не было кабинетной системы, с первого до последнего урока занимались в своём классе. Я посоветовался с ребятами, и мы решили навести флотский порядок. Выбрали двух санитаров. У каждого была через плечо сумочка с красным крестом, а в ней бинт, вата, йод. Перед занятиями проверяли у всех ногти, чистоту рук, лица, шей, одежды, обуви, наличие пионерского галстука. Нерях отправляли в коридор умываться, стричь ногти, мыть обувь. Сначала кое-кто сердился, возмущались их родители. Но через полмесяца дело пошло на лад. На еженедельном классном часе осмотр делал сам, заставлял некоторых стричься. Все носили форму. В классе стало светлее, приятнее, все стали вежливее. Пришло время наводить порядок в сумках. Объявил заранее и стал

проверять порядок. У половины класса книги и дневник были не обёрнуты, много мусора в сумках. Книги и тетради выкладывали сами на край парты, а остальное высыпали на парту. Приятно было смотреть на наших чистюль, они и сидели гордо. Остальные убирали мусор в мусорный ящик в коридоре. Вместе с тремя учениками по рядам проверяли состояние содержания учебников, а потом все обёртывали свежими газетами, которые я приносил: во многих семьях газет не было. Скоро дело пошло на лад. После последнего урока я всегда приходил в класс, проверял его состояние, приказывал убрать в партах и под партами. Решал мелкие дела класса и отпускал ребят домой. Когда меня кто-то задерживал, приходил через пять минут староста, и мы шли в класс. И так было всегда. Чёткий порядок дисциплинировал, цементировал класс, ребята стали послушнее, обязательнее в поступках. Воскресные дни проводили в походах, соревнованиях. Однажды в марте после сильного снегопада взял малопульку, пачку патронов и повёл на лыжах всех двадцать человек к Манчиному околку. Было тепло. Я шёл первым и торил дорогу в глубоком снегу. За мной шли мальчишки. Устал, остановил строй и объяснил, как должен двигаться отряд: первый пойдёт последним, а отряд ведёт второй, потом третий.... Такой способ сберегает силы.

Развели костёр, нажарили шашлыков и славно поели, а потом стали играть, баловаться, вволю напурхались в мягком снегу. А когда стали отдыхать, я решил спросить завтрашний урок по литературе – «Бой с барсом» из поэмы Лермонтова «Мцыри». Ребята опешили и растерялись. Не смутились только двое: они выучили. Тоня Магеря прочитала очень хорошо, а Вася Роговой только в одном месте запнулся. Учтя полевые условия и первенство в ответах, я пообещал завтра в журнал поставить 5. А потом стали стрелять из малопульки на 10 метров в спичечный коробок, соблюдая все меры предосторожности. Условия: попал – получи ещё патрон. Сначала показал я, а потом стреляли ребята. Мазали безбожно! И только Вася Роговой раз за разом сбивал коробок. После третьего попадания я забрал винтовку и сказал: «Так ты у меня все патроны перестреляешь. Хватит». Авторитет Васи стремительно возростал. На второй день на уроке литературы я поставил им пятёрки в журнал и в дневник. Класс загудел. Появились желающие тоже отличиться, а я объяснил, что у Тони и Васи самые дорогие пятёрки, потому что они отвечали на день раньше и подглядеть было негде. Вот так интересно жили и учились.

А история с гидропоном? Макаренко учил, что у отряда, класса должно быть всегда интересное дело. Оно сплачивает, возбуждает, повышает страсть к знаниям. И такое дело подвернулось. Как-то зимой приехал к нам в школу главный зоотехник нашего совхоза им. Щетинкина Василий Степанович Волошин, страстно влюблённый в свою профессию ученый зоотехник. Он рассказал о своём горе: ежегодно при весеннем опороде от недостатков витаминов гибнут сотни поросят. И попросил помочь. Нужно выращивать зелень гидропонным способом. Классные слушали и молчали, никто не хотел браться за хлопотное дело. А я пошёл в класс советоваться с ребятами. Я им рассказал, как много мы можем спасти поросят. Вырастят и получат десятки тонн мяса, а это повысит зарплату родителей. Класс меня поддержал. Я пошёл к Волошину. Он рассказал мне технологию выращивания гидропона: в противни из оцинкованного железа насыпалось зерно слоем в два сантиметра или смесь кукурузы, пшеницы, ячменя, овса. Все это заливалось слабым раствором азотных, калийных и фосфорных удобрений, добавлялись и микроудобрения.

*Гидропоника в школьной теплице.
1963 г.*

Первый раз раствор через четыре часа сливался. Зерно лежало до следующего дня. Потом каждый день заливали раствор только на 20 минут. Я срочно собрал родительское собрание, всё им подробно объяснил, всю пользу этой работы для взрослых и детей. Ребята до шести часов вечера должны выучить уроки, помочь по хозяйству, а с 6 часов до 10-11 часов дежурить в теплице и топить боровковую печь. Родители согласились. Дежурили по двое, мальчишка с девочкой, как выбрали сами. Это был седьмой класс, уже и симпатии возникали. Через два дня Волошин сам привёз все необходимое и халаты. В классе вместе с ребятами засыпали в один противень зерно, залили раствором. Теплица была подземная три на четыре метра. Сделали две линии двойных стеллажей с наклоном. Вместе с Волошиным и ребятами зарядили все 24 противня размером 50 см на 100 см и началась хлопотливая работа. Всем интересно было видеть, как на третий день полезли зелёные расточки. Цикл длился 10-12 дней. Слой корней достигал 5-7 см, а зелень выростала на 10 см. Раз в три дня приезжали и увозили шесть пластов из противней гидропонной зелени, укутывая от мороза. Однажды пол-одиннадцатого вечера в февральскую вьюгу раздался торопливый стук в окно. Я подошёл к окну, увидел лицо мальчишки и услышал отчаянный крик: «Валерий Иванович, труба упала!» Я быстро оделся и выбежал на улицу. Вместе с Васей Роговым мы побежали к школе. Он, чуть не плача, рассказал о беде. Я на ходу его успокоил, что зелень замёрзнуть не успеет. Оказалось, что труба жестяная упала и разбила только одно стекло. Дыру закрыли доской, трубу закрыли и пошли домой. В журнале дежурств я ему с Тоней поставил пять. Так крепилось заботливое отношение к делу, радость успеха. Не раз приезжал Волошин и радовался за ребят и свиноматок. Удачно прошёл мартовский опорос. В апреле приехал Волошин в школу. Глаза его светились счастьем, он улыбался. Ещё бы! Впервые все поросята мартовского опороса были живыми. Теперь уже гидропон не нужен. Он сказал, что мы вырастили 1000 кг зелени зимой. Привёз грамоту от руководства совхоза и попросил построить линейку.

Построили. Он обо всем рассказал и поблагодарил моих семиклассников, а потом вручил грамоту и поклонился в пояс. Ребята не ожидали этого и были на верху блаженства. Это было в 1963 году.

Да разве может городской учитель и его класс сделать столько, сколько деревенские ребята? В городе нет для этого условий и надобности. Деревенские живут шире, веселее, увлекательнее. Это была победа нашего пионерского отряда. Вообще без огромной работы нашей пионерской дружины имени Павла Морозова мы бы никогда не достигли наших больших успехов в учёбе, воспитании и труде. Нам есть, чем гордиться. Если быть, так быть лучшим! Лучше быть на селе первым, чем в городе последним. Знаешь сам – научи другого. Учиться, учиться и учиться. Знания – самый лёгкий груз. Вот это были наши девизы. Мы учили, а дети учились любить своё село, свою малую родину. А потом любить и знать свой край, свою Великую Родину – Советский Союз и помнить, что у каждого есть большая мама – Республика моя. Она всегда позаботится о нас. И не зря мы говорили: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». В шестидесятые годы премьер-министр Канады г-н Трюдо посетил Норильск и был восхищён самим городом и его жизнью. Он сказал: «Вы обманываете нас, что у вас нет привилегированных классов. Ваш привилегированный класс – дети».

Учитель остаётся учителем до тех пор, пока сам учится: в институте, читает книги, слушает лекции, учится на политзанятиях, смотрит кино, телевизор, игру артистов театра, то есть постоянно обогащает свои знания и умения. После получения образования, мы с женой продолжали учиться заочно в Абаканском институте: я на третьем курсе педагогического, а она – в учительском. Добирались в Абакан в кузове открытой машины. У меня было только осеннее пальто, за несколько часов езды на 40-градусном морозе просвистывало насквозь. Едва слезил с машины и не мог разлепить окоченевших губ. А иногда ссаживали с тяжело груженной машины, и мы шли в Думную гору пешком, грелись. А летом другая напасть: мостов через Енисей и Абакан не было, ходили паромы. Очередь машин вытягивалась на километр и больше. В 1957 году оба вышли на госэкзамены. Пришлось ехать с грудным четырёхмесячным ребёнком. Ютились у родных в маленькой каморке, на односпальной

кровати. Досадили текущие экзамены, и тут заболели маленький Коля и жена. На этом её учёба и закончилась, потому что учительский физмат перевели в Красноярск, это было по тем временам далеко. Я благополучно окончил институт. Крупно повезло: однажды на барахолке удалось купить старенький учебник русского языка для педучилищ.

Никакой методической литературы тогда почти не было. В сентябре 1953 привалило счастье: в Ермаковском книжном магазине купил толстенный «Толковый словарь русского языка» под редакцией профессора Ожегова. Теперь я был во всеоружии. Словари дают массу знаний, я люблю их беззаветно и умею с ними работать часами. Ещё в сороковых годах у меня был карманный «Словарь иностранных слов». Каждую свободную минуту я читал его, и меня прозвали «ходячей энциклопедией», потому что я мог ответить на любой вопрос студентов.

За много лет удалось приобрести для школы ещё два словаря Ожегова, словари иностранных слов, синонимов, антонимов, омонимов, большой фразеологический словарь, орфоэпический, словарь ударений, словарь работников радио и телевидения, словарь сокращений, четырёхтомный словарь Даля, четырёхтомный «Словарь языка Пушкина», два издания «Детской энциклопедии», а в 1970 году подписались на «Большую советскую энциклопедию». Теперь учителя были во всеоружии. Такого словарного богатства не имела и не имеет ни одна школа района. Уже в 1954 году толковый словарь нам помог: поставил на место зазнавшегося инспектора. На уроке математики у жены в пятом классе был инспектор Богданов. При разборе урока инспектор возмутился её неграмотностью: «Она говорит пять граммов, килограммов, помидоров, а надо пять грамм, килограмм, помидор». Когда мне директор сказал об этом, я был ошарашен и на всякий случай полез в словарь и сделал закладки, приготовился поставить на место зазнайку. Присутствующие учителя и директор тоже были смущены, заколебались. На педсовете он свысока, снисходительно стал поучать всех, как надо говорить и писать. Тогда я взял слово и дал ему прочитать в толковом словаре. Удар был страшный: у него кровь отлила от лица, оно пожелтело, а инспектор что-то пробормотал об ошибке. С тех пор он у нас с женой посещал только по одному уроку и всё хвалил. Нам это было неприятно: человек сломался. У школы не было ложных авторитетов, мы боролись за гражданскую справедливость и истинные знания.

Село состояло из выходцев из Украины, дети в школе «балакали» по-украински. Директор школы Роговой и часть учителей тоже были украинцы. Это частично сказывалось на грамотности. А школа-то была русская. РОНО не раз требовало, чтобы в школе все говорили только по-русски, а дома – как хотят. И вот постепенно год за годом украинский стал исчезать. Третье поколение учеников его уже почти не употребляет. А жаль! Язык живой, певучий, меткий, а иногда и едкий: дадут прозвище – и паспорта не надо. Теперь в село понаехало много русских, латышей и людей других национальностей. Работать было трудно. Директор школы Роговой П.Ф., сам-то окончивший всего семь классов и курсы, периодически ставил в тарификации вакансии жене, окончившей педучилище и три курса физмата, несколько раз бывшей завучем, и Скрыль А.В, которая вела немецкий и русский. Кончался год, и учитель не знал, где и кем он будет работать. Это било по нервам, а ему это доставляло удовольствие. Жене поручали математику, а на следующий год начальный класс, потом снова математику. Удивительно, но мы все это безропотно терпели. Считали, что так надо. Когда я был завучем, и он в третий раз посоветовал поставить жену математиком, я взорвался:

– Она дура!

*Зыкова Анастасия Яковлевна
с классом*

Он удивлённо посмотрел на меня и сказал:

– Да она хороший математик!

– Так зачем же её было дёргать то на старшие, то на начальные классы. Она ведь и так после рождения дочери в 1953 году, 25 октября по вашему требованию через 15 дней вышла на работу: математику вести некому, а мы соблюдаем свой шкурный интерес. Ищите, математика, а она будет работать в начальных классах.

Трудно было работать и морально. Он все время меня подначивал, что имею высшее образование, а коня запрячь не могу. Я ведь вырос в городе. Научился запрягать и ездить верхом. Понял, что защищаться нужно его же оружием. И однажды в сердцах сказал: «Я запрягать и ездить верхом научился, а вы высшего образования никогда не получите». Он смолчал и больше никогда меня не подначивал. А в другой раз поехали на школьный покос на двух подводах. Сам Роговой поехал на хорошем школьном коне, а мне дал серенького колхозного конька. В телеге нас было шесть человек. Я не проверил, зануздан ли конь, и он нас с горы повёз вскачь, телега чуть не перевернулась. Чудом перелетели через канаву, а конь все мчался, не слушаясь вожжей. Только через сотню метров удалось направить его в куст боярышника, и он встал. Женщины с моей телеги были чуть живы от страха. Подбежали и остальные. Я стал зануздывать коня и со злостью сказал: «Какой болван запрягал? Мой дедушка говорил: найдёшь лошадиную голову – и ту зануздай». Павел Федорович промолчал. С тех пор я понял: верь, но проверь. Надо было мне самому проверить всю запряжку. Но на этом приключения не кончились. Убирали школьное сено и возили на волокушах. Рядом за волокушей загребала сестра жены, восьмиклассница Тоня (от нашей семьи всегда ездило трое – четверо). Смотрю, Тоня не успевает загребать и заплакала. Присмотрелся и увидел, что Павел Федорович берет сено не от конца ряда, а наоборот. Решил его проучить. Отправил Тоню сбегать в кусты, а ему предложил загребать. Сам стал накладывать сено, как он. Раз за разом волокуша уходила все дальше, а он не успевал и закричал: «Кто же так делает?» Я ответил: «С вас пример взял». Он все понял и дальше не пакостил. Сейчас я об этом имею право сказать, а во время работы мы, все учителя, никогда не обсуждали его действий между собой. Его слово было законом. Поэтому и коллектив был дружный, исполнительный, не было никаких склок и разных группировок. Мы просто старались много работать в школе и на селе. Хочется привести слова бывшей ученицы, а потом и учителя биологии и географии нашей школы Гармашовой (Тюленевой) Анны Константиновны, которая с семьёй переехала в Кызыл. Она очень боялась работать в городской областной школе. А приехав в гости через два года, рассказывала в учительской и хохотала: «Я боялась, что у меня не хватит знаний и умений работать в городской школе. Но я ошиблась. Новополтавская школа от нас требовала так много во всей работе, что проработавшему несколько лет в Новополтавской школе не страшно работать в любой школе Советского Союза. Мы всегда работали с огоньком в душе». В шестидесятые годы стали требовать во главе школ директоров с высшим образованием. Меня несколько раз вызывали в район и райисполком, но я упорно отказывался. Жалко было Павла Фёдоровича, он терял половину в зарплате, ему нужно было работать до пенсии в 1969 году. С 1966 года я был завучем и тащил на себе всю учебно-воспитательную работу. Директорствовать я не хотел. Однажды я услышал плач, доносившийся из директорской. Я быстро зашёл туда и был поражён увиденным. Седой старик плакал навзрыд и кричал:

– Все гады и сволочи! Никому не верю! Только тебе верю!

В это время зашла Анастасия Яковлевна.

– Да ещё ей верю, а больше никому!

И мы поспешили уйти. Видно, кто-то его сильно укусил.

Через год он, не глядя в глаза, посылает меня в район. Там мне снова предложили должность директора. Я им сказал, что не люблю работу директора, я учитель, а Роговой должен работать до пенсии, стыдно его гнать. Приехал сердитый – пропустил 4 урока и сказал: «Вы же знали, зачем меня вызывают и не сказали. Я отказался, спокойно работайте до пенсии». Он заплакал и сказал: «Спасибо».

Я поскорее вышел: больно было видеть слезы старого мужчины. После выхода на пенсию он ещё год вёл историю, мне жалко было отдавать русский язык, но через год пришлось самому взяться за историю, чтобы поездки по директорским делам меньше отражались на знаниях детей по русскому языку. С болью и кровью отрывал от себя любимый предмет. Потом он был заведующим пришкольным участком. Весна 1971 года была ранняя, тёплая, и он высадил помидоры 4 июня. Я его убедить подождать до 10-го не смог. А у нас в это время бывают возвратные заморозки. И вот случилась беда: 10 июня в шестом часу ударил мороз в 7 градусов. Мои-то помидоры были ещё все в парнике под рамами и укрыты брезентом. Я побежал в школу. Он уже был около помидоров и укрывал их принесённым тряпьем. На него жалко было смотреть. Я ему только и сказал: «Я же вам говорил!» Помидоры уже все окостенели. Через два дня собрали остатки помидоров в своих хозяйствах и восстановили плантацию. И раньше деревенские спрашивали нас, когда можно высаживать помидоры. А после этого случая без нашего «разрешения» никто раньше 10 не сажал. Так рос авторитет учителя. Меня не раз приглашали вступить в партию – КПСС, но я отказывался. У меня в это время было 13 разных нагрузок. Я был честным комсомольцем и в душе любил Ленина, свой народ и партию, свято исполнял долг советского человека. «А билет мне не нужен», – так думал я. Но я крепко ошибался. В конце декабря ко мне в директорскую, пришёл потемневший и мрачный Павел Федорович, он и рассказал: «Вот ты не хочешь в партию вступать, а вчера чуть беда не случилась, хотели опакостить коллектив учителей. На партийном собрании поставили вопрос о работе школы, не пригласив тебя, директора, для отчёта. Секретарь Асауленко Виктор Степанович встал и предложил признать работу школы неудовлетворительной. А ведь 11 лет назад райком партии упросил нас принять у него и у Магды Н.Ф. экстерном экзамены за 7 классов. После этого он поступил в Минусинскую совпартшколу, окончил ее и стал работать у нас зоотехником. И вот все уже были готовы проголосовать «За». Я не выдержал, вскочил, плюнул, срамины! И ушёл с собрания. Возле афишной витрины меня догнал и остановил Магда. Закурили, и он уговорил меня вернуться на собрание. Вернулись, и меня попросили выступить. И я снова не удержался: «Срамины! Если школа плохо работает, то кто же научил вас и ваших детей? Учителя! Кто учит первоклассников правильно ходить в туалет и вытирает им сопли? Учителя! Где дольше, до 12 ночи, горит свет? В доме учителя и в школе! Кто занимает детей по воскресениям? Учителя! Кто развлекает все село самодеятельностью? Учителя! Кто помогает вам выращивать и убирать урожай корнеплодов? Школа! Кто ухаживает за памятником и парком, устраивает торжества у памятника на 9 мая? Школа! Кто ведёт всю агитационную просветительскую работу на селе? Учителя! Кто вырастил тысячи прекрасных цветов и деревьев, огородил парк? Школа! Тут Асауленко быстро встал и предложил признать работу школы удовлетворительной. Все проголосовали «За». Вот так-то, Валерий. Я долго не проживу, а в школе не останется ни одного коммуниста. Вот я вчера бы не вступился, и опозорили бы школу. А отмыть клеймо плохой школы очень непросто. Вступай!» Своим рассказом он меня убедил, и я написал заявление. Он мне дал рекомендацию. Вскоре он заболел, и я пришёл его навестить. Он весь высох и собрался умирать. Я его ободрял, а он со слезами тихо сказал: «Перед смертью хоть бы «Кобзаря» почитать». Я пошёл домой, подписал мою любимую книгу и принёс ему. Он засмеялся от радости, как малое дитя. Я поругал его за слабость и потребовал: надо жить. И что вы думаете? Ему полегчало, и он стал ходить и прожил ещё два года. Перед смертью он сказал своей жене Ефросинии: «Пусть меня похоронит Валерий». Хоронила его с духовым оркестром вся школа. Впереди несли много венков. Лучшие пионеры несли подушечки с орденами. За ними шла знаменная группа с пионерским и комсомольским знамёнами, горнисты и барабанщики. Несли его по очереди 18 человек, его бывшие ученики. Провожало его все село. Возле школы остановились, и я, давась слезами, сказал прощальные слова.

Потом остановились около сельсовета, депутатом которого он избирался много лет. На кладбище на траурном митинге многие сказали о нём добрые слова. Потом я скомандовал: «Знамёна склонить. Горн! Барабан!» И запели горны, и ударили пять

барабанов, и многие люди заплакали. Вот такой была суровая требовательная дружба двух офицеров-артиллеристов.

Жизнь – это борьба, постоянная, неустанная борьба за справедливое отношение к каждому гражданину страны, будь он даже маленьким карапузом. Человек человеку – друг, товарищ и брат. Помоги ближнему своему, обогрей и накорми сирого и убогого. Этим вечным ценностям тысячи лет. Им мы учили детей.

Случилось так, что я сам себя высек. На августовской конференции 1957 года в докладе зав. района Магери П.И. много говорилось о развитии животноводства в стране, о строительстве животноводческих городков. А о строительстве и оборудовании школ – ничего. Меня это возмутило, я попросил слова и сказал: «Сегодня мы говорим о персональных поилках для коров, а в школах мало приборов и оборудования, таблиц, учебных картин и хорошей ученической мебели. У нас есть парты, которым более 50 лет. А ведь учим и воспитываем будущих строителей коммунизма. Так дайте настоящие условия для воспитания человека будущего. Всё во имя человека, всё для блага человека. Человек – это звучит гордо! Человек – это великолепно!» Я сел на место под бурные аплодисменты. А президиум забеспокоился, зашептался и послал выступить Фельдмана Романа Григорьевича, директора Араданской школы. Он стал говорить о политической незрелости моего выступления, несвоевременности и т.д., зал ворчал. В конце конференции всегда проводилось партийное собрание. В этот раз его окончания мы ждали больше обычного. Потом на лошадях добирались домой за 25 километров. Утром следующего дня по просьбе члена партии Ососковой, вновь назначенной учительницы немецкого языка, срочно собрали профсоюзное собрание. А я был тогда предместкома и членом райкома профсоюза. Я предложил повестку дня: «О недостойном поведении на конференции Зыкова В.И.» Она покраснела и спросила, откуда я знаю повестку. А я ответил, что любому было понятно, о чем должна идти речь после такого незапланированного выступления. Я стал вести собрание. Все знали суть дела и возмущались несправедливостью. Я смеялся и все же настоял на решении: за неправильное поведение на конференции объявить Зыкову В.И. строгий выговор. Райком иначе не успокоится. А мой директор Роговой П.Ф. молчал.

С января 1963 года наш район соединили с Шушенским и Верхнеусинским, протяжённость Шушенского района стала 300 км. Это было безрассудное хрущёвское укрупнение. Просуществовало это безобразие до 1967 года. Я как раз был завучем. Началась борьба за 100% успеваемость. Многие школы шли на обман, чтоб казаться хорошими. А у нас случился «обвал». Из года в год накапливалось количество слабо успевающих учащихся, которых предлагало РОНО переводить, а потом подтягивать их. Но долго так продолжаться не могло. И вот у нас на сто с небольшим учащихся оказалось 18 осенников и второгодников. Клеймили нашу школу в докладе зав. РОНО безжалостно и жестоко. Из хорошей школы мы превратились в неумеющих работать учителей. Наш добрый знакомый Халевин И.Ф., бывший начальник контрразведки дивизии, а теперь зав. РОНО, потребовал отчитаться за каждого неуспевающего. Мой директор Роговой П.Ф. положил под язык валидол и сказал: «Ты завуч, иди и отчитывайся». И я пошёл на позор и на срам к трибуне. Отчитался за причины неуспеваемости четверых и вдруг услышал визгливый крик взбешённого Халевина И.Ф.: «Что вы нам за каждого отчитываетесь!» И тут я сорвался. Голос у меня сильный, и я с гневом стал говорить: «Вы не дали мне до конца объяснить. С вас требует КрайОНО 100% успеваемости, а её не всегда можно достичь. Я проверял экзаменационные работы других школ по поручению РОНО, и во многих работах приходилось снижать оценку на один-два балла, и тройка превращалась в двойку. Вот вам и 100%. Да я сейчас пойду в любую Шушенскую школу и докажу, что их 100% – липа!» Надо сказать, что ермаковцы сидели в правых рядах от трибуны, а шушенцы – в левых. Что тут началось! Шушенцы вскочили, топали ногами, кричали: «Как он смеет! Негодяй! Вон!» А ермаковцы скандировали: «Мо-ло-дец! Правильно!» Я переждал крики и загремел: «Ну, погодите, ужо вам! На будущий год вы посадите меня в президиум и попросите поделиться опытом хорошей работы». Зал бесновался. Я сошёл со сцены под гневными взглядами

инспектора КрайОНО и Халевина. Никто никогда не говорил им в глаза такой правды. Я шёл и думал, что упаду. Сердце бешено колотилось, голова горела. Товарищи, ермаковцы хватили за руку и крепко пожимали. А я до перерыва едва пришёл в себя. Дорого же обходится организму возможность сказать правду.

Вернулись с конференции и стали усиленно заниматься с осенниками по 4 часа в день. Наше упорство победило, все 16 перешли в следующий класс. Осталось только два второгодника. С осени составили планы дополнительной работы со слабыми, директор и завуч усилили контроль за работой учителей и учащихся. За 15 дней до конца четверти подводили предварительные итоги успеваемости. Это помогало вовремя подтянуть слабых и подтолкнуть сильных. На педсоветах не раз говорили, что стыдно нам скатываться в разряд слабеньких школ. Все это нам помогло «допарить» наших птенцов. Школа звенела, как натянутая струна. Много стали помогать родители, усилилась работа в пионерских отрядах. И вот результат: успеваемость 99 с лишним процентов, 40% отличников и ударников, только один второгодник. Это был лучший результат среди всех школ района.

Перед началом конференции зав. РОНО подошёл к Роговому и пригласил его в президиум. А он ответил: «Над завучем издевались в прошлом году, его и зовите». Заведующий подошёл ко мне и пригласил, а я отказался и сказал: «Я ведь в прошлом году предсказал вам, что мы будем лучшими, а вы попросите нас поделиться опытом. Все это помнят и будут смеяться». Он взял меня за руку и потянул к сцене. Я упорно сопротивлялся целых три шага. Кругом стали смеяться, и я пошёл на сцену. Посадили меня рядом с инспектором КрайОНО. На этот раз он вежливо улыбался и жал руку. После своего доклада заведующий предоставил слово мне. Я непроизвольно засмеялся. А весь зал, первыми шушенцы, встал и начал аплодировать. Я подошёл к трибуне и промолвил: «А шо я вам казав, га?» Аплодисменты усилились. Вскоре зал успокоился, и я стал говорить: «В прошлом году вы нас здесь больно били, но у нас хватило мужества выстоять, мы не сломались. Стали работать ещё упорнее, настойчивее, но 100% так и не достигли. У нас нелегко получить пятёрку, мы не ставим завышенных оценок, честно смотрим в глаза родителей и учеников. Учитель, завышая оценку, предаёт ученика и родителей и горько бывает, когда ученик не проходит по конкурсу в техникум или вуз. Не бойтесь окриков РОНО, работайте честно и упорно, творчески, и у вас тоже все получится не хуже нашего». И снова аплодисменты. Это был наш звёздный час. Мы победили и коллектив уверовал в свои творческие силы.

В 1964 году из Арадана приехала семья опытных учителей Христоробова Анастасия Викторовна и Кокорев Матвей Максимович. Им было за 40. Не всё им сразу-то понравилось, и они хотели повернуть по-своему, а мы с директором им сказали так: «Со своим уставом в чужой монастырь не суются. Все лучшее от вас мы примем, но основа работы останется прежней». Они согласились, и дело пошло успешно. Им надо было утвердиться в новой школе, и они работали очень старательно. Матвей Максимович был талантливым учителем-универсалом. Умел многое делать быстро и хорошо. Вёл физику, химию, биологию, географию, пение, рисование, вёл кружки фотолюбителей, туристов, юннатов. Построил с детьми большую географическую площадку, где постоянно много лет велись наблюдения за погодой. Этими данными пользовалась даже краевая метеослужба. Разработал туристский маршрут на Араданское озеро в цирковых горах среди Саян и много раз водил ребят в походы на целую неделю. Маршрут был сложный, и все дети получали значки «Турист СССР», высокую награду для детей. С учеником Пилипенко Колей построил теплицу 50 м². Впервые в марте вырастили огурцы и показали их в Шушенском на

*Кокорев Матвей Максимович
на уроке*

совещании директоров края. Ни у кого тогда таких успехов не было. С тех пор к выпускному вечеру у нас всегда были свои огурцы и спелые помидоры. А сколько радости было у наших женщин, когда к 8 марта угостили их цветущими тюльпанами. К 100-летию со дня рождения В.И. Ленина 22 апреля 1970 года нашу сцену, а потом и районную, украшали ящики с цветущими астрами и сальвией огнецветной.

При Кокореве М.М оживилась и упорядочилась юннатская работа. За два года он разработал 48 опытов, которые успешно проводились на пришкольном участке. Участок большой, 63 сотки. В 1983 году удалось размножить весь пакет опытов по просьбе Красноярского краевого ИУУ и разослать во все РОНО края. Опыты были так тщательно и подробно разработаны в рабочем журнале, что по ним свободно работали любые учителя школы, которые летом оставались на пришкольном участке. У каждого юнната был свой дневник с разработкой опыта. Учитель только проверял и расписывался за проделанную работу.

Школа и юннаты не раз были участниками Выставки Достижений Народного Хозяйства СССР (ВДНХ), а в 1970 году 27 юннатов получили удостоверения участников ВДНХ, а юннаты Рясик Б., Гаркалова Р. и руководитель Кокорев М.М. были награждены бронзовыми медалями и именными часами. Наш пришкольный участок был и остаётся эталоном для работы юннатов всего района. На базе нашего участка проходили практику студенты-заочники биофака Абаканского пединститута, а в 1981 году – 4 студентки-очницы. В числе их была и наша дочь Евдокия. С 7 до 1 часу дня они были на поле, где ребята пропалывали кузику. С часу до трёх – обед и отдых. С трёх до семи – опытническая работа с юннатами на пришкольном участке. И так по 10 часов каждый день. Биологом был в это время Гармашов Николай Константинович.

Гармашов Николай Константинович с учениками на прополке. 1983 г.

И снова над школой засияла звезда – приехал доктор биологических наук Трайтак Дмитрий Илларионович со свитой из Красноярска, Шушенского и Ермаковского РОНО. Это оказался человек доброй и тёплой души. Оказывается, его послал министр просвещения Веселов найти лучшие пришкольные участки России. Зашли на участок. Детишки пололи детку гладиолусов, наводили порядок в теплице, пололи коллекцию картофеля. Тогда его испытывалось 54 сорта. Мы понимали друг друга с полуслова и решили, что кроликов и птиц держать в школе не нужно, а ухаживать за животными и птицей надо на колхозных фермах. Сказал, что наш участок в два раза больше обычного. Он лучший в России, только этикетки надо написать покрасивее. За обедом у нас дома гости с удовольствием ели горячий картофель с холодным молоком. Дочь Дуся успела подать ему написанную им книгу по ботанике, и он сделал на ней дарственную надпись. Это был для неё большой подарок.

Пришкольный участок три раза занимал третье место во Всероссийском соревновании пришкольных участков, но все премиальные призы осели в КрайОНО или РОНО, а в 1991 году зав. пришкольным участком Толстоноженко Зинаида Алексеевна и биолог школы Зыкова Евдокия Валерьевна награждены райсоветом премией по 500 рублей каждая. Юннаты Харламова Настя, Дурманова Таня, Абрамова Люба были награждены путёвками во Всероссийский пионерский лагерь «Орлёнок». В 1957 году мне удалось достать три сорта картофеля: Столовый-19, Таёжный ранний, Фоленский. Размножил в своём огороде и подарил школе три мешка. Через два года лучший из них Столовый-19 по ведру дали в каждый дом ученика. Его прозвали Школьный. И пошёл он гулять по сёлам района и

юга края. Всё новое, что испытывали на участке и дома (это был страховой фонд), доставал у Назарова Сергея Денисовича (это зав. Григорьевского сортоучастка): зерновые, травы и картофель, от директора межколхозного лесхоза Владимира Николаевича Крупеня – картофель, бахчевые, сою, топинамбур, стахис, батат. Трудятся дети много лет, начиная с первого класса. Юннаты ежегодно выращивали много рассады цветов, обеспечивали все учреждения села, совхоза, делились со всеми школами и детсадами района. К 150-летию Ермаковского школа обеспечивала праздник большим количеством гладиолусов. Для наших юннатов это дело чести. К 110 годовщине со дня рождения В.И. Ленина дарили каждой школе и д/саду района луковицы гладиолусов и семена других цветов. Всего раздали несколько тысяч. В 1981 году такой же порядок в честь 26 съезда КПСС и 100-летия со дня рождения А.М. Егоровой. В 1982 году в честь 60-летия пионерской организации. Пусть растут и приучают детей любить цветы и землю.

*Арсентьев А. и
Плескач А. вырастили
гигантскую тыкву.
1988 г.*

*Бланк С. и Трофименко А. ухаживают
за помидорами.
1990 г.*

*Новосёлов Д.
работает на
опытных грядках.
1990 г.*

Были в работе и курьёзные случаи. Некоторые биологи не любили и не понимали свой предмет и свою работу на участке. У Сабуркиной за два года посетил 98 (!) уроков, но ничего не смог наладить.

О беспорядке на участке вопрос стоял на профсоюзном собрании, и поставили его кочегары: они все видят. Они предложили передать его учительнице начальных классов Зыковой А.Я., и я написал приказ. На кого ещё можно было возложить такое бремя, кроме жены? У неё был третий класс. Все уроки труда и внеклассная работа проходила на участке. Даже озорники перестали шалить. Делали всё с душой, серьёзно. Они провели много дополнительных опытов: на подоконниках в классе созревали небольшие помидоры, из зелёных ягод картофеля получили рассаду и осенью – хороший урожай картофеля. Этого у нас никто никогда не делал. Урожай получился больше, чем у академика Эдельштейна. Я им сказал об этом, и у них радостно заблестели глаза. Из бросовых белых ростков картофеля осенью получили высокий урожай клубней 300 ц в пересчёте на 1 га. Вырастали 70 видов и сортов растений из семян, присланных из Киевской республиканской станции юннатов.

*Посев семян на пришкольном участке.
1983 г. (Ленкова Л., Долгополов Ж., Рясик
К., Полухина Н., Константинова Н.,
Онипко О.)*

Так у нас появились цикламены, которые потом цвели зимой на окнах в каждом доме. Дома получили всходы крупноцветных амариллисов от своих семян, и передал им для доращивания. Дети интересовались всем и много знали. На открытом уроке труда в 3 классе для учителей школ района по теме «Способы размножения растений» ребята показали такие высокие знания, что все учителя были удивлены. Ещё бы! Дети свободно говорили о размножении топинамбура, картофеля, помидоров, стахиса, озимого чеснока, лилий, узумбарских фиалок семенами, клубнями, листьями, отводками, воздушными луковицами, корневищами и т.д. Всё это было доказано детьми на раздаточном материале. Урок был признан отличным. Доклад Зыковой А.Я. на августовской конференции «Воспитание у младших школьников любви к сельскохозяйственному труду через опытническую работу в школе» (из своего опыта) был единогласно рекомендован на краевые педчтения. Там получил большую оценку за самобытность и любовь к земле. Доклад пошёл на Всероссийские педчтения и был опубликован в журнале «Начальная школа» № 7 за 1984 год.

После опубликования статьи посыпались в школу со всех концов страны письма с просьбой послать семена, клубни, луковицы. Собрали с малышами посылки, вложив клубни сортового картофеля, топинамбура, стахиса, георгин, озимый чеснок и отправили на Камчатку, Урал, Украину, Казахстан Северный Кавказ и другие места. Ребята счастливы были помочь.

Мы всегда искали себе работу, чтобы не скучать от безделья. Жизнь должна быть интересна и наполнена полезными делами. Мы в своём совхозе делали всё: очищали весной от снега технику на машинном дворе (и он всегда занимал первое место на соревновании), разбрасывали на полях навоз, собирали корчёвку, белили и чистили летние лагеря для коров, ухаживали за молодняком, возили навоз на пришкольный участок. 12 лет я готовил операторов машинного доения из восьмиклассников, и они получали настоящие права специалистов третьего класса. Кое-кому пригодилось. В соревнованиях юных дояров района часто занимали первые места. Однажды сам повёз на краевые соревнования в Солянку Сашу Романова, и он привёз оттуда диплом и премию: электрический самовар и большой торт.

Много лет мы помогали совхозу в прополке и уборке корнеплодов (ежегодно убирали до 10 га). За 40 лет мы до 1988 года выкопали и частично погрузили более 120 тысяч центнеров. Работа всегда была организована чётко, и вёлся точный учёт заработка каждого. Работали по двое, убирая 4 рядка. Однажды приехал инспектор РОНО и указал на индивидуальный метод работы, надо работать коллективом. Я нашёлся и ответил, что мы работаем малыми звеньями.

*Общественно-полезный труд на ферме.
1960-е годы.*

*Тленкопачева Галина Ивановна с классом на
уборке корнеплодов. 1970-е годы.*

От меня отстали. Видели мы работу коллективных орав учеников, приезжавших из Ермаковского и Танзыбея. Делали в два-три раза меньше наших, а поле засоряли после обеда пакетами, газетами, бутылками и уезжали. Мы потребовали их больше не пускать. Ребята увидели, как не надо работать. В 1972 году вырастили по 500 ц с га, и тракторист Иван Константинович Роговой, наш бывший ученик, получил золотую медаль ВДНХ, а я промазал, не знал, как составить документы для награждения. А ведь после нашей прополки несколько гектаров дали по 750 ц с га. Ребята на работу ходили с удовольствием, так как в эти дни не занимались. Работали по 4 часа. Заработанные на уборке школой деньги перечисляли на спецсчет школы. Куда их было девать? Тратить на оборудование школы – стыдно: деньги-то детские. И пришла в голову мысль ежегодно возить восьмиклассников по городам СССР. Ведь многие из них впоследствии не смогут выехать дальше районного села. Родители нас поддержали. Я ежегодно из средств пришкольного участка добавлял 200 рублей (сегодня это 6000 рублей). И начались поездки по маршрутам: Москва – Суздаль – Горький, Москва – Иваново, Диксон, Полтава – Харьков, Москва – Архангельск, Волгоград, Таллин – Нарва – Тарту – Ломоносов – Ленинград, Рига, Фергана, Киев, Ленинград и др. Все поездки окончились благополучно. Наши туристы были счастливы и полны впечатлений от увиденного на просторах нашей любимой Родины.

Поездка в Самарканд. 1989 г.

Нашу большую работу заметили в крайкоме партии в отделе науки и школы. В 1975 году повёз меня зав. РОНО Лазарев М.М., умный и талантливый руководитель, на коллегию КрайОНО делиться опытом совместной работы Новополтавской 8-летней школы и совхоза им. Щетинкина Ермаковского района по трудовому воспитанию учащихся. Нас встретили приветливо. Я прекрасно знал всю работу школы и не читал с листа, а увлечённо рассказывал. Слушали с интересом, переспрашивали, искренне удивлялись тому, что маленький коллектив учителей из 12 человек смог сделать так много. А директором совхоза был умный и энергичный Терсков Николай Яковлевич, 37-летний коммунист. Школе дали премию для оснащения школы оборудованием – 5000 рублей (сегодня это 150 тыс. рублей), а доклад мой заставили отвезти в редакцию газеты «Красноярский рабочий», и вскоре он был напечатан. Школьников в это время в интернате и в школе кормили за счёт совхоза. В Новополтавке совхозная столовая была лучшей в районе благодаря замечательному старшему повару Ломилкиной Евдокии Степановне и дружному коллективу под руководством Магда Фаины Степановны. Обеды были вкусные и дешёвые, всего по 56 копеек. В школу приносила по два пирожка и стакану чая на каждого ученика и учителя работница столовой, мать-героиня Таныгина Ольга Васильевна. Она кормила и продлёнку обедом из трёх блюд. А пирожки начинала печь в 4 часа утра для школы и доярок на животноводстве. После статьи в «Красноярском рабочем» позвонил мне всполошённый Терсков и спросил, что я там наговорил. Оказывается, его отругал за льготы школьникам начальник краевого сельхозуправления. Терсков возразил, что это разрешается законом. Начальник ругается: «Мало ли что разрешается, а ты не делай». Вот так-то. Я рассказал ему содержание статьи, и он успокоился и засмеялся: «Тогда выхожу из «подполья», а то начальство звонками замучило». Вот так бюрократы мешали делать добро. На пять тысяч я мог купить две с половиной машины Газ-52 для школы, но и одной по лимиту не было, а

дрова возить было не на чем. Тогда мне предложили брать любое оборудование в магазинах учебно-наглядных пособий. Купили 5 современных узкоплёночных киноаппаратов, а старенький КПШ подарили в Николаевскую начальную школу. Купили современные диапроекторы Свитель, ЛЭТИ, проигрыватели, 3 магнитофона. По образцу кабин Шушенского сельхозтехникума сделали свои и поместили туда на дверки киноаппарат, а внизу в кабине проигрыватель и кинопроектор. Всё это замыкалось, и всегда было в исправности.

Магнитофоны приносили по надобности из учительской. Потом ещё купили переносной киноаппарат «Радуга» и телевизор «Школьный». Все учителя из 6-8 классов окончили курсы кинодемонстраторов и получили права от районной фильмотеки. В Красноярском ИУУ записали 40 магнитных фильмов и уроков. Купили 5 электронных экзаменаторов для проведения кратких тестов. Теперь у учителей было всё для проведения интересных познавательных уроков – только не ленись. Знания учащихся стали глубже, успеваемость повысилась. В год по всем предметам показывали 150-170 фильмов, а диафильмов не счесть. Было куплено много комплектов грампластинок. Ещё раньше приобрели 2 альбома картин художников и устраивали в коридоре выставки Малой Третьяковки. Жизнь школы стала ещё интереснее.

Вся учебно-воспитательная работа школы поддерживалась пионерской дружиной имени Павлика Морозова. Первые выпускники школы помнят учительницу, пионервожатую Носкову Анну Яковлевну. Она ходила в красном галстуке, учила физкультурным номерам, песням и правильному строю. Это было ещё до войны с фашистами. Вначале 60-х годов после окончания педагогического класса начала работать у нас учительницей начальных классов Толстых (Толстоноженко) Зинаида Алексеевна. Ей сразу поручили и пионерскую работу. Это была бесплатная общественно-политическая нагрузка огромной величины. Молодая, энергичная, задорная, она быстро набиралась опыта, работала с огоньком. Вскоре вышла замуж, один за другим появились два сына. Прибавилось много домашних хлопот, но с дружиной она работала добросовестно и стала лучшей вожатой района. Дружина много раз была правофланговой, древко пионерского знамени было покрыто почётными лентами. Надо было отметить её большой бескорыстный труд, но как? Премий у нас не давали. Близились 60-летие Великого Октября. Собирались в Москве слёт вожатых. От края посылали троих.

Зав. РОНО Лазарев М.М. добился, чтобы она была делегатом слёта, великое ему за это спасибо. Она и сейчас гордится фотографией, на которой запечатлены участники слёта вожатых вместе со старыми большевиками в Георгиевском зале. Невольно скажешь: «Если быть, так быть лучшим». На базе нашей дружины прошёл слёт вожатых юга края. Дружина действительно делала очень много. Шло постоянное соревнование между отрядами по учёбе, дисциплине и труду. Регулярно раз в неделю выпускалась радиогазета «Сияйте, ленинские звезды!», работало много кружков, и в их числе зелёные и голубые патрули, юные пожарники, дорожное колесо и др.

*Слёт вожатых. Москва. Георгиевский зал
Кремля. Толстоноженко Зинаида Алексеевна
(третья во втором ряду слева)*

Всем хотелось научиться стрелять. У нас была большая дружба с Добровольным обществом содействия армии, авиации, флоту (ДОСААФ). Приобрёл для школы 3 пневматические винтовки, несколько пачек пуль, и началась учёба. У нас был сбережённый еще довоенный станок для наводки. С увлечением занимались учителя и старшие ученики, и ученицы. Состав кружка периодически менялся. На районных соревнованиях по стрельбе занимали призовые места. Мы помнили: «Когда война-метелица придёт опять, должны уметь мы целиться, уметь стрелять». Хотя мы постоянно боролись за мир. Однажды я услышал призыв «Пионерской правды»: «Собрать металлолом и макулатуру, и деньги за них перечислить в Фонд Мира». У нас было все собрано, но машины для перевозки не приходили. Сбор металлолома был любимым делом ребят. Прикинул, что уже собрано на 200 рублей. Говорят, в народе: «Куй железо, пока горячо». Поехал в райцентр и в банке перечислил своих двести рублей в Фонд Мира. И тут же дал телеграмму об этом в «Пионерскую правду». Неожиданно через полмесяца пришёл пакет с дипломом «Зарницы», подписанный командующим игрой Маршалом Советского Союза Иваном Христофоровичем Баграмяном за этот трудовой десант зарничников. Ежегодно ребята с удовольствием участвовали в военизированной игре «Зарница», которую проводили 1-2 раза в год, а однажды удалось провести 3: осенью, зимой и весной. Я всегда сам был главнокомандующим, никому не передоверял: так безопаснее. Посоветовались в коллективе, и председатель совета дружины обратилась через газету «Пионерская правда» ко всем школьникам Советского Союза с призывом: «Каждой школе страны перечислить в Фонд Мира столько рублей, сколько учеников в школе». А деньги можно заработать, собирая металлолом, макулатуру, лекарственные растения, производительный труд. Это доступно каждой школе. Это хороший, весомый подарок школьников, 45 миллионов рублей, нашей любимой стране, 27 съезду КПСС. А потом мы стали перечислять по 2 рубля на каждого. Так в заботе и труде было интересно жить, ребята всегда к чему-то стремились. И снова мне приходилось бороться с несправедливостью. Школа №2, в которой училось 600 учеников, а у нас – только 100-120, всегда в соревновании школ по сбору лекарственных растений, металлолома занимала первое место, чуть-чуть опережая нас. Обидно было видеть такое безобразие. На совете директоров в РОНО я жёстко настоял и добился, чтобы зачёты велись на каждого ученика школы. И мы сразу по всем показателям вырвались далеко вперёд всех школ района и больше позиций не сдавали. Мы воспитывали детей на книгах Н. Островского «Как закалялась сталь», Аркадия Гайдара «Тимур и его команда». И сегодня старики со слезами благодарности вспоминают дела добрых ребят: почистят снег, поколют и сложат дрова, принесут воды и вымоют полы.

Игра «Зарница» в Новополтавской школе.

Сбор металлолома. 1984 г.

Ходили в детсад, приносили изготовленные ими игрушки и ставили пьески в кукольном театре.

В 1984 году Зыкова А.Я. готовила своих третьеклассников к приёму в пионеры. Хотелось сделать лучше, торжественнее. Пришло ей в голову попросить наших друзей, старых коммунистов, прислать свои напутствия и поздравления. И поздравления пришли от всех. Полковник госбезопасности Егоров В.К. прислал своё обращение из Москвы на пластинке. Его брат Борис, подполковник, и Герой Советского Союза полковник Шахов А.И., оба из Киева прислали поздравительные открытки. А из Умани лейтенант запаса Белецкий Г.С. – магнитофонную запись с напутствием и украинскими песнями. На сбор пришло много взрослых, лично знавших наших друзей. Они с интересом слушали их голоса. Все было отлично и чётко отработано. Сбор превратился в праздник и запомнился всем надолго. Новый отряд решил бороться за присвоение ему имени А.И. Шахова. Об этом сообщили герою, и он прислал магнитофонную запись с поздравлением и пожеланием успехов. Весь этот материал был использован при проведении слёта старших школьных вожатых юга края в нашей школе.

Много смекалки, задора вкладывалось в подготовку детской художественной самодеятельности. Смотр проводился на мартовских каникулах. Мы не раз занимали призовые места. Привлекала красота украинских костюмов. Когда готовилась к исполнению хором песня «Ой, Мыкола, Мыкола», все участники хора на уроках труда вышивали кофточки и рубашки. Жилетки и фартуки, шаровары и юбки всем сшила Зыкова А.Я., главный хранитель реквизита. Девочки сделали венки из ярких бумажных роз. Венки украшали яркие ленты. Руководил хором и аккомпанировал Кокорев Матвей Максимович. Замечательно вёл программу второклассник Саша Попельницкий.

Я сидел на галёрке в жюри. Открылся занавес, и в зал со сцены хлынул поток света от костюмов, венков и молодых лиц. Зал зааплодировал, и дальше после каждого номера долго не смолкали аплодисменты. При подведении итогов методист отдела культуры высказала недовольство нашим национализмом. А ведь были и песни о Партии, Родине на русском языке. Я возмутился: ведь село-то у нас украинское, и мы имеем право петь свои песни. У нас ведь Союз Республик. Меня поддержали другие члены жюри. Из 22 номеров выбрали на заключительный концерт 18 номеров. Успех потрясающий. Мы тогда заняли первое место. А сколько раз выступали в полевых бригадах, на животноводстве, поднимали флаг трудовой славы, в честь передовика, с горном и барабаном, дарили цветы героям жатвы.

Перед коллективом учителей всегда стояла задача: везёшь ребят на соревнование по спорту, туризму и другим видам – возвращаясь с победой. И не раз привозили кубки, грамоты, дипломы победителей. Новый учитель математики Спиренкин В.С. хорошо организовал подготовку ребятшек к соревнованиям туристов. Только никак не получалось быстро поставить и убрать палатку. Пришлось вмешаться самому и секундомером отрабатывать скорость. Каждый чётко выполнял свою операцию: раз, два, три! – готово. Строиться! Прodelали несколько раз, и все пошло на лад. Я выкраивал время и присутствовал на соревнованиях в районе. Дух захватывало от радости, когда видел возвращающуюся с маршрута нашу группу. Как буря, влетали они на площадку к палатке, и Миша Зыков командовал: «Раз! Два! Три! Стройся!» Такой скорости не могла показать ни одна группа района. Три года занимали призовые места в краевых

*Педагогический коллектив
Новополтавской школы в 1980-е годы*

соревнованиях по детскому туризму. В 1980 году проходила Московская всемирная спортивная олимпиада. Пришла в голову мысль и нам провести свою олимпиаду. В районном «Юбилейном» магазине продавались шоколадные золотые и серебряные медали. Я купил много медалей и узкой розовой ленты. Медали прикрепили на ленты и примерили в учительской. Оказалось, красиво. Заранее заполнили все 12 грамот для младшей группы и 12 для старшей, кроме фамилий. Учитель труда приготовил трёхступенчатый пьедестал почёта. День был погожий, и праздник удался на славу. Видели бы вы, с какой гордостью светились лица победителей, когда я им вручал медали и грамоты! А награды распределялись так: за первое место – большая золотая медаль, за второе – малая золотая, за третье – серебряная. Вот такие наши различные придумки позволяли ребятам жить интересной пионерской жизнью.

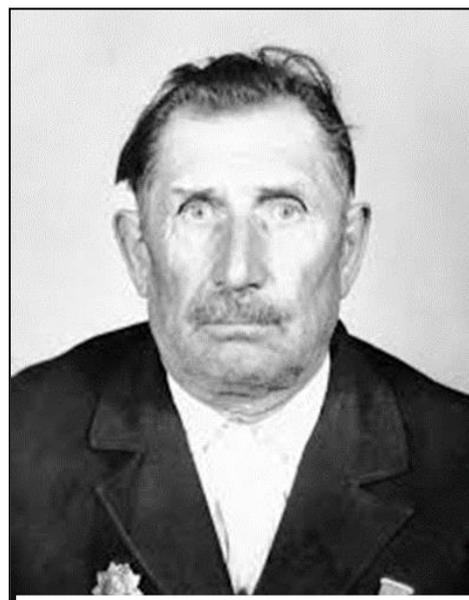
В школе хорошо велась работа по патриотическому воспитанию детей. В 1965 году было 20 лет со дня победы советского народа над немецким фашизмом и японским милитаризмом в Великой Отечественной войне. 99 наших земляков погибли на фронтах, сражаясь за Родину. Живыми и израненными вернулись только 57. Многие награждены орденами и медалями. По всей стране началось движение красных следопытов под девизом: «Никто не забыт, ничто не забыто!» Меня директор назначил комиссаром штаба, а Вадика Грицко выбрали начальником штаба из пяти мальчиков и девочек из 4-8 классов. Вадим Грицко стал единственным суворовцем из нашей школы, окончил высшее военно-воздушное училище, был кандидатом в отряд космонавтов.

Мы учили всех фронтовиков. Ежегодно 9 мая до семи утра стайки ребят бегали по селу, прибавляли красные звёздочки к столбам их ворот. Первый раз это приятно удивило всех.

А ещё раньше, в апреле этого же года, в сельский совет пришло неожиданное письмо от нашего земляка Шахова Андрея Исаевича. В письме он интересовался судьбой односельчан, а в конце письма сообщил, что войну закончил в Австрии в звании полковника, начальником политотдела 41-й гвардейской стрелковой дивизии. Скромно заметил, что он Герой Советского Союза. Письмо опубликовали в районной газете «На ленинском пути». Следопыты начали с ним переписываться и пригласили его приехать в гости. В июне этого же года я с семьёй поехал в гости к матери в Киев. Там в первый раз повстречались с этим замечательным человеком в его небольшой скромно обставленной квартире на Воздухофлотском проспекте. На наш звонок дверь открыл высокий человек крепкого телосложения с приветливым лицом. Он очень обрадовался неожиданной встрече с земляками. Просидели за столом с 7 до полуночи, не замечая времени. Он живо интересовался сельской жизнью, прекрасно помнил каждый дом и живущих в нем. Он проводил нас на последний троллейбус. Переписка продолжалась, и каждое письмо героя читалось на общешкольной линейке. В 1969 в

*Шахов
Андрей Исаевич*

*Кабак
Николай Пантелеймонович*

октябре Андрей Исаевич приехал в Новополтавку и стал моим личным гостем. Прожил он у нас всего три дня. Это был скромный приветливый человек. Мой трёхлетний Миша залез к нему на колени, быстро освоился, и стал играть Золотой Звездой. Я рассердился, а гость засмеялся и сказал: «Пусть поиграет, когда-нибудь расскажет, как он играл геройской звездой». Мы с ним обошли все село. Он был приятно удивлён красотой и чистотой родного села, в котором не был более тридцати лет. Сам он встречался с друзьями комсомольской молодости, стариками. Был в школе, беседовал с учащимися и учителями. Сфотографировался с ними на память. А вот собраться всем односельчанам в клубе и побеседовать, не получилось, а люди ждали этого. Я обращался с просьбой о такой встрече к председателю с/совета Попову Ф.М., к управляющему Магде Н.Ф., партийному секретарю Асауленко В.С., но они даже не попытались этого сделать, видно боялись, что их авторитет померкнет от сияния Звезды Героя. А я был молод, директор с месячным стажем и не посмел взять всё на себя или позвонить в райком партии. До сих пор с горечью вспоминаю и жалею об этом. Я ещё два раза встречался с ним в Киеве.

Однажды купил книгу «Достоин звания Героя» о героях-красноярцах. Перелистал и удивился, что Шахова в ней нет, а есть только наш новополтавец Кабак Николай Пантелеймонович, старший сержант. Книгу читали следопыты и другие ученики школы, удивляясь подвигам Кабака и двух других героев ермаковцев – Брагина и Суркова. В 1975 году я был на переподготовке в Красноярске, зашёл в Краеведческий музей и рассказал о нашем герое научным сотрудникам. Они очень обрадовались и заинтересовались: ведь это был 176 герой-красноярец. Через два дня должны были печатать второе издание этой книги.

Зав. литотделом «Красноярского рабочего» Владимир Рубе после разговора со мной приостановил издание книги до получения моих материалов о Шахове. Приехав домой, нашёл фотографию, собрал все записи о герое. Всё ещё раз пересмотрел на заседании штаба, а утром ценным пакетом отправили в редакцию. Об этом поиске было напечатано в «Красноярском рабочем» за 5 июня 1975 года. В новом издании книги «Достоин звания Героя» появился 176 – наш А.И.Шахов. В школе был оборудован стенд с портретами двух героев и описанием их подвигов.

В феврале 1984 года весь коллектив нашей школы у двух школьных телевизоров снова встречался с нашим Героем. В честь 40-летия Корсунь-Шевченковской битвы ему вручали в Москве диплом о присвоении звания «Почётный гражданин города Корсунь-Шевченковский», Красную ленту, ампулу с землёй города Корсуня и памятный адрес. Мы попросили Корсунь-Шевченковский горсовет выслать копии этих наград. Вскоре нашу просьбу выполнили. Вместе с документами пришло замечательное письмо:

«Дорогие дети! С большим удовлетворением исполняю Вашу просьбу. От души завидую Вам, что Вы имеете такого прекрасного земляка, простого, душевного, скромного человека. Мне всегда приятно встречаться с Андреем Исаевичем. Его жизнь – яркий образец беззаветного служения Родине, пример мужества и героизма. Спасибо Вам, дети, что Вы чтите память фронтовиков. Ваша работа способствует военно-патриотическому воспитанию советской молодёжи. Желаю Вам крепкого здоровья, успехов в учёбе, мирного неба над головой.

С уважением председатель Корсунь-Шевченковского городского Совета Народных депутатов А.Н. Судаченко»

Моя семья и школа постоянно с ним переписывались. Он интересовался постоянно жизнью семьи, школы, села. Это был настоящий, добрый друг. Несколько раз он присылал книги на военную тему о пути его родной 41 стрелковой дивизии в школу и сельскую библиотеку.

9 мая 1987 года на здании школы была открыта мраморная мемориальная доска: «В этой школе в 1920-1924 гг. учились Герои Советского Союза Кабак Николай Пантелеймонович и Шахов Андрей Исаевич».

В 90-х годах, когда националисты на Украине усилили гонения на русских, мы внезапно получили от Шахова телеграмму с просьбой подтвердить его украинское

происхождение. Велика же была ненависть бандеровцев и их ублюдков к коммунистам и русским, если не пощадили даже героя Корсунь-Шевченковской битвы! Срочно поехал в Ермаковский ЗАГС. В архиве нашли церковную запись о рождении, сняли и заверили копию и тут же отправил ценным письмом в Киев. Было горько и больно до слез. Он умер на 86 году жизни от гриппа 18 апреля 1997 года (а родился 7 ноября 1911 г.). В 2000 году осенью в Ермаковском была посажена аллея Героев.

Много лет директор школы Роговой П.Ф. и учителя на всех сходах граждан предлагали огородить площадь в центре села, но были противники, там паслись их свиньи и гуси. Но 1966 году решили огородить. Школьники выкопали ямки. Доставку материала организовало руководство фермы. Надо было из этого события сделать праздник. На площадь пришли пенсионеры и школьники. Раздалась команда: «Начали!» Как по мановению волшебной палочки, встали столбы, начали прибывать доски, прогоны, штакетник по всей ограде в 300 метров. Работали задорно с азартом. Вот так добрая задумка стала былью.

Памятник погибшим воинам в Великой отечественной войне мы поставили самовольно, без разрешения районных властей. В 1967 году перед 9 мая Кокорев М.М с учениками оштукатурили обелиск и покрасили серебрянкой. В центре обелиска красовался большой орден Отечественной войны. Закрыли белым покрывалом до начала открытия. На торжественный митинг в День Победы к 10 утра собралось все село, приехало много родственников из других сел и городов. Когда сняли покрывало, раздались громкие рыдания, люди не стыдились своих слез. К подножию памятника легла масса цветов, а сам обелиск скрылся под десятками венков. С этого дня и родительский день в селе совместили с днём Победы. Осенью этого же года пионеры и школьники заложили аллею в честь 50-летия Великого Октября, а на следующий год появилась аллея в честь предстоящего 100-летия со дня рождения В.И.Ленина. За памятником, где перекрещивались две дорожки, была разбита клумба необыкновенной красоты, диаметром в 20 метров. Все лето младшие школьники ухаживали за цветами, а осенью собирали семена. В конце июля мы выкашивали в парке траву для школьного коня, и он снова покрывался молодой изумрудной зеленью. Парк стал любимым местом отдыха сельчан.

Ежегодно 9 мая и 23 февраля из лучших учащихся у памятника выставлялся почётный караул. Учащиеся, окончившие школу, посадили по улице аллею от сельского совета до реки Кебеж из карагача. На сходе села решили поддержать почин школьников и сделали такие насаждения по всему селу. Ребята вместе с родителями посадили более двух тысяч тополей, клёнов, берёз, черёмухи, яблонь, сирени, морщинистой розы. А уже сколько цветов – и счёт не вели. Всей этой большой работой пришлось руководить мне, так как я, депутат, более 30 лет был председателем по благоустройству и дорожному строительству. Самый большой цветник с необыкновенными по красоте цветами был в палисадниках у дома учительницы Зыковой А.Я., бывшей председателем женского совета села более 20 лет. Отсюда семена цветов, луковицы лилий и гладиолусов, клубни георгины расходились по всему селу и району. На районных выставках цветы букеты Зыковых много лет удостаивались первых премий. Новополтавку справедливо называют в Ермаковском районе самым красивым и благоустроенным селом. В краевом соревновании по благоустройству и озеленению оно в 1969 году заняло третье место, а в районном завоевало переходящее Красное Знамя.

Председатель райисполкома Скугарев Иван Васильевич, бывший учитель истории, буквально горевший на работе, повёз меня, двух краевых депутатов и выставку даров природы района в Красноярск на День краевого депутата. Он проходил в Танцевальном зале под девизом: «Превратим Сибирь в цветущий край». После доклада дали слово мне, и я 40 минут увлечённо рассказывал об озеленении и цветоводстве в нашем селе. Слушали, раскрыв рот, о том, что могут сделать простые люди для красоты родных мест, если очень захотят.

В 1970 году Крайисполком издал брошюру «Из опыта работы сельских советов», где рассказывается и об опыте работы Новополтавского женсовета под заголовком «Единой семьёй». Из 25 депутатов всегда было несколько учителей, которые были заводилами всех добрых дел на селе. С учителей спрашивали так: живёшь на селе – тебе до всего должно быть дело.

Иногда случайно услышанное приводит к неожиданным результатам. Однажды я присутствовал при разговоре двух пожилых женщин, Рябец Прасковьи Васильевны и Скрыль Евдокии Афанасьевны. Они вспоминали былое и горевали о трагической гибели своей учительницы Анны Михайловны Тульниковой, погибшей в Минусинске от мятежных белоказачков атамана Сотникова. Меня это заинтересовало, и мы со следопытами и начальником штаба Валей Буда написали об этом в Минусинский музей имени Мартьянова с просьбой подтвердить гибель большевички. Из музея

Анна Михайловна Тульникова (Егорова)

полковник в отставке тов. Маслов ответил, что Анна Михайловна Тульникова (Егорова), технический секретарь Минусинского Укома большевиков, во время белоказачьего мятежа вместе с товарищами была арестована и отправлена в Красноярскую тюрьму заложницей. Потом всех арестованных отправили в «эшелоне смерти» на расправу к атаману Семенову. Чудом их освободил отряд Черемховских рабочих под командованием тов. Александрова. Потом Анна Михайловна работала заведующей Красноярским краевым отделом испарта. Умерла в 1927 году. Живы ее сыновья. Старший Валентин Кронидович Егоров живёт в Москве. И дали его точный адрес. Ребята радостно закричали: «Жива! Жива!» Тут же составили, и написали письмо, и отправили в Москву. Почта тогда ходила быстро. Скоро получили толстое письмо на нескольких листах, написанное красивым мужским почерком.

Читаю, удивляюсь небрежности: середина письма была забрызгана водой. Читаю дальше, и вот причина. Егоров пишет: «Не смог сдержать хлынувших слез. Через 50 лет в Сибири, на моей родине, помнят мою мать!» Началась оживлённая переписка. Егоров стал посылать нам воспоминания о своей матери под заголовком «Из гвардии большевиков», а мы попросили районную газету «На ленинском пути» печатать их. Собирали по несколько экземпляров газеты, готовили самодельные книги-альбомы. В апреле 1971 года Валентин Кронидович сделал школе ценнейший подарок. Он рассказал о нашей переписке директору Музея Революции Толстихиной, его товарищу по комсомолу 30-х годов в Рыбинском районе Красноярского края, и оба решили подарить Новополтавской восьмилетней школе альбом – набор ленинских документов, газет, воззваний времён революции и гражданской войны в ксерокопиях. Прислал фотографию матери и виды Женевы. Она была в одно время с Лениным и Крупской в эмиграции в Женеве. Весь коллектив был взволнован таким подарком: ведь их было издано всего 500 экземпляров, предназначались они только для музеев. И мы тоже решили оформлять исторический музей в кабинете истории. Самую кипучую энергию проявила молодой завуч школы Ломилкина (Куклина) Людмила Ивановна. Эта боевая комсомолка отличалась завидной работоспособностью и умением работать с детьми. Она нашла мастеров, сделали рамки и витрины, и скоро вся задняя стена класса превратилась в экспозицию исторического музея. Сюда ежегодно в конце октября мы приводили учеников на экскурсию. Егоров написал, что 2 декабря 1971 года Анне Михайловне исполнилось бы 90 лет. Он пообещал приехать, если будет вызов, иначе с работы не отпустят.

Обжѣгшись на встрече Шахова, я решил теперь все взять на себя. Поехал в райком партии и предложил секретарю сделать вызов, рассказал, что Егоров член ЦК общества «Знание» и предлагает прочитать 20 лекций о комсомоле, Вооружённых Силах, о народных стройках и т.д. Секретарь заупрямился, видно, они боялись приезда полковника госбезопасности. Тогда я сказал, что сам пошлю ему приглашение, он будет моим личным гостем и жить у меня. Он запретил мне это делать. Тогда я вспылил: «Уж это-то мне никто не запретит!» Приехал я домой раздражённый, тут же написал вызов от имени школы и красных следопытов, поставил печать и отправил в Москву. Вскоре зазвонил телефон. Секретарь сообщил, что вызов Егорову от имени райкома партии и райисполкома послан, и извинился. Вот так иногда приходилось брать быка за рога. Началась большая подготовка к празднику всей школы. На родительских собраниях и сходах граждан я несколько раз рассказывал о предстоящем приезде Егоровых. Интерес к встрече рос. Ребята стали лучше учиться. Приехали они 19 декабря в 3 часа дня на райкомовской машине. Это были приветливые, простые пожилые люди: полковник госбезопасности Егоров

*Егоровы Валентин Кронидович и
Борис Кронидович
на сцене Новополтавского ДК. 1971 г.*

*Егоровы Валентин Кронидович и
Борис Кронидович
в Новополтавской школе. 1971 г.*

Валентин Кронидович, его жена Евдокия Константиновна Прохорова, старший инспектор Министерства Финансов СССР и младший брат Борис Кронидович Егоров, вице-президент Всесоюзного Геологического Общества. Мы им отдали нашу лучшую комнату. Пообедав и отдохнув, они к 7 часам отправились на встречу с народом в доме культуры. ДК был переполнен народом. На сцене у портрета юбиляраши под развёрнутыми знамёнами стоял почётный караул пионеров и комсомольцев. Братья рассказали о матери и о себе. Их слушали в абсолютной тишине. Они подарили школе много замечательных книг, действующий макет Останкинской телебашни, большой набор семян цветов и растений от центральной станции юннатов. В адрес торжественного собрания пришло много приветственных телеграмм от старых большевиков, соратников и друзей Анны Михайловны, родных и близких. Играл школьный духовой оркестр, учителя исполнили революционные песни. По окончании вечера Егоров-старший сказал, обращаясь к залу, что такой тёплой встречи и внимания он ещё не видел. Это говорил прославленный Почётный чекист, Почётный железнодорожник, Почётный полярник, кавалер Ордена Ленина, трёх орденов Боевого Красного Знамени и других орденов и наград. Это он, командуя полком чекистов, в 1943 году в Тегеране уничтожил шпионскую сеть гитлеровцев и обеспечил безопасность и жизнь Сталину, Рузвельту, Черчиллю на Тегеранской конференции. 20-го в ДК проходила встреча и беседа гостей с пионерами и школьниками.Guests were welcomed by Honorary Pioneers. The day in school was spent photographing with each class. Carefully examined the class, in

котором учился маленький Валя и его новополтавский друг Евгений Антонович Семенюк, и бывшую свою квартиру. Было много интересных воспоминаний о детстве.

21 вечером у меня на квартире собрались учителя и руководство села и фермы. Была возможность каждому задать вопрос гостям. Шла оживлённая дружеская беседа. Каждый хотел угостить чем-то особенным, и на столе появились жаренный налим, уха из налима, солёные арбузы, помидоры в собственном соку, свежие арбузы, яблоки, варенья из нашего сада и другое. Ямайский ром из Москвы, киевскую горилку с пэрцэм и Киевский огромный торт разделили на 30 с лишним человек. Больше всего гостям понравились наши копчёные кролики, каких даже в знаменитом ресторане «Астория» не едали.

Разошлись довольные в 2 часа ночи. Утром Борис Кронидович уехал к минусинским геологам, а Валентин Кронидович начал читать лекции в воинской части и сёлах, а я его сопровождал. Машину выделял райком партии. Через неделю гости уехали. В последний вечер благодарили нас и всех, пришедших на вечер, за сибирское хлебосольство.

По просьбе учителей, учащихся, жителей села и ходатайству райисполкома школе было присвоено имя Анны Михайловны Егоровой. С тех пор коллектив школы ежегодно к 21 декабря проводит в клубе и в школе вечера, посвящённые А.М. Егоровой. Мы учим детей высоко чтить память борцов, отдавших жизнь за народное счастье.

В 1972 году я с женой и шестилетним Мишей проездом в Киев побывали у Егоровых в Москве. Нас удивила скромность их обстановки. Они занимали небольшую комнату и спальню. Над комодом висела шашка комбрига, а на комодке стояла пустая коробка от папирос «Советская Грузия» с надписью на нижней стенке верхней крышки: «Из этой коробки на Тегеранской конференции закуривал товарищ Сталин». Рядом стоял портрет Сталина. В 30-е годы он спас комбрига-чекиста от расстрела в Александровском центре и назначил начальником отдела госбезопасности СССР по борьбе с бандитизмом. Ночью мы с Егоровыми ходили на Красную площадь и любовались ночной Москвой. Вместе с Егоровыми в большой кухне жил младший сын Феликс с женой и шестилетним сыном. Старший сын Владимир работал у Королева на Байконуре начальником КБ и участвовал в запуске первого в мире космонавта Юрия Гагарина в космос.

В Киеве мы были в семье Бориса Кронидовича. Встретили они нас с радостью. Живут они также скромно, как и москвичи. Три их дочери уже были замужем. Появились внуки.

Опять я совершил досадную оплошность. В 1975 году наши учащиеся ездили по маршруту Москва – Иваново. Я разрешил дочери Дусе, начальнику штаба красных следопытов попроведовать Егоровых. И вот вся группа в 20 человек заполнила их маленькую квартиру. Ребята привезли подарки, альбом из жизни школы, рассказали о сельских новостях. Их встретили хорошим застольем. И никто не подумал, чего это стоило для стариков-москвичей. В 1980 году наши туристы ездили по маршруту Москва – Архангельск. В их числе был наш сын Михаил, тоже начальник штаба красных следопытов. На этот раз были умнее. Встречу он организовал в холле гостиницы, где они жили. Валентин Кронидович высоко оценил организаторские способности и находчивость Миши. А руководитель, наш молодой учитель Спиренкин В.С., был ещё не знаком с Егоровыми.

Наступил 1981 год, год 100-летнего юбилея Анны Михайловны. Готовясь к встрече, Валентин Кронидович спросил, что подарить школе – телевизор или что-то другое. Зная дороговизну телевизора, я попросил братьев лучше сделать по семейному альбому, это оказалось дешевле. А получилось, что они потратили много ночей и дней на эту работу. Наши жители района попросили повторить публикацию воспоминаний Валентина Кронидовича о матери в газете. На этот раз воспоминания печатались под заголовком «Жизнь, отданная революции» и были полнее. Праздник готовились провести уже на уровне района. Встречал их, получив телеграмму, в Абакане я на своём «Москвиче», не желая обременять райком. В клубе приготовлено все было шикарно. Приехало все районное начальство и хозяйственный актив. Заранее приходил к нам троюродный брат жены, старший конюх фермы, Скрыль Иван Ильич. Его гнедая тройка была лучшей в районе. Он,

как милость, просил прокатить по селу гостей. Они согласились. Вскоре подлетела лихая тройка и помчала по улицам гостей к клубу, звеня колокольчиками и бубенцами. Клуб не вмещал всех желающих. Гости хлебом с солью встретили девушки в сарафанах. Гости пошли к сцене. Все присутствующие стоя аплодировали. В адрес вечера пришло много поздравлений. Егоровы благодарили учителей за правильное воспитание детей. Они подарили школе семейные альбомы и две большие коллекции значков о Ленине и Октябрьской революции в прекрасных альбомах.

*Егоров Валентин Кронидович
вручает семейный альбом
Зыкову В.И. 21 декабря 1981 г.*

*Егоров Валентин Кронидович
на сцене с приветственным словом.
21 декабря 1981 г.*

*Егоров Борис
Кронидович на сцене
Дома культуры.*

*Егоров Борис Кронидович
выступает перед школьниками
22 декабря 1981 г.*

Руководители района говорили о большой значимости для ермаковцев встреч с такими большими значимыми людьми, старыми большевиками, и поздравили всех троих с 50-летним членством в партии.

Был дан большой концерт. Когда все стали расходиться, Егоров позвал меня на сцену к закатым в угол первому секретарю Барышеву и председателю райисполкома Тепляшину. Он гневно говорил им: «Почему вы не видите, что директор школы с большой семьёй ютится в гнилом доме? У него и учителей дом должен быть лучше, чем у директора совхоза. Они великие подвижники, сельские просветители, несут культуру и знания в каждый дом. Ведь у меня самого мать и жена в своё время были учительницами». Смущённые руководители пообещали построить Зыкову дом. И потом все это поручили

сделать директору совхоза нашего Кадуличу С.Д. Дней через 10 приехал директор и предложил квартиру в строящемся на пустыре в конце села двухквартирном панельном доме. Я попросил построить на этой усадьбе, потому что жалко было большого сада и цветников, которые лелеял 28 лет. Он засмеялся и сказал: «А мы сад вместе с домом бульдозером сровняем и построим совхозный дом». Я отказался от такой услуги, и он довольный уехал. А наш берёзовый дом, построенный ещё в 1905 году, доедали грибок и шашель. В 1985 году удалось купить полусгнившее здание заброшенной начальной школы в Шушенском районе. В октябре 1986 года зашёл в свой новый дом на прежней усадьбе. И остался беден, но не зависим.

Вскоре Егоров помог добиться строительства каменной школы за счёт совхоза. Все мы обрадовались, но новый директор тайно переделал документацию и построил трёхэтажную среднюю школу на центральной усадьбе. Так у нас украли школу. Я ездил в Красноярск и везде только руками разводили. Для меня и всего коллектива школы это был сильный удар, торжество подлости и несправедливости.

В январе 1984 года, просматривая «Красноярский рабочий», на первой странице прочитал присвоение мне звания «Заслуженный учитель школы РСФСР» и был приятно удивлён. Через несколько дней случилось ЧП: запил кочегар в школьной котельной. Кочегарить было некому, а на дворе стоял 30-градусный мороз. Котельную мы берегли, за все годы не было ни одного размораживания системы. Кочегарил сын Миша часа три, а потом пошёл сам, попросив жену подменить меня в час ночи: завтра с утра нужно было идти на занятия. Жена пришла раньше, в 11 часов. Зашла и смеётся заразительно. Я думал, что умом тронулась. Она показала мне пакет. Это было поздравление министра просвещения Весёлого с присвоением почётного звания. Тут же стали хохотать оба над нелепостью: директор-кочегар. Она кочегарила впервые. Чтобы скорее прошло время и не уснуть, принесла с собой бумагу, конверты, ручку. За ночь написала 9 писем друзьям и родным. В письме Егоровым написала, что я получил, поздравление министра и добавила: «Знал бы этот министр, чем приходится заниматься директору сельской школы».

Через несколько дней зав. района Цыганков А.В. по телефону взволнованно спрашивал, что случилось в школе и кочегарке. Об этом его спрашивал зав. района. Я ответил, что в школе тепло, кочегарка цела. Только через несколько дней мы узнали причину переполоха. Из полученного письма от московского Егорова. Прочитав письмо жены, он страшно возмутился. Надев парадный китель со всеми наградами до пояса, он поехал к министру просвещения. Того не оказалось, и его принял зам. Егоров отрекомендовался и обрушил на него весь свой гнев и боль за учительство страны. Тот схватил трубку и позвонил в край, а те – в район, а район – в школу. Потом мы в коллективе смеялись: про Новополтавскую школу и в Москве в три лаптя звонили.

Последний раз встречался с семьёй московских Егоровых наш сын Миша, когда учился в Тимирязевской академии.

Счастлив был Валентин Кронидович, что умер до перестройки и не узнал, как погубили Советский Союз партийные оборотни Горбачёв и Ельцин, предавшие советский народ.

Наши красные следопыты всегда были в поиске. В 1975 году, в мае месяце, на с/совет пришло письмо от Белецкого Григория Соловьёвича. Секретарь показала письмо Зыковой А.Я., директору школьного музея, и спросила, знает ли она этого человека. Она ответила, что этот младший лейтенант после тяжёлого ранения в 1942 году лечился в госпитале на озере Тагарское. Потом его отправили в Ермаковский райсобес на долечивание и поправку. Райсобес определил его в Новополтавку к украинцам, так как сам он был украинец из города Умань. В селе можно было обеспечить ему хорошее питание. Встретили его приветливо. Работал счетоводом, выбрали секретарём комсомольской организации и зав. клубом. В селе на излечении находился ещё один фронтовик, Гриша Орешко. Все помнят, как замечательно они пели украинские песни, которых раньше у нас не знали. Недаром у него отчество было Соловьёвич. Он крепко сдружился с нашим народом. После

освобождения родного города от фашистов он уехал на Украину поднимать разрушенное войной хозяйство. Письмо отдали красным следопытам, и началась переписка. Он интересовался всей жизнью села и школы. Работал Белецкий Г.С. зав. отдела культуры г. Умань и руководил хором ветеранов.

В мае 1985 года он приехал в Новополтавку и 4 дня был моим гостем. Встречался с учащимися в школе. Беседовал и подарил редкую пластинку «Стэпом, стэпом», украинский реквием. В клубе после выступления весь зал пел с ним украинские песни. По дороге из клуба пели до самого нашего дома. Он обошёл все село, возложил цветы к памятнику воинам-фронтовикам. Друзья военных лет провожали его с песнями за околицу. А потом я его увёз в Ермаковскую больницу, где умирал от рака его бывший хозяин Козин Степан Григорьевич. Встреча была трогательной до слез. Степан Григорьевич подарил ему альбом с вырезками газетных статей В.К. Егорова «Жизнь, отданная революции». Потом он писал, что проводил в школах беседы по этому материалу. Заехал он и в Красноярск

*Белецкий Григорий Соловьёвич
встречается со школьниками. Май 1985 г.*

*Белецкий Григорий Соловьёвич в
окружении односельчан. Май 1985 г.*

*Белецкий Григорий Соловьёвич.
Саженьцы - на память. Май 1985 г.*

в Дом престарелых большевиков и попроведал Вихреву Татьяну Васильевну, которая давала ему рекомендацию в партию. Умер он внезапно от разрыва сердца, поднимаясь домой по лестнице после длительной репетиции хора, который должен был выступать 9 мая на площади г. Умань. Получив известие о смерти, друзья собрали и отправили деньги на венки.

К 30-летию Победы красные следопыты провели анкетирование всех фронтовиков. Потом по заданию музея г. Кириши Ленинградской области провели удачную операцию «Поиск-30», нашли и «оживили» пропавшего без вести фронтовика. А дело было так. В редакцию районной газеты пришло письмо из музея г. Кириши найти хозяина полевой полуистлевшей сумки времен начала Отечественной войны, которую под кустом нашли школьники. В сумке было сгнившее вафельное полотенце и несколько остатков от полусгнивших писем с родины с почтовым штампом «Ерм.Крас». Было там и неотправленное письмо его родным, где сохранилось несколько имен. Главный редактор Г.Т. Репин обратился к нам, наиболее удачливым и счастливым в поисках, за помощью и переслал письмо из музея. Я сразу собрал своих следопытов и прочитал им все. Сохранились ещё в списке некоторые фамилии солдат. Я предположил, что хозяин сумки был старшиной или командиром взвода, офицером. Ох, как загорелись следопыты желанием найти. Такой огненный задор всегда помогал нам в поиске. Обсудили и написали письмо-обращение к жителям района с просьбой помочь в поиске. После опубликования в газете стали приходить письма из сел и городов. Все в письмах утверждали, что это их родственник погиб на

Ленинградском фронте, и сообщали его имя и фамилию. Но многое не сходилось, ведь он обязательно должен быть командиром.

И вот наконец удача. Пожилая женщина написала, что это Николай Дурнев из с. Жеблахты Ермаковского района. Она любила его и всегда читала его письма родным. А узнала по перечислению поклонов, в особом порядке с именами всех родных. Она же дала адрес его сестры, которая знала его местожительство. Вот было у нас радости: хозяин-то сумки живой! Написали письмо сестре и по полученному адресу нашли Николая Дурнева в Тульской области. В подробном письме фронтовик рассказал о своей военной жизни. В начале войны он окончил курсы «Выстрел» командиров пулемётных взводов, и вся группа 25 человек была отправлена на Ленинградский фронт под Кириши. Шли ожесточённые бои, гибло много командиров и бойцов. 24 его сокурсника были назначены командирами стрелковых взводов, и все погибли за 10 дней. А ему повезло, он стал командиром миномётного взвода. Однажды во время обеда все сидели в окопах. Внезапно в бруствер ударил снаряд и всех засыпал землёй. Ему опять посчастливилось: товарищ увидел кончик командирского сапога и откопал Дурнева. Сумка осталась под землёй, а его без сознания увезли в госпиталь. Потом он ещё долго воевал и вышел в отставку майором. Обо всем этом было напечатано в газете. Описание удачного поиска мы отправили в музей г. Кириши. в школе на линейке подвели итоги, и все были рады, что помогли настоящему музею. Ведь дорогу осилит идущий.

С 1971 года я стал преподавать историю и основы государства и права, появилось желание узнать и написать историю села. Из рассказов старожилов и материалов Минусинского краеведческого музея им. Мартыанова точно установили, что в 1973 году Новопоплавке исполняется 80 лет. Решили отметить юбилей. Закопёрщиком этой идеи стали Зыкова А.Я. и её товарищи по женсовету. Был составлен обширный план, работы хватило всем. Много дел пришлось на долю учителей. Была большая выставка старинной одежды, домашней утвари и сельхозорудий: от сохи, серпа и цепа до современного трактора К-700. Готовились гречневые блины, галушки другие украинские блюда. Учителя были в гуще народа. Такой праздник был в районе впервые и собрал много гостей. Зыкова А.Я. сумела организовать пожилых людей. Перед праздником они приходили вечерами в школу и под руководством активистки и знатока Скрыль Марии Андрияновны готовили песни, танцы и хороводы времён своей молодости. Выступление в ДК имело большой успех. Успех окрылил, и в 1974 году в школе уже готовилось сразу три хора для смотра в районе: украинский, латышский и русский. Украинский хор был приглашён на Абаканское телевидение.

К 90-летию села краеведческим кружком школы под руководством Зыковой А.Я. была проделана огромная работа. Было изготовлено 9 стендов по материалам газетных статей из истории села, всего около трёхсот статей. Широко отмечали и 100-летний юбилей.

Для школьников большим праздником были всегда проводы русской зимы: тут и санный поезд, и катание на тройках, и зайцы в лодке с дедом Мазаем, Емеля на печке и другие шумные забавы. У нас школа дружила с сельской библиотекой. Библиотекарь Скрыль Валентина Ивановна, наша бывшая ученица, умело организовывала чтение книг, игры и забавы детей. Наши ученики любят свою школу, помнят и уважают учителей и хотят хотя бы раз в 10 лет встречаться, каждому хочется вспомнить детские годы счастья. Единственной выпускницей первого выпуска 1947 года, работавшая в школе, была Зыкова (Скрыль) А.Я.

Не осуждайте, что пишу все о Зыковых, так уж сложилось в жизни и работе. Она единственная из учителей знала всех

Зыков Валерий Иванович с классом

выпускников и тех, у кого можно было узнать их место жительства. Ей я и поручил отправить всем приглашения. Всего окончили школу за 30 лет 503 ученика. Писать приглашение помогали все учителя и учащиеся. В других школах обычно собирают учеников одного выпуска, а мы размахнулись на 30. У нас ведь все не так, как у других. Приехало более двухсот человек, всех с трудом вместил ДК. Это был праздник не только для школы, а для всего села и многих семей. В некоторые семьи приехало по 3-5 детей. Попробуй по-другому случаю их собрать. Сколько было радости и тёплого смеха! Сколько было воспоминаний! Выпускники всех лет от души благодарили учителей за этот большой праздник, ведь некоторые приезжали с детьми и внуками. А через несколько дней по Красноярскому радио исполнили для учителей песню «Деревенька моя» от благодарных выпускников. Это тронуло до слез наши учительские души.

В 1987 году собирали 40 выпусков, а в 1997 – 50. Выпускников уже было 700. Анастасия Яковлевна уже 10 лет была на пенсии, но продолжала организовывать встречи. Приглашения подготовил выпускник Тленкопачев Игорь, заполнили – жена и дочь Дуся, завуч школы, а разослали – их родители и родственники, так как наступили жестокие времена перестройки, и в школе не было денег. Вечер этот был особенно запоминающимся, ведь это был 50-летний юбилей. В школе были вывешены списки всех выпускников по классам. Была большая выставка фотоальбомов и развёрнуты экспозиции нашего школьного музея, материалы которого до этого хранились в шкафах. Теснота! Перед клубом провели общешкольную линейку. Меня привезли на машине, встретили тепло, ведь я сделал 40 выпусков. Я, слепой, прочитал со сцены отрывок о жизни из книги Н. Островского «Как закалялась сталь». Эти слова были и обо мне. Школе подарили дорогой телевизор с встроенным видеомagneфоном, магнитофон, часы и многое другое. Всех удивил огромный торт 100 см на 50 см (его испекли из продуктов учителей Зыкова Е.В. и Зыкова М.Е.) с пятьюдесятью горящими свечами. Учителя быстро разнесли его по залу и угостили каждого. Так каждый причастился от родной школы. После 12 часов ночи, идя на берег Кебежа, некоторые зашли в школу. Сели за парты и вспомнили о былом. Потом на берегу каждый класс развёл свой костёр. Такие же костры жгли в праздники 30-х и 40-х выпусков. Веселье продолжалось до 6 часов утра. Все праздники проходили в июне после выпускного вечера.

С каждым годом ширился размах пионерских дел и приносил все больше работы. Школа вышла на оперативный простор, стала известной в крае. На пути к звёздам немало было колючих терниев, которые больно ранили весь коллектив и меня лично. Ведь весь удар я всегда принимал на себя. В 1971 году в числе лучших юннатов края мой сын Николай был делегирован в Москву на Всероссийский слёт юннатов. Выбирали-то в крае по результатам опытов, а не по фамилиям. Ждали звонка, когда выезжать в Красноярск. Но телефон молчал. В понедельник услышал по радио, что слёт в Москве открылся. С возмущением мы из РОНО дозвонились до крайкома комсомола, который курировал эту поездку. Девушка-инструктор сказала, что она просто забыла сообщить о сроке и нечего из этого делать трагедию. Сынишка плакал, а мы старались его успокоить. Но диплом из Москвы нам все же прислали. Во вторник я был на совещании директоров в Красноярске. Внезапно на меня налетела пожилая женщина, ругала всяко и чуть не била в присутствии многих директоров. Это была директор КрайсЮТУР Бухмалец, заказывавшая и оплатившая билеты на самолёт. Билет-то пропал, и её наказали. Я ей объяснил причину, и она помчалась в крайком, вскоре приехала и при всех извинилась за свою горячность.

Зимой 1973 года в числе 7 лучших школ края по работе красных следопытов мы были представлены на слёт красных следопытов в Москву. Мы знали время вылета. Я был очень загружен работой. И отправил завуча Фролову Валентину Семёновну сопровождать до Красноярска и посадить в самолёт нашего начальника штаба красных следопытов Ильенко Виктора. Все шло хорошо, пока он не услышал рёв самолётов. Раньше-то он нигде не бывал дальше Ермаковского. Видимо, на него напал такой ужас, что он спрятался в мужском туалете и не выходил оттуда пока лайнер не улетел. Ведь нашёл же «тайник»! А Фролова туда зайти не смела. Мне снова была большая вздрючка по телефону и в письме от Бухмалец

за неиспользованный билет. Егоровы встречали всю делегацию Красноярского края в Москве. А новополтавского-то делегата и не было. Срам, позор и обида для всей школы были велики. Но все же в школу прислали почётную грамоту министерства просвещения РСФСР.

В 1979 году нашему сыну Мише как лучшему пионеру-активисту района дали бесплатную путёвку во Всероссийский лагерь «Орлёнок». Поехал я за путёвкой в райком комсомола. Второй секретарь Фельдман Дмитрий Романович, отводя глаза, сказал, что детей учителей летом в лагерь посылать запретили. Я возмутился, спорил, но ничего доказать не смог о бесстыдстве и дискриминации этого решения. Вроде, семья учителей – это прокажённые. Я написал гневные письма в Крайком комсомола, в ЦК ВЛКСМ, но оттуда пришли подтверждения этого дикого решения. Вместо Миши поехал сын председателя Семенюковского колхоза имени Ленина Владимира Архипова, чья жена была учительницей. Я понял всю подлость этого дела: чем может угодить учитель Зыков? А вот председатель Архипов может дать зерна, мяса по дешёвой цене. Горько сознавать, что обман на обмане может сидеть и обманом погонять.

А вот дочери Дусе ещё до этого решения повезло. За отличную учёбу ей дали путёвку во Всесоюзный лагерь «Артек». Были в «Артеке» и «Орленке» и другие дети рабочих фермы.

В 1979 году Новополтавку посетила группа писателей, делегатов Всероссийской конференции писателей в с. Шушенском. Вся наша школа пришла на встречу с ними. Подарили им уйму цветов, вместе с каждым посадили по маленькому клёну. Из моего разговора с красноярцем Анатолием Ивановичем Чмыхало случайно выяснилось, что он наш старинный земляк, возможно, кому-то родственник. Его предки и наши старики переселились в Сибирь в 1890-х годах из с. Пронозовки Кременчугского уезда Полтавской губернии.

В январе 1982 года в Красноярске проходил слёт активистов школьных музеев. Из района там было 7 человек, среди них наша Галя Скрыль. Её я повёз сам, ни на кого больше не надеясь. Нужно было правильно подать, обыграть материал об Анне Михайловне Егоровой, как оказалось, очень редкий. И мы победили. В марте, как победительница, Галя ездила в Свердловск на 2-й Всероссийский слёт активистов школьных музеев. Она получила грамоту министерства просвещения РСФСР и уральский сувенир.

В июле 1983 года в Шушенском проходил Всероссийский слёт-конкурс членов школьных лесничеств, юных друзей природы. За особые большие заслуги по опытнической работе на слёте была выставка огромных фотографий о нашей школе. Краевой комитет ВЛКСМ напечатал 8 книжек-памяток и среди них об опытниках нашей школы под заголовком: «Школьная сельхозакадемия». За два дня до начала слёта я зашёл к зам. председателя ермаковского райисполкома Магере П.И. и застал его сильно озабоченным. Что подарить участникам слёта от района, мы ведь соседи шушенцам?

Я и ляпнул: «Да подарите каждому по саженцу кедра в пакете с землёй! Ведь у нас Всесоюзный кедровый питомник». Он радостно засмеялся и воскликнул: «Да тебя мне сам бог послал! Пусть дома посадят и вспоминают Сибирь. Лучшего подарка и не придумаешь». А старый фотограф Токарь, который приготовил большие снимки, тихо сказал мне: «Ни за что бы не поехал так далеко из Красноярска, да хочется лимонник из вашего домашнего сада. Вы давали доктору сельхознаук Ведрову и ещё кое-кому. Растёт хорошо». Дал я ему два кустика и пожелал удачи.

В этом же году летом школа получила от Рудик Галины Ивановны, директора КрайСЮТУР, свидетельство о присвоении статуса «Школьный музей» нашему музею. До этого и потом не раз приезжали работники минусинского музея имени Мартыанова, Харламова, Шадрина, Тиунова, работники КрайОНО и ИУУ, из министерства просвещения СССР и РСФСР и удивлялись обилию ценности наших экспонатов.

В коридоре (больше разместить было негде) – большой стенд грамот, полученных за все виды деятельности школы, начиная с 1945 года по 1980 год включительно, 91 грамота,

больше не вмещалось, стенд боевой славы, стенд трудовой славы, где материал менялся ежегодно, доска почёта учащихся. В кабинете истории витрины с бивнями и зубами мамонта, топор бронзового века, старинные монеты, коллекция мрамора из Кибикского месторождения, объёмный макет «Взятие зимнего дворца». На стенах в рамках и турникетах – ксерокопии первых большевистских газет и Ленинских документов из музея Революции, турникет об Анне Михайловне. В шкафу в учительской хранилось много ценных книг, подаренных нашими большими друзьями из Москвы и Киева, множество альбомов о туризме, спорте, пионерских сборах, о работе юннатов, о встречах со стахановцами, фронтовиками, женщинами-трактористками, Егоровыми, Шаховым, юбилеях школы.

Пионерский сбор. 1965 г.

Все эти фотографии сделал всё умеющий и вездесущий Кокорев М. М., гордость нашей школы. Все альбомы, экспозиции, раскладушки бережно, с любовью изготовили члены краеведческого кружка, которым много лет руководила общественный директор школьного музея Зыкова А.Я. Особенно много старания приложили при сборе материалов и оформлении раскладушек о Шахове и учителях-фронтовиках, работавших в нашей школе. Всего их работало в разные годы 10 человек: Роговый Павел Фёдорович, Долголапов Виктор Андреевич, (погиб на фронте), Магеря Пётр Иванович, Бондарено Анатолий Леонтьевич, Москалёв Григорий Прокопьевич, Глушков Иван Николаевич, Кислов Михаил Павлович, Широков Борис Витальевич, Скороспешкин Владимир Иванович, Кокорев Матвей Максимович. В раскладушке только материал о семерых, Москалева и Широкова мы не нашли, а Глушков на наши письма не соизволил ответить.

При поиске данных о фронтовиках снова посетила неожиданная удача. Оказалось, что из 10 Почётных граждан города Оргеев Молдавской ССР в 1969 году ими стали рядовой запаса Скороспешкин В.И. и гвардии полковник в запасе Герой Советского Союза Шахов А.И. О присвоении почётного звания Скороспешкину в одном из писем написала его мать. Мы запросили горсовет г. Оргеева и вскоре получили официальный документ. В раскладушке «Герои-ермаковцы» – портреты героев и копии указов Президиума Верховного Совета СССР, полученные из архивов Вооружённых Сил СССР. Есть там и пятый, найденный нами герой-ермаковец Токарев Николай Данилович, капитан, командир роты разведчиков. Подтверждалось это Указом Президиума Верховного Совета СССР. Но через 8 месяцев пришла горестная весть: звание Героя с него сняли «за недостаточностью представления». Так и видим: злая рука завистника вырывает документ из личного дела Токарева. Бывало, вот и такое.

Мы много говорили о нашем герое Шахове. Совсем другим был старший сержант, Герой Советского Союза Кабак Николай Пантелеймонович. Кстати, в книге «Достоин звания Героя» он Пантелеевич. Следопыты достали в загсе копию свидетельства о рождении, выслали в Красноярский краеведческий музей, за что получили благодарность. Кабак ещё за войну в Монголии против японцев в 30-е годы был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Это был крепкий сибиряк, сквернослов и забияка, умевший смело бить врага кинжалом, штыком и гранатой. Звание Героя было присвоено ему за форсирование Днепра. У нас есть большой очерк Занкеева об этом подвиге. Мы несколько раз писали Кабаку поздравления и письма, приглашали в гости, но ответа ни разу не получили.

К 40-летию Победы в школе коллективом учителей и учащихся была проведена встреча ветеранов войны и труда (их было 60 человек) с учащимися. Ветераны рассказали ребятам о своей боевой и трудовой жизни, вспомнили о своём босоногом детстве, а потом магнитофон озвучил им голоса Белецкого и Шахова. Закончился вечер скромным чаепитием

с конфетами и печеньем. Краеведческий кружок к этой дате систематизировал газетный материал о нашем селе за последние 20 лет. Эта работа продолжается и сегодня.

К 45-ой годовщине Победы учащиеся приготовили фронтовикам сувениры – цветные разделочные доски, а Егоровым в Москву и Киев, Шахову, Розенкранцу доски послали из настоящего сибирского кедра с его неповторимым запахом. Рисунок их трёх кедровых шишек и куста рябины составила и нарисовала Гленкопачева Галина Ивановна. Получилось по-сибирски, очень красиво.

Особенно рад был Розенкранц Игорь Абрамович, командир дивизиона грозных «катюш». Дивизион мог «выложить по квадрату» 192 ракеты. Познакомились мы с ним случайно. Он много лет разыскивал своего начальника артиллерийской разведки лейтенанта Рогового П.Ф. (бывшего директора нашей школы). Письмо пришло через полмесяца после похорон. Вдова принесла его мне. Прочитал, собрал следопытов и вместе написали ему письмо, сообщив о жизни и смерти Павла Фёдоровича. Завязалась переписка. В одном из писем наш новый друг подполковник Розенкранц сообщил, как Павел Фёдорович совершил большой подвиг, спас боевое знамя стрелковой дивизии.

Дословно привожу письмо Розенкранца после получения подарка: «г. Киев 17 мая 1990 г. Глубокоуважаемый Валерий Иванович, Анастасия Яковлевна, весь персонал очень далёкой территориально, но очень близкой мне школы! Дорогие ребята, красные следопыты! Я не могу найти нужные тёплые и сердечные слова, которые хочется Вам сказать в знак благодарности за ваше чуткое ко мне отношение, за ваш бесценный для меня подарок. За свою жизнь (25 лет в армии и 25, как говорят, на гражданке) я не приобрёл ни дачи, ни машины, нету меня ни золота, ни серебра так, что ваш подарок будет для меня самым дорогим приобретением. С гордостью показывал его всем близким и знакомым очень, очень всем понравилось и по содержанию, и по качеству. Если бы в Киеве такие вещи появились в магазине, их бы сразу раскупили».

Доски для всех фронтовиков были сделаны ребятами и учителям труда, директором школы Сутугиным Николаем Викторовичем. Раскрасили и покрыли лаком учителя и учащиеся. На торцах выжгли надпись: «45 лет Победы, от красных следопытов. Новополтавская 8-летняя школа им. А.М. Егоровой».

В конце письма Розенкранц написал: «Дорогие дети Сибири! Я отлично знаю, что означает слово сибиряк. Для меня в этом слове сила духа, физическая сила и здоровье, честность и принципиальность, мужество и любовь к своей Родине. Все эти качества для меня олицетворял мой боевой товарищ, начальник разведки 18-го гвардейского миномётного дивизиона всеми наш любимый, Роговой Павел Фёдорович, будьте достойны его памяти, старайтесь такими же, каким был он. Валерий Иванович! Сообщаю Вам мой домашний телефон 446-24-77 (жена Валентина Николаевна) и рабочий 446-12-72 (секретарь вызовет – я рядом). Если я хоть чем-то смогу помочь туристам моей школы, я сделаю это с огромным удовольствием и постараюсь качественно. Конечно, в 3-х миллионном Киеве я не фигура, но все же сделаю все возможное. Прошу не стесняться – чем больше я смогу сделать для моей школы, тем больше будет мне удовлетворения. Дорогие друзья! Ещё и ещё раз благодарю вас всех от всего моего сердца, от всей души за бесценный подарок, за чуткость и внимание ко мне. С нетерпением жду встречи. Крепко жму всем руки И.А. Розенкранц. Валерий Иванович – правильно поступило правительство присвоив вам звание Заслуженного учителя, хотя бы за то, что вы создали такой замечательный коллектив».

Наши туристы поехали в Киев в конце июня 1990 года. Это была последняя поездка детей на заработанные деньги осенью. Старшим группы был молодой учитель истории Логинов Андрей Васильевич. Организовала встречу Зыкова Евдокия Валерьевна, завуч школы, бывший начальник штаба красных следопытов, она лично знала Шахова и Егорова.

Встреча туристов с Почётными пионерами нашей школы Шаховым и Егоровым, и новым другом школы Розенкранцем проходила в одной из гостиниц турбазы «Пуща – Водица», где жили экскурсанты.

Интересно было встретить этих замечательных людей вместе. Они как бы дополняли один другого. Они все прошли войну, имеют разное отношение к нашей школе, но все считают её своей.

Они все живут в Киеве, но встретились впервые, туристы их свели. Встречу записали на две кассеты. Они будут храниться вечно. Дети подарили им по букету роз, а Егоров Борис Кронидович подарил туристам сладкий сувенир – 4 кг шоколадных конфет, а школе двенадцатитомную Антологию поэзии Великой Отечественной войны – бесценный дар. Здорово пригодится для воспитания школьников и развития детей и учителей.

В конце 70-х годов наша пионерская дружина им. Павлика Морозова под руководством бессменной вожатой Толстоноженко З.А. так здорово работала по всем направлениям пионерского марша, что к нам приехала корреспондент «Пионерского салюта» Шелудченко Галина Александровна. Наша работа, и ребята так ей понравились, что она записала на магнитофон большой репортаж. Через два дня он был передан по Краевому радио. А еще раньше, в 1972 году в честь 50-летия Пионерской организации им. В.И. Ленина к 19 мая были изготовлены большие красочные плакаты по тематике «Законов юных пионеров». Маленькие картинки увеличили через эпидиаскоп на загрунтованные полотна. Каждый учитель нарисовал один цветной плакат. Закопёрщиками-энтузиастами были завуч Людмила Ивановна и вожатая Зинаида Алексеевна. Плакаты были размещены вдоль изгороди у входа в школу и двор. На высоких древках прибили 15 флагов, символизирующих 15 республик. Празднично был украшен и фасад школы со стороны парка. Ежегодно школа принимала в эти дни великолепный праздничный вид. Такой красоты не было ни в одной школе района, я это точно знаю. Бессменный директор Ермаковского дома пионеров, Яковлева Ольга Даниловна была в восхищении от смекалки и изобретательности наших пионеров и вожатой.

В 1988 году с первого сентября я вышел на пенсию, на два с половиной месяца раньше срока, чтобы не мешать молодому директору Сутугину Н.В. начать учебный год. Меня уговаривали поработать ещё в РОНО, райисполкоме, райкоме партии, КрайОНО, но я уже тяжело болел и отказался. А жена в предыдущем году тоже ушла на пенсию на 4 месяца раньше, чтобы не мешать новой учительнице начать занятия с 1-го сентября. Кто-то подсчитал, что из-за этого мы не дополучи 2000 рублей и ужаснулся, но ведь мы «белые вороны», нас трудно понять другим. Я знал одно: лучше уйти раньше, чтоб все жалели, что ты ушел, чем остаться, и тогда будут все жалеть, что ты остался.

Зимой этого года в Абакане проходил слёт активистов школьных музеев. Нас уже хорошо знали и уважали в КрайСЮТУР и пригласили принять участие. Я эту поездку не мог доверить никому из учителей, так как знал материалы музея лучше других. Если ехать, то надо победить. Я стал тренировать Лену Роговую по теме реферата «Поисково-пропагандистская и культурно-просветительная работа школьного музея».

Лена была очень пластичная, умная, с хорошей памятью. Она выучила весь реферат, 6 страниц, и научилась выразительно рассказывать. Очень важно правильно подать материал. Она выступила лучше всех и победила. Вечером, когда все уснули, Галина Александровна Шелудченко записала интервью с Леной на плёнку, и через два дня мы услышали в передаче «Пионерский салют». А ещё через неделю мягкий красивый голос Лены передала Москва в «Пионерской зорьке» на весь Советский Союз. А ещё через неделю пришло восторженное письмо от Егоровых, благодаривших за хороший рассказ об их матери Анне Михайловне.

Хочется вспомнить те музеи, с которыми мы имели переписку и некоторые посещали: Минусинский им. Мартьянова, сотрудники которого помогли нам оформить турникеты, Кызыльский, Краевой Красноярский (мы ему помогли найти героев-земляков Шахова и Токарева), Нарымский музей политических ссыльных, Киришский Ленинградской области (в поиске-30 нашли пропавшего без вести командира живым), Челябинский железнодорожный музей (они нам написали, что по материалам музея, в революцию 1905-1906 гг. главными закопёрщиками забастовки на Южно-Уральской ж/д были Тульников

Кронид, Федор Егоров и его сестра Анна Михайловна. Мы выслали музею рассказ о её дальнейшей судьбе. Это альбом из газетных статей по книге сына В. Егорова «Из гвардии большевиков». Потом они нас очень благодарили, потому что мы помогли им закрыть ещё одно белое пятно в истории Революции.

Мы дружили с Почётным корреспондентом краевой газеты «Красноярский рабочий» Шадриным Афанасием Артемьевичем. Он не раз пользовался материалами семейного и школьного архивов. Однажды при беседе с Зыковой А.Я. он заинтересовался судьбой выпускников нашей восьмилетки. Она подсчитала и в тетради учёта выпускников записала: «На 20 января 1983 года закончили школу 570 человек. Проживают и работают в районе 257 человек, из них в Новопоплавке – 192 человека». Шадрин был приятно удивлён: школа обеспечила село своими кадрами.

Вернёмся к главной цели нашей жизни – обучению детей. Приходилось много и упорно работать с отстающими ежедневно. Старались дойти до каждого школьника, выяснить его пробелы в знаниях и помочь их устранить. По русскому языку хорошо помогала таблица «Классификация ошибок». Вёл её каждый ученик, а я – сводную. По математике в основу изучения был заложен устный счёт. Меня удивляет до сих пор, что постепенно к нему ослабили внимание. Удивляло, что учителя математики с высшим образованием не могли без калькулятора умножать и делить большие числа. А нас учили в детстве считать прикидкой, как на логарифмической линейке. В начале 40-х годов меня учила замечательная умница молодая Лидия Ивановна. Задачи были в 4-6 классах по 10-12 действий, и класс успевал решить только две. Отлично знали и любили арифметику у нас в классе 4 мальчишки. Умный педагог разрешал нам решать в тетрадь только одну задачу: было много писанины. А потом на черновиках давала нам задание решить десяток задач. И начиналась бешеная скачка мыслей. Она ходила по классу и подзуживала: «А Владька-то тебя уже обогнал!» Мы успевали считать быстрее, чем писать, только обозначая номера действий, перепрыгивая через два-три. Подходя ко мне, она похваливала: «Молодец! Давай! Давай!» За урок успевал решить 10-12 задач, по спине тёк пот, и голова к концу урока иногда болела. Она выжимала из нас все, что могла. Вот такой работы с сильными я требовал от своих математиков. Требовал научить ребят на уроках геометрии высчитать объём стога, скирды, силосной ямы, траншеи, высчитать площадь любой формы участка. Сердились иногда, но терпеливо выполняли. А ведь все это пригождается в жизни. Делали много самодельных приборов по физике, а один из «химиков» любознательных чуть не погиб. А было вот так. Все опасные химикаты хранились у меня в директорской в железном сейфе под двойным замком. Однажды потекла батарея, и сейф пришлось на время убрать. Содержимое его убрали в класс и замкнули. Это видели Толстоноженко Витя и Меркушев Вася. Их давно манили химические опыты со взрывами натрия, бертолетовой соли и красного фосфора. Старший брат Вити рассказал, как интересно их проводит Гармашов Николай Константинович, учитель химии. И школьники начали действовать. Васина мама уборщица в этот день дежурила. Вася попросил у неё ключ от класса, сказав, что забыл там варежки – соврал. Мать просто дала ему ключ, и мальчишки забрали реактивы. Дома у Меркушевых на большом стекле сталинита насыпали по пол чайной ложечке красного фосфора и бертолетовой соли. Вася смешал их и стал растирать ложкой. Грянул взрыв, лицо опалило, а Витя убежал в страхе домой. Узнали мы о несчастье от прибежавшей в школу матери. Мы проверили с Николаем Константиновичем коробку с реактивами, и он сказал, что исчезла банка с натрием, нет бертолетовой соли и красного фосфора. Мы быстро с матерью пошли на квартиру. Васю уже увезли в больницу. Я стал пугать её, что взорвётся весь дом. Она быстро достала две банки, а натрия-то не было. Подумалось, что его унёс Витя. Страшно было, что мог случиться взрыв и я побежал к Толстоноженко. Мальчик и родители были дома. Витя плакал и говорил, что ничего не брал, а я требовал от него найти и принести натрий. Потом из школы позвонил в скорую помощь Ермаковского и сообщил причину ожога, чтоб знали, чем лечить. Попросил Николая Константиновича ещё раз проверить наличие реактивов. Он проверил и засмеялся: «А натрий-то тут! Завтра Витьке и скажем об этом». Я сгоряча чуть не

ударил его: такое безразличие к жизни ребёнка. «Да ты понимаешь, что мальчишка в отчаянии может в петлю полезть!» - воскликнул я и побежал к Толстоноженко исправлять свою вину. К счастью, все были дома. Я рассказал о находке и попросил у всех прощенья. Поговорили по душам и все вроде бы успокоились. Но у меня до сих пор об этом болит сердце. А у Васьки-то после ожога его слабое зрение стало нормальным. Чудеса, да и только!

Об этом ЧП я назавтра рассказал ученикам на линейке, чтоб не повадно было всем так делать.

Правильно было поставлено обучение в начальных классах в течении 4-х лет. Дети нуждаются в заботе о них одного наставника. Они ещё малы и беззащитны. Четырёхлетка давала законченный круг знаний первой ступени. И вдруг, как обвал, трёхлетнее обучение в начальных классах. В четвертом классе ввели предметное обучение. Дети трудно привыкали к новым учителям-предметникам: малы ещё были. Сразу снизился процент успеваемости и качество знаний. Наш коллектив тогда с трудом смирился с этим и сегодня против таких экспериментов. Одумались в министерстве и снова переходят на четырёхлетку. Учителя-коняги трудятся в поте лица, а пустоплясы-чиновники забавляются, умствуют лукаво. У нас самая лучшая в мире продуманная система народного образования и реформировать её надо очень и очень осторожно и умно. Смех вызывает название нашей одиннадцатилетки: ведь четвертого-то класса нет, получается десятилетка. Кого обманываем, ради чего заискиваем перед западом?

Бедой была малая наполняемость классов и приходилось заниматься на режиме малокомплектной школы. Тогда, чтобы добиться хороших знаний, учителю за ту же зарплату приходилось заниматься по 6 часов, приглашая один класс на два часа раньше. Старшие трогательно заботились о младших, вместе с учителем помогали им одеться и провожали на крыльцо. Зимы у нас многоснежные и морозные. При трёхлетнем начальном обучении несколько лет у нас было три классных комплекта. В одном комплекте двух или трёх классов не должно быть больше 25 человек. Если в течении года кто-то приезжал, становилось 27 и более человек, то классы снова делили. В некоторых школах приписывали не существующих учеников, а через 10 дней после начала учебного года они якобы уезжали. Наша школа на такие подлоги никогда не шла. При слиянии классов один учитель оставался без работы. То же случилось и у нас. Уже были продлёнки, в основном для старших классов. Удалось в РОНО выпросить продлёнку для наших начальных классов. Стал вопрос, кому её давать. Зарплата воспитателя была меньше учительской. Говорят, начни с себя, с своей семьи. И я назначил воспитателем жену, хотя она работала уже двадцать лет и была Отличником народного образования. Прозанимались два дня и расплакалась учительница, у которой был сдвоенный класс, она не умела так работать. А вперёд я им ведь предлагал каждой работать со своим классом и заниматься два часа дополнительно в счёт продлёнки, а кормить и везти документацию по продлёнке будет тот, кто учит 3-й класс. Обожглись и согласились. Инспектора встретили нашу затею в штыки. Такая новизна их пугала. Несколько лет мне приходилось отбиваться, наездами посещали уроки, но ничего крамольного не находили.

И снова нам улыбнулась удача. Внезапно в школу приехала комиссия из Министерства просвещения СССР. Двух красивых полных женщин среднего возраста сопровождали заместитель заведующего КрайОНО Крупкин и заведующий Ермаковским РОНО Лазарев. Приехали в полдень, познакомились и стали осматривать школу. Понравилась им чистота, белое полотенце, туалетное мыло в умывальнике. Очень понравились наши ребяташки, которые с ними здоровались и не были слишком шумные. Не понравились им наши условия соревнования между классами, которые висели в рамочке. Посчитали его устаревшим и предложили убрать. Я им ответил, что оно нам хорошо помогает в работе. Они шли впереди, а мы сопровождали их сзади. По третьему заходу по коридору Лазарев не выдержал их косых взглядов, сорвал злополучную рамку и поставил к стенке. Но после их отъезда я сразу же её повесил. Заходили в каждый класс и всё внимательно осматривали, расспрашивали.

Я решил похвастаться: открыл одну из кабин (а такие были в пяти классах) и сразу оказался готовым к работе киноаппарат на распахнутой дверке, а в кабине уютно стоял проигрыватель «Школьный», диапроектор «Святязь», эпидиаскоп. В коробочках аккуратно стояли пронумерованные диафильмы (их в школе было более двухсот тридцати по разным предметам), сбоку стоял набор грампластинок. Пожелали посмотреть кое-что в действии. Я закрыл шторы затемнения, опустил экран и включил киноаппарат. Показал им «Ледовое побоище», одну часть. Инспектора были очарованы, поражены изобилием ТСО в маленькой сельской школе и умением с ними обращаться. Пошли дальше, а Лазарев тихонько спросил: «Ты нас кормить будешь?» Я взглянул на часы и ахнул про себя: было без десяти два, а совхозная столовая закрывалась ровно в два. Позвонил и застал там ещё главного повара Ломилкину Е.С. Она сразу растерялась: гости-то слишком высокие, а потом спросила, будут ли есть пельмени. Получив согласие, она велела приходиться через 20 минут. Были на обед пельмени в бульоне из рёбрышек, махонькие маринованные опята и компот. Все им очень понравилось, а после пельменей ещё попросили водички от пельменей: очень уж вкусно. Им предложили добавить пельменей, они отказались, сказав, что они и так полные. Особенно восхитили их маленькие опята, таких они в Москве и не видели. От души все поблагодарили повара, и пошли в школу.

В три часа я сел в конец длинного стола, достал и открыл на всякий случай записную книжку, скрестил на груди руки и стал отвечать на их вопросы, рассказывать о работе школы. Кое-чему удивлялись, кое-чему не верили, тогда Лазарев подтверждал правоту моих слов. Наш способ работы в начальных классах их заинтересовал и удивил бескорыстностью наших учителей: Зыковой А.Я., Толстоженко З.А., Аржановой Н.Я., и они разрешили так работать дальше. Для нас это означало победу нашего метода. После шести часов, прощаясь в коридоре, я их спросил на прямой: «Скажите на совесть, что у нас не так?» Они посмотрели на меня глазами, полными слез, и одна сказала: «Вы сами не знаете, (я-то знал), какой у вас замечательный коллектив! Это настоящие герои. У нас в Подмоскowie в таких условиях никто бы работать не стал».

На следующий день между сменами собрал десятиминутку и все рассказал учителям. Хвалят нас редко, поэтому приятно было слышать добрые слова. Кстати, инспектора пообещали через министерство построить у нас новую школу. Я уже писал, что её у нас украли.

Мы всегда вводили передовые методы обучения, работали по Занкову, Давыдову, но брали то, что у нас могло хорошо получиться, а не огульно для галочки. Мы хорошо помнили, что все новое, это хорошо забытое старое, и не шарахались попусту. А вот методу Шаталова так и не смогли научиться работать.

Многое в моей работе и других учителей школы сделал Красноярский ИУУ, когда его возглавляли А.И. Гордеева и особенно Ю.Е. Васильев. Однажды на краевом совещании директоров нам предложили годовой план работы школы Сосновского, директора школы №19 г. Красноярска в качестве образца. Я наполнил разделы плана своим содержанием и мой план на курсах директоров Ю.Е. Васильев признал лучшим. Кое-кто потом успел «смазать». Встреча с замечательным энтузиастом и пропагандистом ТСО Пелем помогла нам научиться работать с ТСО, записать 40 магнитных фильмов по разным предметам.

Выставка образцов различных поощрений, применяемых в г. Норильске, очень помогла нам. Я все скопировал, потом отпечатал в Ермаковской типографии и применил в деле. Доброе слово поднимает дух учащихся и родителей. Школа и сейчас ими продолжает пользоваться. Бывали и сюрпризы. Однажды на курсах директоров курировавший иностранные языки Н.В. Сателиди с огорчением заметил, что молодые учителя после института слабо владеют дисциплиной на уроке и самим предметом, нет «орднунга», т.е. порядка. У меня с языка сорвалось:

– А у нас после педучилища Скрыль Александра Федоровна хорошо ведёт немецкий язык, даёт глубокие знания.

– Не может быть!

– Да её ученики одни из лучших в районе.

Моё упорство его «завело». Узнав, откуда я, он пообещал приехать в сентябре. Я сильно досадовал на себя: нашёл приключение для всей школы. Приехав с курсов, я обо всем рассказал Александре Фёдоровне и просил не тушеваться, а вести уроки обычным темпом. После 20-го приехали трое из ИУУ. Я помнил и исполнял всегда заповедь Рогового П.Ф.: упорно требуй от учителя полной отдачи в работе, учи, заставляй, требуй, но, когда приезжают проверять его работу, защити, не дай в обиду, прими весь удар на себя. Но тут я даже не мог пойти к ней на уроки: у нас у обоих были первые три урока. Подбодрил её и повторил наказ: работать, как всегда. Через три урока Н.В. Сателиди в коридоре взял меня под руку, и мы пошли в директорскую. Он был смущён и сказал: «Простите меня, я был не прав и приятно ошибся. Учитель знает своё дело. Знания у ребят хорошие. Нет у неё только среднерейнского акцента. Но кто поручится, что к вам не приедет после института с баварским или тирольским акцентом. Я счастливо ошибся, и на всех своих лекциях буду говорить о Новополтавской учительнице как о хорошем исключении». Рассказал я потом об этом Александре Фёдоровне, и она стала чуть-чуть зазнаваться.

Много помогало в работе каждого учителя обучение на курсах ИУУ раз в 5 лет. У нас никто ни разу не пропустил. Я ездил на недельные курсы по атеизму, а потом пригласили в лабораторию Академии педагогических наук при Красноярском пединституте по работе с трудновоспитуемыми подростками, которой заведовал В. Бурдаков. Слушал интересные лекции М.И. Шиловой, теперь она профессор и доктор наук. Мои исследования заинтересовали Бурдакова, и он предложил мне написать диссертацию, но я отказался из-за нехватки времени. Но работа по этой теме в школе с нашими учителями помогла улучшить воспитательную работу, лучше стали понимать психологию детей, причину их поступков. Я постоянно поддерживал контакт с детской комнатой милиции района. Один-два раза в год офицеры приезжали к нам в полной форме и проводили беседы с ребятами о дисциплине и умении вести себя в обществе. Ты наделён правами – умеи выполнять и обязанности. Горько слышать по радио в последние 10 лет разговор только о правах и ни слова об обязанностях каждого. Это и привело к нарушениям дисциплины, наркомании, вспышке СПИДа, венерических болезней, детской проституции. И никто в стране за растление малолетних ещё не ответил. А я со школьными озорниками, нарушителями дисциплины поступал так: вызывал в учительскую, собирал объяснительные и разбирался. Я был следователь, судья и прокурор. Виновника никогда сильно и зря не наказывал, наказание объявлял на общешкольной линейке и давал возможность исправиться. Постепенно ребята становились добрее, послушнее. Ни один наш ученик не попал в исправительное учреждение. На детских киносеансах всегда дежурил учитель. По большим праздникам и на интересные картины откупал весь кинозал на 100 билетов по 5 копеек, а ребята всегда безумно радовались бесплатному кино. В школе в наше время не сквернословили, не писали матерков на заборах и в туалетах. А если мне случалось увидеть, то я тут же стирал. Дети не должны видеть ничего плохого. Утром в 8 часов я ежедневно сам проверял чистоту туалетов и отсутствие надписей. Однажды увидел бранное слово, но это писал не наш. Спросил у завуча, кто приехал в течение последней недели. Мне сказали фамилию, и я его вызвал к себе и огорошил вопросом:

– Зачем ты это сделал?

– Это не я.

– Я знаю, что ты. Но зачем ты это сделал? Возьми у уборщиц известь, соскреби и забели.

Он все сделал, пришёл снова ко мне и лукаво спрашивает: «А как вы узнали, что это я?» Я объяснил ему логику своей мысли, что это мог сделать только новенький. Так мы боролись за чистоту нравов и порядочность.

Однажды, в 1970 году произошла очень неприятная история с родительницей Рясик Клавдией Даниловной. Её сын Володя был умным мальчиком, хорошо учился, но был очень упрямый и много шлодничал. Всячески старались исправить его недостатки, вызывали в

школу мать для беседы, посещали квартиру иногда целой группой учителей. Она была матерью-одиночкой, мальчик даже не знал своего отца. Однажды во время очередного вызова в школу она «взорвалась» и стала истошно сквернословить, уходя по коридору из школы. Я пытался её образумить, но не смог. И на улице продолжала обливать грязью учителей и директора. Меня все это страшно возмутило и оскорбило, и я пошёл к управляющему Магде. У него оказался предместком Тюленев Михаил Пантелеевич. Моему рассказу они сразу не поверили: так безумно это звучало. А когда все поняли, то возмутились и решили вызвать её на срочное заседание месткома в 2 часа. Авторитет учителей в селе был велик. На месткоме ей объяснили всю безобразность её поступка. Я потребовал, чтоб она завтра извинилась перед всеми учащимися (они ведь все это слышали) на общешкольной линейке. Что тут началось! Она ревела, кричала, извинялась перед месткомом, даже встала на колени, но в школу извиняться идти отказывалась. Но местком в своём решении записал: пойти и извиниться. Я её уговаривал, что помогу выйти из положения. На неё больно было смотреть: из глаз лились слезы, лицо распухло и покраснело. Утром она пришла к 8-ми часам в школу, жалкая, трясущаяся. В 8.15 я построил линейку и объяснил всем: «Вчера у нас случилось большое несчастье: Клавдия Даниловна не сдержалась и нехорошо ругалась. Она поняла свою ошибку и пришла перед вами извиниться». Клавдия Даниловна чуть слышно пролепетала: «Простите меня, ребята» и горько заплакала. Я быстро распустил линейку, а ей сказал: «Неприятно было, зато справедливо». Честь учителя надо оберегать, она у нас всегда стояла на очень высокой планке. Известно, что мнение о школе и учителях у односельчан зависит на 70% от языка уборщиц. Я внушал уборщицам, что они не просто полomoйки и дежурные у звонка, а воспитательницы, члены нашего коллектива, и требовал от учеников к ним такого же уважения, как и к учителям. Все это создавало в школе хороший микроклимат для наших душ. Все это удавалось мне нелегко, иногда хотелось гневно крикнуть, но удавалось сжать свой крик в гортани. Я вспоминал слова Ленина: «Умей смять себя для других». И пословицу вспоминал иногда вслух при учителях: «Юпитер, ты гневаешься? Значит, ты не прав. Гнев – плохой советчик». У нас в коллективе не было склок, подсиживания, карьеризма. Все жили открыто друг перед другом, без зависти и обид. Но однажды случилось непредвиденное. Подхожу раз к учительской и слышу оживлённый разговор. Открыл двери – все замолчали. Меня неприятно кольнуло в сердце. На следующий день – такая же история. В такой обстановке работать я не мог и попросил предместкома Толстоноженко З.А. вечером провести общее профсоюзное собрание, пригласив кочегаров и уборщиц. На таком собрании я был рядовым, и меня мог критиковать любой. Я сознательно на это пошёл, так как не чувствовал за собой никакой вины. Самый злой и жестокий критик была моя жена. Благодаря ей я не совершил, наверное, многих ошибок, она была и остаётся моим главным другом и домашним советчиком.

На повестке дня был поставлен вопрос «Об ухудшении микроклимата в коллективе». Первое слово дали мне. Я сказал: «Я чувствую, что вам трудно работать со мной, а мне стало труднее работать с вами. Объясните, что случилось. Если я в чем-то виноват, то исправлюсь, а если вы виноваты, то исправляйтесь сами». Тут встала старшая техничка, уборщица Южно Анна Карповна, человек трудолюбивый, но обидчивый и острый на язык. Она стала гневно высказывать: «Нашу швейцарскую превратили в свинюшник. Натаскали грязной макулатуры, а от неё воняет рыбой и ещё чем-то вонючим, хйба так можно? Хйба мы ны люды? Мы ж там круглы суткы». Я извинился за оплошность и сказал, что надо все говорить сразу. Когда я узнал об этом, я организовал убрать макулатуру в амбар. Но её уже несло: «А позавчера утром вы почему так на меня посмотрели нехорошо, черным взглядом?» Я ничего не мог понять (все насторожились), а потом вспомнил, что перед входом в школу увидел двух дерущихся мальчишек, рассердился, отругал их и пошёл в школу. Глаза были ещё тёмные от гнева. Проходя мимо Анны Карповны, поздоровался и глянул на неё. Оказывается, надо очень внимательно следить не только за своей интонацией при разговоре с другими, но и даже за взглядом. Я все объяснил присутствующим и снова извинился теперь

уже под оглушительный хохот собравшихся. Больше мне замечаний ни у кого не было. Тогда я сам стал делать себе замечания, и все воспринимали их доброжелательно. И понял: начальник, если ты виноват, дай себя побить подчинённым, тогда они на твои побои не будут обижаться. Рассказал я об этом на Пленуме райкома партии, когда делал доклад «Как учил работать Ленин», и предложил членам райкома и руководителям поступать, как я, но они все дружно опустили глаза, а из меня вырвалось: «Эх вы, что тогда об этом было говорить!» Видно, жили они совсем не по Ленинским принципам.

Хочется ещё раз привести примеры успешной работы с «трудными». В начале 80-х годов переехала к нам из нижней Буланки семья скотника и доярки Шталь. В 5-ый класс пришёл не по годам крупный и очень драчливый их сын Валерий. Он хотел всеми верховодить в классе и в школе. Но ребята не дали ему развернуться. Тогда он стал по одному их ловить и бить. Никакие наши убеждения и работа с родителями не помогали. На заседании исполкома сельского совета мальчишка вёл себя дерзко и вызывающе кричал, что его никто не имеет права тронуть. А отец, здоровенный мужик, беспомощно разводил руками: «Вы сами видите, что я могу с ним сделать!» Тут даже председатель сельсовета Арсентьев В.А. не выдержал и сорвался: «Да я вот сниму сейчас с себя ремень, и ты перестанешь нахальничать, мальчишка!» В решении записали: «Родителям усилить домашний контроль, ужесточить режим дня, ограничить пребывание на улице». Но сорванец не унимался. Прибежал однажды один мальчишка и взволнованно сообщил, что Валера хочет натравить буланских парней на наших. Они часто приходили за 7 км в наш ДК в кино и на танцы. Он жаловался парням, что его будто бы бьют, и просил защиты. Запахло ссорой двух сёл, украинским и латышским. Мы давно жили дружно, латыши были добрыми гостями в наших магазинах, на Новополтавском автобусе ездили в Минусинск и обратно. Два года их дети учились у нас в старших классах. И вот теперь один хулиган мог все взорвать. Иду домой из школы и никак не могу найти выхода из этого положения. Хотел уже идти с учителем вечером в ДК дежурить, чтобы предотвратить драку. И вдруг опять удача, о которой я не смел и мечтать. Около магазина остановились сани, и из них вылез латыш богатырь Иван Буда. Я учил его двух детей, и он очень уважал меня и школу. Внезапно мелькнула мысль: атаковать! Лучший способ защиты – атака! Немного мирно поговорили, расспросил как живёт. А потом внезапно обрушил шквал огня: «Больше в село не приезжай! В магазины наши пусть никто из ваших не ездит! Автобусом нашим тоже больше не пользуйтесь!»

Иван обомлел и торопливо спросил:

– А что случилось?

Я обо всем ему подробно рассказал и возмущено спросил:

– Да неужели вы не найдёте управы на безобразника? Потом ведь беду не поправишь.

Иван немного приободрился:

– Так его отец Васька мой племянник.

– Вот вы, два здоровенных мужика, и прижмите его, только не бейте.

– Все сделаем, как надо, не будет ни драки, ни вражды, – сказал повеселевший Иван.

На утро Валерка сидел в классе спокойно, стал лучше учиться и больше не хулиганил.

А в другой раз в первом классе был такой озорник, что не слушал родителей и учительницу. Во время уроков делал все, что ему вздумается: залазил под парту, ходил по классу, мешал товарищам писать. А на переменах превращался в буйного индейца: кричал громко, носился по коридору и всех толкал. Даже дежурные не могли с ним сладить: бить – то нельзя, а другого обращения он не понимал. Тогда я позвал двух восьмиклассников и попросил стать его опекунами на несколько дней. На перемене они сразу вели его поить, потом вели в туалет, а в оставшиеся время прогуливали по коридору, взяв за руки. Сначала малыш радовался всеобщему вниманию, смеялся, а потом загрустил. Опекуны же рассказывали ему, как надо себя вести в школе. Через три дня он у них попросил встречи со мной и попросил прощения. Сегодня при всеобщей анархии это бы назвали нарушением

прав человека. А восьмиклассникам-опекунам за успехи в воспитании товарища я объявил на линейке благодарность. Мы жили по принципу: не можешь – научим, не хочешь – заставим. Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя.

Был и ещё более ужасный случай зимой 1979 года. В двенадцатом часу ночи мне на квартиру позвонила уборщица Нина Минько и крикнула, что поджигают школу. Я чуть одевшись, помчался туда и все боялся, что вот-вот взметнётся пламя. Забежал в учительскую и увидел там уборщицу-сторожиху и её мужа, а на полу – штору затемнения и сгоревшие спички. Сильно пахло соляркой. В разбитое окно дуло. Мы заткнули окно шторой, мокрой от солярки, и то же сделали в соседнем классе. Нина рассказала, что услышала звон разбитого стекла. Вместе с мужем прибежала в учительскую (двери всех классов на ночь открывали, это и позволило услышать звук разбитого стекла), включили свет и увидели, как маленькая рука бросает горящие спички на штору. Ослеплённый светом, поджигатель убежал. Муж погнался за ним, но он был уже далеко. На наше счастье на улице было около 30-ти градусов, и холодная солярка не загорелась. Утром я собрал обломки стёкол с отпечатками пальцев и показал их вызванному участковому капитану Еремину В.П., опытному милиционеру. Он все внимательно осмотрел и сказал неожиданно: «Уголовное дело заводить не буду, школа-то не сгорела». Меня тогда это возмутило, а он и говорит: «У меня на расследование этого дела уйдёт дней 10, а начальник милиции положит его под сукно, как он уже сделал с двумя другими делами. Не хочу работать впустую». Я стал разбираться сам. Мальчишка с порезанными стеклом руками и пропахший соляркой старался от всего отказаться. Это был «зомби», ребёнок со слабой психикой, легко поддающийся внушению, гипнозу. Как потом узнал, его зомбировали два брата из другой семьи старше его по возрасту. Мы в школе учили: «Пионер всегда говорит правду». И вот первоклассница-октябрёнок, сестра братьев, пришла и рассказала мне в директорской, что ночью к ним прибежал поджигатель и доложил братьям: «Я школу поджёг, как вы велели», а она случайно услышала. Я с каждым из них побеседовал, попристращал и больше они проступков не совершали. Оглядываясь назад, я рад что удалось их уберечь от колонии для несовершеннолетних. А бдительной уборщице, которая спасла школу от пожара, я в приказе объявил благодарность.

Я рад, что состоялось главное в жизни – привили детям любовь к труду. Всегда главной стержневой темой школы была тема «Воспитание в труде», хотя появлялись и другие: «Нравственное воспитание», «Эстетическое воспитание» и др. И наши усилия не пропадали даром.

Уже 1945 году «За отличие во Всесоюзном социалистическом соревновании школ на с/х работах» школа была награждена Грамотой за подписями секретаря ЦК ВЛКСМ Михайлова и министра Просвещения РСФСР Калашникова. За 50 с лишним лет трудового подвига школы она десятки раз отмечалась грамотами самого высокого уровня и подарками, которые мы так и не получили.

Сегодняшний учитель даже не представляет, как много требовали от нас всегда и особенно в 50-е годы. В 1954 году весной был родительский день. Мальчишка-семиклассник играл на гармошке, а подвыпившие мужики плясали. В село заехал первый секретарь райкома партии Дедюхин Сергей Фролович. Его возмутила эта картина (этот праздник не был тогда разрешён), шла посевная, а они пляшут. Покалеченный на фронте, мужик он был жёсткий, требовательный, сам весь отдавался работе и требовал этого же от других. Спросил у гармониста, в каком классе он учится и окончательно взбеленился. Приехал в школу и потребовал вызвать всех учителей. Дал разгон директору Роговому и всем учителям за неправильное воспитание школьников: идёт посевная, а в селе справляют религиозный праздник под руководством ученика. Голос у него был жёсткий, скрипучий. Немного успокоившись, он внезапно спросил у математика Атрошко Р.А: «Сколько зёрен кукурузы высевается на гектар?» Начиналась хрущёвская кукурузная эпопея. В последующие годы она помогла резко увеличить в наших местах производство мяса и молока. Мы недоумевали, на его вопрос никто не смог ответить, это вопрос для агронома. И он опять взорвался: «Учитель на селе должен все знать. Это главная движущая сила партии на селе, её культурный и

просветительский передовой отряд. Вы во всем должны задавать тон, вам до всего должно быть дело. Сейчас вы должны научить всех выращивать кукурузу на силос. Вот возьмите участок и получите высокий урожай». Участок под кукурузу более 10 га отвели на южном склоне слева от Вышкварковой горы. В колхозе сделали маркер и провели борозды на расстоянии 70 см. Подняли на посадку почти всю школу, от третьего до седьмого класса. Старшие через шаг – 6-70 см – тямкой делали лунки, а младшие бросали в них по 3 белых крупных зерна и загортали ногами. Погода была солнечная, тёплая, влажная. Работать было приятно и радостно. Всходы были замечательные. Летом колхозницы и старшие ученики сделали две прополки, посева были чистые. К осени кукуруза вымахала на 3 м, образовала большие, почти спелые початки. Поле превратилось в зелёный лес, в котором всадника скрывало с головой. Стебли были толще лыжной палки. Как теперь её убирать, никто не знал. Машин для уборки кукурузы тогда ещё не было. Председатель колхоза терялся в догадках, а мы с Павлом Фёдоровичем придумали: младшие будут в корзины рвать початки, а старшие топориками и ножами-косарями будут рубить стебли. Каждый будет обрабатывать два рядка. Всем ребятам объяснили, что эта работа очень поможет колхозу, и тем самым воодушевили их. А в конце года колхоз обещал за труд расплатиться. Построили всех ребят и пешком прошли три километра. Перед нами стоял зелёный лес, даже начинать было страшно. Распределили ребят по рядкам, сделали пробный сбор початков и рубку. Некоторым детям трудно было доставать початки, и они подпрыгивали. Это был могучий американский сорт «Стерлинг» с крупными белыми зубовидными зёрнами. Початки с 4-х рядков складывали в одну кучку, так же поступали и с огромными стеблями. Приспособились и дали детям отдохнуть перед большой азартной работой. В это время подъехал верхом на коне председатель объединённого колхоза Магда Н.Ф., посмотрел на мало сделанное и недоверчиво хмыкнул: «Ну и шо они могут зробыть?» Меня такое барское пренебрежение буквально взбесило.

Не успел ещё Павел Фёдорович ничего сказать, как я крикнул: «А вот смотрите!» И как полководец перед боем, обратился с речью к своим «бойцам»: «Перед вами несокрушимая стена врага. Мы должны уничтожить вражью силу. За Родину, вперёд!» Озорство и удача иногда много помогают. Зашумела стена кукурузы от ворвавшихся в неё сборщиков. А за 10 метров от них началась сеча. Словно гигантская 100-метровой ширины машина, неудержимо шли они вперёд, оставляя за собой кучки початков и стеблей. Такое даже в кино не всегда увидишь. У меня волосы зашевелились на голове, и мороз пробежал по телу: так велика была сила радости труда. А председатель хмыкнул, повернул коня и уехал молча. До сих пор мне за него обидно: хоть бы остановил ребят и сказал им спасибо. Работали мы несколько дней, взрослые увозили початки на свинарник, а стебли стали грузить на единственную тогда в колхозе машину Коростелева. С трудом приспособились грузить тяжёлые стебли, чуть не убили женщину. Увозили их на силосорезку и измельчали по одному. Урожай был очень высокий, 700 ц/га, лучший в районе. Вот что могут маленькие дети: не только вырастить, но и убрать. Когда мы попросили председателя оплатить вдвойне тяжёлый детский труд, он категорически отказался. Его дети ещё не работали, и душа была чёрствая. Написал я в Верховный Совет просьбу разрешить двойную оплату детского труда. Не раз вопрос об оплате директор школы ставил на правлении колхоза, но все было бесполезно. В декабре на итоговом собрании колхозников было решено с подачи Рогового П.Ф. оплатить труд детей вдвойне. Ведь у каждого колхозника работали его дети. Мы с Павлом Фёдоровичем единственный раз в жизни слюкавили ради детей: ещё в обед в этот же день мы получили письмо из Москвы с отказом в двойной оплате. Письмо решили пока не оглашать, а стоять на своём. Учителя-то ничего не получали за свою работу в поле, это же все для детей, святая ложь. Сумма двойной оплаты каждому была приличной. Многие дети купили суконные костюмы и шерстяные платья школьной формы впервые! Как они были счастливы, а вместе с ними и мы!

Прав был Дедюхин С.Ф. и в том, что главная идейная движущая сила партии на селе в народном образовании и культуре – учителя, подвижники-просветители. Основным

костяком сельской художественной самодеятельности всегда был коллектив школы. Артисты отдавали все свои умения и знания, чтобы реально воплотиться в образ. И достигали многого. Зимой 1956 года мы ставили небольшую пьесу о гражданской войне. Я играл раненого комиссара-морьяка. Зашёл в комнату командира послушать допрос шпионки. Внезапно она выхватила из кармана браунинг и выстрелила в меня в упор. Я упал замертво. Видимо, было сыграно так естественно, что зал охнул. Раздался пронзительный детский крик: «Папу убили! Папу убили!» Сердце моё больно резануло, но пролежал ещё минуту до закрытия занавеса. Потом побежал в зал, схватил из бабушкиных рук маленькую Галю и с трудом ее успокоил. Я объяснил ей, что папа живой, меня убили понарошку. Особенно успешной стала самодеятельность с приездом в 1964 году семьи Кокарева М.М., большого любителя самодеятельности. Он всегда выступал сам и играл на баяне. Коллектив поставил крупные пьесы: «Здравствуй, Яков!», «Окно в жизнь», одноактные пьесы «Медведь», «Предложение», «Барышня-крестьянка», «Свадьба», «Сценку на пароходе» и другие. Особенным успехом пользовалось «Божье наказание», где высмеивалась вера в суеверия и гадания. Её мы ставили во многих сёлах района, а в ДК райцентра даже два раза. Обычно читалась лекция по теме, потом пьеса, хор и другие номера. Однажды на отдалённой маленькой ферме совхоза, забытой богом и людьми, после планового концерта по просьбе зрителей, усевшись на край сцены вместе с ними, долго пели украинские и русские песни. Как они сказали, прощаясь, для них это был самый счастливый день. Бессменным суфлёром и костюмером многие годы была Зыкова А.Я.

Поездки никогда не были «сладкими», особенно зимой в грузовом такси. Дома бросаешь все: детей, хозяйство, недоделанную работу, зачастую недовольных мужей. Возвращались за полночь, но чувствовали душевное удовлетворение: сделали доброе дело. Утром, не совсем выспавшиеся, шли на работу. И странное дело, чувствовали себя более бодрыми, окрылёнными, живо обсуждали поездку.

Коллектив не раз занимал первые и призовые места в районном смотре художественной самодеятельности, без победы мы никогда не возвращались. В 1990 году коллектив вышел на присвоение ему звания «Народный театр».

Новополтавка начала строиться в 1893 году переселенцами из Украины. Любили они вишнёвые и яблоневые сады. Саженцы везли с собой в бочках с землёй, находясь в пути целых, пять месяцев. Многие в суровом климате погибли, но садоводы-любители Березин, Мартын, Лобода, Рябец выносили несколько саженцев Белого налива и Коробовки, крыжовника-авенариус и вишни. Позднее купили и развели неприхотливую ранетку пурпурную (Марккарпа). Весной 1984 года я был очарован цветущими садами, а осенью с удовольствием лакомился кислыми яблочками и ягодами дички.

После службы во флоте я вернулся в Новополтавку и завёл семью. Появилось страстное желание расширить и улучшить сад. Стал выписывать новые сорта яблонь и кустарников, делать различные прививки. На некоторых пнях старых яблонь прививал 4-5 сортов. Долго искал и нашёл сорт крыжовника, который ничем не болел, стал раздавать его отводки всем желающим. Появилась беда: стали лазить в сад по ночам и воровать. Задался целью отучить их от воровства садового, а для этого нужно, чтобы у каждого был такой же сад. И представьте себе, многих удалось привлечь этой чудесной мечтой. Учил ребят правильно садить деревца и кусты, прививать разными способами. Контролировал работы биолога с учащимися по прививке и посадке растений. Наконец собрал заявки родителей и ребят на 250 саженцев разных сортов яблонь, полукультурок и ранеток разных сортов. Колхоз дал машину, и я привёз из Минусинска наше богатство. Прощаясь со своими семиклассниками в 1960 году, посоветовал им посадить или привить яблоню, что они охотно и сделали, прикрепив этикетки со своей фамилией и именем, указали год. На хранение и уход передали их первоклассникам.

Через 8 лет приехала к родным Зина Гармашова, выпускница Хабаровского библиотечного института, пришла в школу и попросила меня показать её дерево. Её Тунгус (полукультурка) сгибался под тяжестью плодов. Я ей сказал: «Рви, сколько хочешь, они

твой». Она смутилась, порозовела от смущения, а глаза наполнились слезами. Я помог нарвать ей вкусных яблок побольше. Мы оба были очень довольны.

У нас в школе для детей было важное условие: ешьте, сколько хотите плодов спелых, но не ломайте плодушек и веток, не лазьте по деревьям – они ведь живые и им больно.

Удачно я защитил свой домашний сад от соседских ребятишек и их набегов. В саду росли 95 стволов и прививок 18 сортов. С тех веток, которые наклонились во двор к соседям, я разрешил им собирать плоды в любое время. Соседи были удивлены моей щедростью, и дети больше не лазили. А урожай начинали собирать только тогда, когда я начинал собирать свой. Примерно так же обстояло и с цветником. За десятки лет было выписано отовсюду множество сортов диковинных цветов: 17 сортов лилий, 6 сортов ирисов, 5 сортов лилейника, 128 сортов гладиолусов, 36 сортов георгинов, 18 сортов тюльпанов, 8 сортов пионов, 3 сорта роз и жасмин, сортам красивых однолетников и счёт потеряли. Все лучшее шло в школу и палисадники ребятишек. И так много всего стало у каждого, что прекратили лазить по чужим садам и палисадникам. И вдруг большое огорчение: прибежали ребятишки и сказали, что в школьной георгиновой аллее кто-то рвал цветы. Это был 1981 год. На уборку из Красноярска приехали инженеры телефонной связи. Жили они близко от школы, в старом здании детского комбината. Я зашёл к ним и представился: «Я директор школы Зыков В.И., депутат сельсовета, председатель комиссии по благоустройству села. А цветы-то на вашем столе украдены в школе». Они смутились. Я предложил кавалеров с цветами гнать, а если надо цветов, то пусть придут, и я нарежу. У одной, а потом у другой озорно, нахально блеснули глаза: «А у нас завтра день рождения!»

Я предложил им прийти завтра к 2-часам в школу. Без 5-ти два они были уже в учительской, и мы пошли на пришкольный участок. Я накормил их вкусными ранетками Ермолаева, потом повёл дальше в наше чудо – георгиновую аллею. Они опешили и растерялись, и было от чего. С двух сторон дорожку обрамляла сотня георгиновых кустов, а между ними красовались летние кипарисы.

Ох, и красиво было тогда! Я стал им резать цветы Шахеризады, Спартака, Индиры Ганди, Колхиды, Сердца Данко, Кремлёвской Звезды и других красавцев. Мои девы присмирели, получив охапки цветов, пошептались, и одна спросила, сколько нужно заплатить за такую роскошь. Я засмеялся и предложил ещё приходить, когда эти повянут, но не воровать. Приходили они ещё раза два, но уже скромные, доброжелательные и говорили, что такой красоты, доброго отношения они не встречали ни в одном селе, где побывали.

Увлекались мы комнатными цветами. Любовь к саду и цветам – это какое-то счастливое безумие, отнимает все свободное время, но приносит много радости и удовлетворения. Было у нас более 30 сортов глоксиний, выводили многие от собственных семян. А какое чудо было, когда в 40 градусный мороз на окнах цвели около 10 сортов цикламенов, которых раньше в районе не было! И разошлись они по всему селу и району. Научили искусственно опылять и получать гибридные семена. Каждый школьник вырастил у себя эти чудо-цветы. Увлекались бегониями, узумбарских фиалок было 13 сортов. Однажды за редким сортом по оказии приезжала преподаватель из Красноярского ИУУ. Страсть цветоводов-любителей не знает преград. 20 лет назад в феврале за пазухой из Красноярской школы я привёз красивейший амариллис, а жена однажды из Ялты привезла кливию и редкий сорт бегонии. От амариллиса и гиппеаструма

*Уход за клубнями георгинов. 1983 г.
(Онипко Г., Комарова Н., Плескач И.)*

при искусственном опылении впервые получили семена, и теперь растёт много прекрасных крупноцветковых, 18 см в диаметре, гибридов.

При поездке в Киев в конце 60-х годов случилось до Москвы четверо с половиной суток ехать в одном купе плацкарта с маленьким старичком, передвигался он с двумя тросточками. Это оказался «сибирский Мичурин» Почётный академик ВАСХНИЛ Ермолаев Павел Сергеевич, садовод-практик. Везла его рослая красивая внучка на заседание академии. Наговорились за эти дни всласть. Я за эти дни узнал от него много секретов, о которых не слышал раньше. Расстались мы друзьями. Он пригласил меня к себе в Кутужеково Минусинского района приехать за саженцами. У меня уже росли его ранетка Ермолаева и полукультурка Кулумыс, вкусные зимостойкие сорта. Приехал я к нему через 2 года и привёз в подарок лучшие сорта картофеля и крыжовника. Вот такие случайные встречи приносят много радости и счастья.

Однажды школе в 1965 году ранней весной поручили изготовить тысячи торфо-перегнойных горшочков. Дело было новое, незнакомое, а поручил его райком партии. В горшочках должны были вырастить рассаду капусты, вырастить кочаны и отправить на Север. Работали группами посменно вечерами в животноводческом помещении. Научились готовить смесь, умело заполнять формочки. Развернулось соревнование между группами и сменами. Результаты вывешивались в школе, ребят охватил здоровый рабочий азарт. Приходило умение с каждым днём, и ребята делали вместе с учителями кубиков все больше и больше. Такая работа сплавляет, помогает преодолеть брезгливость. С работой справились за неделю и были награждены Почётной грамотой райкома партии.

В учебной работе с каждым годом достигались все новые и новые успехи. Залечились раны войны. Улучшилось снабжение школ. Появилась новая мебель, стало больше наглядных пособий, литературы, появились ТСО. Школа много выписывала методической и художественной литературы. В пополнившейся библиотеке много лет бесплатно работали Аржанова Н.Я., а потом Тленкопачева Г.И., это была общественная нагрузка. Выписывались все предметные журналы, газеты. Два номера «Пионерской правды» и два номера «Комсомольской правды» вывешивались в витринах в коридоре для общего чтения. Много радости детям приносило чтение журналов «Пионер», «Костер», «Мурзилка», «Вокруг света», «Юный техник», «Юный натуралист», «Весёлые картинки», «Барвинок», «Огонёк», «Смена», «Техника молодёжи», «Наука и религия», «Знание – сила». Государство не жалело денег на умственное развитие детей и учителей. В такой обстановке было легче и интересней работать. Учителя успешнее применяли передовые методы обучения, и государство щедро награждало своих передовиков грамотами Почёта. Все силы отдавала учебному процессу учительница Христюлова Анастасия Викторовна, которая была к 50-летию Советской власти награждена значком «Отличник народного просвещения». До этого в районе был только один отличник – Антипов Иван Васильевич. Директор Роговой П.Ф. поручил мне, завучу, написать представление к награждению. Я не сразу сообразил, как это сделать, листал журналы «Начальная школа». В конце каждого были рассказы об опыте передовых учителей. Осенило: это же готовые характеристики для награждения значком! Написал удачно. Свезили в КрайОНО, и привезли с маленькой вставкой «что», сделанной карандашом сверху строчки. Внимательно перечитал – все было составлено правильно. У меня ведь был 20-летний стаж преподавания русского языка и литературы. Возмутился в душе, попросил у зав. кабинетом РОНО Уфимцевой Ирины Севастьяновы резинку и стер. Она даже испугалась, а я сказал ей, чтоб везла и сказала, что все переделано. Шутка сказать, мне надо было переписывать три больших страницы, а лишнего времени не было. Через полмесяца мы встретились, и она смеялась, что все прошло хорошо. Так мой пробный шар прошёл удачно и стал эталоном для РОНО. С моей лёгкой руки пошли награждения и в других школах. Неожиданно на профсоюзной конференции осенью 1969 года мне и Анастасии Яковлевне вручили значки «Отличник народного просвещения». Инспектор тихонько спросил у жены: «Вы случайно не муж и жена?» Получив утвердительный ответ, он сказал: «Такое, да ещё в один день, бывает очень редко».

Очень трудно было наградить за его большущий всесторонний труд Кокорева М.М. Два раза характеристика возвращалась с пометкой КрайОНО «не имеет высшего образования». Это возмущало и раздражало, какое-то прокрустово ложе: если ты длиннее его – отрубят ноги, если короче – разорвут, растягивая. И зав. РОНО однажды озорно сказал: «Давай поступим его в институт». Я не понял. Он снова повторил, озорно засмеявшись. Дошло. И мы написали: поступил в Абаканский пединститут. И что вы думаете? Осенью пришёл значок. Вот так министерские запреты мешали дальнейшему продвижению талантливых учителей. Только став директором школы, я до конца понял, что именно от руководителя школы зависит поощрение его младших товарищей, от того, как он знал и ценил свой коллектив. Вовремя наградить – это прибавить учителю сил для дальнейшего взлёта.

В 1979 году пришёл значок «Отличник народного просвещения РСФСР» завучу и учителю русского языка и литературы, библиотекарю и старшей по опекунству детей Тленкопачевой Галине Ивановне, дочери Христоробовой А.В., а меня в середине 70-х годов наградили значком рангом выше – «Отличник просвещения СССР».

Особенно трудным для меня выдался 1983 год. В конце августа из Красноярска приехала зам. зав. отдела науки и школы крайкома КПСС Кирьянова и с ней – зав. Ермаковским РОНО Козлов Н.А. посмотреть наш пришкольный участок. Она осталась очень довольна его видом и моим рассказом. Сказала, что не зря слава о новополтавцах идёт по всему краю. А через день позвонил из райкома партии инструктор Сугаченко и попросил заснять на видеокамеру пришкольный участок цветной плёнкой. Тогда это было ещё большой редкостью. Приехал, заснял всю нашу красоту, а я давал пояснения (биолог Н.К. Гармашов болел). Устал я, и вдруг в 7 часов вечера звонок телефона: «Валерий Иванович, спасайте, а то меня уберут с работы: я испортил пленку по недосмотру. Позвольте ещё раз заснять». Я согласился скрепя сердце. Был уже вечер, но получилось хорошо. Этот фильм был показан по телевизору для всех желающих на августовской конференции в большом перерыве.

Неловко было смотреть мне на своё изображение, но все показано и рассказано было правильно, честно. А в сентябре новая забота: пригласили меня в Красноярск на крупное совещание по народному образованию и культуре поделиться опытом работы коллектива по воспитанию в труде и юннатской работе. Было человек 600 высших работников края, зав. РОНО, председателей райкомов профсоюза, методистов, директоров. Собираясь в Красноярск, задумался, что можно сделать полезное, приятное людям. И надумал «угостить» их тюльпанами. Захватил в свой большой портфель, подаренный ещё в 1971 г. Егоровым В.К., целое ведро средних луковиц и детки из дому и немного из школы. Выступал я сразу после зав. КрайОНО 40 минут, рассказал о наших ежедневных делах. Потом достал из портфеля мешочек и поставил на стол. Зал и президиум насторожился. Выступал я с трибуны без бумажек, и меня всегда слушали внимательно. А тут я сказал, развязывая мешочек: «Вот я привёз вам всем в подарок луковицы тюльпанов. Срок их вегетации 40 дней, полтора месяца. Их надо сразу по приезде домой садить на глубину 10 см и не трогать 2-3 года. Растить они могут даже в Арктике, так мне думается. Примите наш подарок от коллектива учителей и ребят Новополтавской школы. Получилось у нас – получится и у вас. Пусть растут, цветут и радуют глаз тюльпаны от Норильска до Кызыла». Меня оглушили аплодисментами. Перерыв. Выходим со сцены я, зав. КрайОНО и зав. кадрами Фролова К.И. Он и спросил меня:

– Валерий Иванович, вы давно «заслуженный»?

– Я «незаслуженный». Да и что мне это даст? Ведь здоровья не прибавит. Я и так, и так уже дважды отличник, куда больше.

Он что-то такое резкое сказал Фроловой, что та изменилась в лице. Я уже к этому времени, мне было 55, стал сильно уставать, ведь ни разу не отдыхал в санатории или доме отдыха. Всегда считал, что лучший отдых – перемена вида труда.

В декабре этого года в Красноярске проходил слёт лучших учителей края и чествование учительских династий. Из Ермаковского района послали только из нашей

школы. Оказалось, что в школе работает две династии учителей. Я никогда раньше не задумывался над тем, что Зыковы образовали династию: Зыков В.И., Зыкова А.Я., Зыкова Г.В., Зыкова Е.В. (а на сегодня в ней уже 7 человек). А в другой были Кокорев М.М., Христюлова А.В., Тленкопачева Г.И. и её сын Тленкопачев И.В. Организовано все было хорошо, послушали много интересных докладов и рефератов. Особенно ценным было выступление энергичного Поташника из Академии педнаук. Он советовал и разрешил не мучить опытных учителей частыми посещениями их уроков, а разрешить им работать на доверии. Для меня это было карт-бланш. Мне было стыдно мучить опытных педагогов своими десятками посещениями в год (по существующему положению директор должен был посетить и разобрать 180-200 уроков, почти столько же – завуч).

По приезде домой я собрал совещание и сообщил, что разрешаю работать на доверии опытным учителям Аржановой Н.Я., Зыковой А.Я., Скрыль А.Ф., Тленкопачевой Г.И., Толстоноженко З.А. – это половина учителей нашей школы. Но доверие ко многому обязывает.

И ещё одну большую пользу принесло нам выступление Поташника. Он сообщил, что ученые АПЫ разрешили учителям пользоваться развёрнутыми планами и конспектами уроков прошлых лет в последующие годы, что-то меня и творчески дорабатывая. Вот это было замечательно! Открывался простор для думающего талантливого учителя. Но контроль и руководство учебным процессом не ослабевали. Районный методкабинет передал всем директорам школ рекомендацию Красноярского ИУУ: директор и завуч должны делать запись анализа посещённого урока в одной тетради. На каждого учителя завели именную толстую тетрадь. Перечитывая записи товарища, руководители видели теперь учителя не двумя, а четырьмя глазами, стало легче помогать ему совершенствовать мастерство. Запись в одной тетради длилась несколько лет, пока не кончится. И вот тут сказала наша порядочность в контроле и руководстве, что приводило к успешной работе в нашей школе. Даже придирчивая к новополтавцам старший инспектор РОНО Дегтярева А.Г. однажды на совете директоров сказала, что только в Новополтавской школе завуч и директор ведут записи посещения уроков в одной тетради. Отсюда и лучший успех в работе.

Через несколько дней после приезда из Красноярска на совещании директоров и завучей в РОНО я рассказал о работе слёта и предложении Поташника разрешить лучшим учителям-статистам работать на доверии, а не мучить их посещениями начальства, которые только мешают вести урок. Потом сказал, что в моей школе половина учителей работает на доверии – такой сильный состав коллектива. У Дины Павловны Синеоковой (Роговой) вырвалось: «А у меня никто из 45 человек не работает на доверии!» (Она только начала работать директором средней школы №2 в райцентре). Все во мне всколыхнулось: «Значит, у вас умный директор и глупые учителя или наоборот». Когда до неё дошло, она покраснела, но ничего не сказала.

Бывали и неприятности. С сентября месяца доводился до директоров план проверки школы инспекторами. В течение недели 4-5 методистов и инспекторов ежедневно приезжали в школу и посещали уроки предметников и учителей начальных классов, а в субботу подводили итоги. Они всегда восхищались, как в школе уютно и тепло, кормят вкусно и дёшево прямо в учительской.

Проверка в 1984 году началась благополучно. Дочь Евдокия вела биологию, химию, географию. И вот со второго урока она пришла в слезах, рыдающая. Я удивился и спросил,

*Толстоноженко Зинаида Алексеевна
с классом*

что с ней. Сквозь всхлипывание она кое-как объяснила, что молодая инспектор Дегтярева А.Г. уже разобрала еле урок и сказала, что учителя из неё никогда не получится. Это так потрясло Евдокию, что она не смогла идти на следующий урок, а ведь она работала уже второй год. Меня страшно возмутило бесстыдство и бестактность инспектора. Я все рассказал об этом безобразии Уфимцевой И.С., зав. методкабинетом, и бригадире, и заявил, что так проверять школу не дам и завтра их не пушу, она все поняла. Учительская этика требует проводить анализ посещённых уроков с учителем после окончания занятий, нужно дать ему отдохнуть и прийти в себя. В следующие дни проверка школы шла плавно, без эксцессов. Видимо, молодая инспектор получила от Уфимцевой большую вздрючку, потому что на итоговом совещании по проверке она очень хвалила знания и умения Евдокии вести урок и добавила, что из нее получился хороший учитель. Меня чуть не стошнило: земля и небо. С тех пор прошло около 20 лет. Недавно биологи района смотрели у Дегтяревой А.Г. открытый урок, они удивились, каким он у учителя-стажиста оказался «сереньким».

В 80-е годы стали часто меняться зав. РОНО. Если раньше Лазарев М.М. ценил работу директоров и дорожил их временем, мы сразу могли пойти к нему на приём, быстро сделать нужное дело и скорее возвращаться в школу работать, то при новом зав. РОНО Козлове Н.А. все пошло по-другому. Однажды я приехал по срочному школьному делу, а секретарь меня не пустила: он занят. Полтора часа я сидел, как на иголках. Вдруг открылась дверь кабинета и оттуда вышла широко улыбающаяся жена заведующего. Меня это страшно возмутило, я пошёл в кабинет без приглашения и возмутился: «С женой надо разговаривать дома, а в кабинете надо решать школьные вопросы».

В другой раз он обрушился на всех директоров с необоснованными требованиями. Пришлось ударить его вопросом: «А вы что, против линии Политбюро ЦК Партии?». Он растерялся, замолк и стал продолжать совещание.

А потом взбрела ему в голову мысль: все школы заставить держать кроликов. Видно, сверху потребовали. Просто красота – по одному кролику на ученика – и вот вам 45 миллионов штук шкурок и тушек диетического мяса. Он знал, что я держу кроликов (один год у меня из было 300 штук) и попросил меня поддержать его. И я «поддержал». Я сказал, что приезжавший в нашу школу доктор биологических наук Трайтак Д.И. не советовал держать в школе цыплят и кроликов, ребята могут заболеть.

Не помогло, заведующий стоял на своём. Тогда я доконал: «Предположим, что Вашего сына Колю директор заставил ухаживать за кроликами. И вдруг он заразится листериями, бактериями, которые проникают в мозг и делают ребёнка сумасшедшим или губят. Что Вы скажете директору за гибель сына? Ведь приказ-то нам отдаёте Вы». Он растерялся, заморгал – дошло наконец – и вопрос о кроликах отпал.

А дальше работать становилось все труднее. Он без причин кричал на работников РОНО, обещал выгонять, женщины плакали, и некоторые падали в обморок. Я не мог этого переносить и жил на валидоле. Я написал письмо в РОНО заведующему и рассказал о всех безобразиях. Защищая других, я защищал честь и достоинство и учителей своей школы. Через несколько дней внезапно в четыре часа дня приехали в школу зав. отделом кадров КрайОНО Фролова К.И. и зам. председателя райисполкома Магеря Пётр Иванович, курировавший вопросы школы. Поговорили о том о сём, а потом стали читать моё письмо. Я понял: приехали спасать Козлова. Ведь я в письме потребовал за допущенные безобразия зав. РОНО Козлова снять с работы без права занимать руководящие должности. Этой фразы все боялись, как огня, велики же в действительности были права гражданина при Советской власти, если за сотни километров быстро приехали исправлять недостатки. Ох, и крутили они меня, всячески уговаривали, «выкручивали руки», добиваясь одного: убрать эту злополучную фразу. И наконец нашли выход и обрадовались: жену из РОНО убрать и от работы мужа не отвлекать. Я устал уже, махнул рукой и согласился: пусть он работает. А мои посетители радостные поехали домой: добились своего.

Своей борьбой за справедливое человеческое отношение к людям я, оказывается, вызывал раздражение у некоторых руководителей. А я об этом и не думал. Незадолго до

смерти П.И. Магеря, дороживший дружбой со мной, рассказал: «Однажды ко мне пришёл рассерженный зав. РОНО Циганков А.В. и говорит:

- С этим Зыковым невозможно работать, надо что-то делать.
- Он что плохо работает?
- Да нет, всё ладится.
- Ребята плохо учатся?
- Нет, его школа одна из лучших в районе.
- С коллективом, что не ладно?
- Да нет, у него самый лучший, дружный коллектив учителей.
- Так чего тебе нужно от него?
- Да вот он меня поправляет иногда, требует какой-то справедливости.
- Оставь его в покое, он такой. В ноябре 1952 года он с флота пришёл работать ко мне в вечернюю школу. Я дал ему самый разболтанный 7-й класс, с которым никто не мог справиться. Он быстро навёл порядок, и все благополучно закончили 7-й класс».

Вот, оказывается, что творилось за моей спиной. Я никогда не цеплялся за должность директора и не боялся её потерять. Это придавало мне силу, и с этим считались. Я – учитель.

Нелегко было обустроить в селе быт учителей и школы, особенно с топливом и покосами. Сначала о дровах. Обеспечивать учителей и школу топливом обязаны были сельские Советы. Они обязывали 4 колхоза заготовить берёзовые дрова и вывезти учителям и в школу. Готовили 270 м³. Но как? Дрова ездил принимать директор школы Роговой П.Ф. вместе с председателем с/совета Козыным И.Г. Поленницы были сложены так хитро, с такими большими дырами, что в одну из пролетела шапка, брошенная Роговым. Он развалил всю поленицу и сложил снова. Из трёх кубометров получилось только два. Вот так предупредили мошенничество и дрова доготовили. После объединения колхозов в 1950 году стало ещё хуже: готовить дрова колхоз отказался. с/совет давал только деньги на заготовку дров, а вся забота о топливе легла тяжёлым бременем на директора школы. Как тут быть? В конце апреля на линейке Павел Федорович объявлял, что 1 и 2 мая будет проводиться в лесу для старших классов культурный отдых. Классные руководители организуют свои классы. Будем готовить дрова в Цеповязовом логу. Каждый должен заготовить по 1 кубометру. С собой иметь ручные пилы, топоры и еду. Сбор у школы к 8 часам. Инвентарь и еду с бочонком воды увезли на двух телегах, а сами все шли пешком 4 км. Готовили группами по 3 человека. Сами валили, обрубали, пилили, кололи, складывали в поленицы. Учителя зорко следили за техникой безопасности и помогали слабым. Заплатили по 1 рублю за кубометр. Старшие сильные ребята заготовили по 2 м³. Потом ходили ещё по воскресеньям. Подсыхала дорога, и школьный рабочий вывозил на лошадях дрова в школу и учителям.

Учителю-одиночке полагалось 12 м³ дров, бесплатная квартира и оплата 60-ти вольтовой лампочки. Даже в самые трудные годы государство заботилось об учителях. Эти нормы сохранились и теперь. На каждого члена семьи полагается 12 м². И на каждый метр жилой площади – 0,45 м³ дров.

Позднее на родительском собрании решили, что каждый родитель должен на каждого своего ученика заготовить по 2 м³ дров. Учеников брать только с родителями и по желанию. Ещё по снегу в апреле совхоз выделял трактора с санями, и по воскресеньям все двигались в лесосеку. Появились бензопилы, и дело пошло веселее. Оплату проводили прямо в лесосеке и уже по 3 рубля за м³. Заработок был хороший, и появлялись желающие подработать. Иногда приходилось платить свои личные деньги, а потом сдавать ведомости в бухгалтерию и получать казённые. У мужиков был простой закон: деньги на пенёк! Многому учились дети у взрослых в лесу. Научил и я двух своих сыновей работать бензопилой, и это крепко пригодилось в дальнейшем. Старший Николай рассказывал: «Я служил в строительных войсках в Средней Азии. Строили мы на берегу озера Иссык-Куль дворцы санатория для командующего Среднеазиатским военным округом. Был я тогда старшим сержантом. Послали на точку, дали взвод азербайджанцев и армян, которые прежнего

командира не слушали. Встретили настороженно, нагло. Все сидели, а двое пилили доску двуручной пилой. Дело почти не двигалось. Я посмотрел и ужаснулся: пила была без развода и после штамповки ни разу не точенная. А солдаты нагло ухмылялись. Я растерянно оглянулся и вдруг увидел: у избышки-каптёрки стоит бензопила. Удивлённо спросил, почему они ею не пилят. А они ершисто ответили: «А ты что, можешь, да?» Сказал, что попробую, и пошёл к пиле. Пила была новейшая, на ней лежали две цепи в масле, рядом стоял бачок с горючим и пускач. Все приготовил, дёрнул пускач, и пила завелась. Народ вскочил от неожиданности. Взял пилу и спросил, где пилить. Они быстро стали показывать: «Тут! Тут! Вот тут!» Их восхищала и поражала быстрота пиления дерева. Некоторые даже стали плясать. Заглушил пилу. За 20 минут сделали больше, чем за день. Они раньше никогда не видели работу бензопильщика: все были из города. На перебой стали угощать дорогими сигаретами и сильно зауважали меня. Они беспрекословно выполняли все требования, готовы были за мной пойти и в огонь, и в воду. Оказались они хорошими добрыми ребятами».

Вот что значит знать и уметь, вот плоды воспитания в труде. В школе было 11 печей-контрамарок. Уборщица за скромную зарплату в 29 рублей (а это в два раза больше сегодняшней!) должна была в своё суточное дежурство к каждой печи принести по два оберемка дров. Утром в 3 часа все печи затопляла и к 7-ми утра заканчивала топку. В 50-ти градусные морозы топили ещё и вечером. Возили они и воду с Кебежа на коне зимой и летом для питья и мытья полов, чистили туалеты наружные. За воду и туалеты платили дополнительно по 5 рублей каждой. А работало их по договору всего трое. Учитель начальных классов получал тогда 56 рублей. Богатело государство, прибавляли зарплату учителям и уборщицам. В 70-е годы с северными уже получали по 84 рубля.

В 1967 году, сделав водяное отопление от своей кочегарки, школу стали отапливать углём. Дров готовить – 200 м³: у учителей появились большие квартиры. В селе сложилась хорошая обстановка с учительским жильём: половина учителей жила в своих домах, две семьи в школьных, а остальные в однокомнатных и многокомнатных квартирах. Дрова иногда приходилось развозить по квартирам, грузить и разгружать часто приходилось самому с семьёй и учителями – машина не ждала. Странно, но молодые учительницы после пединститута многие забывали, как правильно протопить плиту и вовремя закрыть трубу. Жаловались на холод, тогда мне или предместкома приходилось идти и учить. На 1987-1988 учебный год, последний год моей работы, я не смог вовремя заготовить все дрова, никто уже не хотел готовить, и дрова плохо высохли. В разгар зимы Зинаида Алексеевна и Галина Ивановна взяли меня за горло: девочкам холодно. Что было делать? Запряг коня, девчата оделись потеплее и за несколько часов перевезли на две квартиры 6 м³ своих сухих дров. Все пришло в норму. Коллектив был очень дружный во всех отношениях.

Если кто-то предлагал хорошую идею, то все подхватывали. Мне хорошо работалось, потому что любые мои предложения всегда поддерживали местком и учителя. В трудную минуту всегда приходили товарищу на помощь, не требуя и не ожидая возмещения. Александра Фёдоровна не смогла больше года проработать в деткомбинате после школы. Там была другая система отношений: я тебя заменил – отработай или заплати деньги.

В начале 70-х годов в школу 14 августа приехала устраиваться на работу молодой биолог по нашей заявке Сухорослова Людмила Григорьевна. Это была стройная, располагающая к себе девушка. Пошли по участку, она как-то приветливо относилась к растениям, много знала о каждом. Я ей сказал, что у нас работать нелегко, требования высоки. Она весело засмеялась: «А я не боюсь работать с растениями, мои родители агрономы: отец заведующий Каратузским сортоучастком, а мама – агроном». Я согласился взять её на работу. На второй день приехала ещё одна биолог с настоящей рекомендацией РОНО принять её на работу. Пошли мы с ней по участку, и я увидел холодные равнодушные глаза. Такой биолог школе был не нужен, да и не мог я нарушить своё слово, данное Людмиле Григорьевне. Уехала эта девушка ни с чем. Утром меня вызвали

в РОНО и потребовали принять её, но я отстоял свой выбор: школе нужен биолог, любящий природу, а не урокодатель.

Совхоз выделил Сухорословой прекрасную однокомнатную квартиру, с окнами на юг. Уже осенью она развернула большую работу с юннатами. Уроки у неё были хорошие, интересные. В школу пришло что-то светлое, свежее. На столе теперь в учительской всегда стоял свежий букет. Её полюбили учителя и ученики. Ранней весной вдруг случилась беда: тяжело заболела её мать. Положили в больницу. Диагноз был поставлен ошибочный, и довели её почти до смерти. Людмила Григорьевна ухаживала за матерью, доставала лекарства. За месяц она смогла проработать только 4 дня. Я начислял зарплату и подумал: «Что она получит и на что будет жить?» Больше всего уроков за неё провёл я. А поменьше – Галина Ивановна и Александра Фёдоровна. Посоветовались втроём и решили замену не ставить. Привёз я зарплату, а она отказалась получать: «Я не работала». Стал уговаривать: «А если бы у нас случилась беда, Вы бы тоже сделали бы, как мы». Девушка плакала навзрыд, но деньги я все же ей вручил. Вскоре она вышла замуж и уехала в Саяногорск с инженером-физиком. Через несколько лет приехала в гости к Зинаиде Алексеевне, пришла к нам и рассказала историю: «Как-то на курорте сумерничали женщины и рассказывали истории из жизни. Рассказала и я мою необычную историю. Результат был необычный: раздался взрыв хохота. Бабенки издевались надо мной: «Не пудри нам мозги! Не вешай лапшу на уши! Таких дураков нет, чтоб за кого-то работать». Я поразила их цинизму, убеждала, плакала, а они хохотали. Да, такого доброго чуткого коллектива, как в нашей школе, я больше нигде и никогда не встречала».

В семидесятые годы стали больше заботиться о молодых учителях. До меня дошло, осенило, поговорил с учителями, на общешкольном родительском собрании поставил вопрос: молодому учителю в первый год работы осенью с пришкольного участка бесплатно давать 100 кг картофеля, ведро моркови, ведро свёклы, 5 кг лука и десять кочанов капусты. Собрание меня поддержало. Зато в РайФО забеспокоились, что де разбазариваю овощи, но я выстоял, отбил. Слух о нашем новшестве пошёл по району и краю. А вообще я советовал молодым питаться в совхозной столовой: вкусно, дёшево, экономится время. Еда из трёх блюд стоила 56 копеек, на сегодняшние деньги около 17 рублей.

Когда приезжали на работу молодые учителя, первые дни обычно жили у меня на квартире. Вместе питались, знакомились с образом жизни сельского учителя и школой. В это время уборщицы белили и готовили им квартиру по их вкусу. В крае о нас ходили легенды.

В 1987 году в КрайОНО звали меня в инспекторскую. Были там три женщины и старый инспектор. Одна и спроси: «Вот Цивилева хвалит, вы хорошо встречаете молодых специалистов. Как это?» Я решил с озорничать и рассказал: «Приезжает молодой специалист, и я веду его к себе на квартиру. Все проходили через директорскую спальню». Посматриваю на спрашивающую, а она покраснела, и глаза стали нехорошими. А я продолжал: «Жена меняла постельное белье в спальне, и мы переходили жить в другую комнату. В спальне у меня хорошая библиотека и настольная лампа. Живи, читай и радуйся. Там же и радио». Моя собеседница смущённо заулыбалась: «А я-то думала...». Я ей ответил, улыбаясь: «Каждый думает о другом в меру собственной испорченности». Раздался дружный хохот. Хохотали до слез, а потом одна сказала: «Вот купил, так купил!»

В устройство быта учителя входит не только хорошая квартира. Каждой учительской семье давали 25 соток огорода. Сначала их пахали на конях, а потом стали обрабатывать тракторами. Разрешалось держать одну корову, подростка, телёнка, свинью, несколько овец и три улья пчёл. Учителя сельхозналог не платили. Очень трудно было заготовливать сено. Косить разрешал председатель после того, когда заготовят сено для колхоза, а был конец августа-начало сентября. Трава была старая, нужно уже было идти работать в школу. Накануне «счастливого» дня отбивали литовки, готовили провиант. И утром с трёх часов село пробуждалось, и кто пешком, кто на лошадях устремлялись искать участок с некошеной травой. Больно и стыдно было смотреть, слышать ругань пожилых и молодых, когда перекашивали участок друг другу. Не выдержал я и написал об этом безобразии в Верховный

Совет РСФСР. Ответ пришёл нескоро и неутешительный: «Участки для покосов учителям разрешается отводить на государственных землях, а на колхозных землях – по усмотрению председателя колхоза». Понёс я эту бумагу нашему председателю в июле 1954 года. Магда внимательно прочитал и удовлетворённо улыбнулся: «Так тут же написано, что на моё усмотрение, а я не разрешаю. Учителя только литовкой звякнут – и все колхозники бросят работу и побегут косить». Так я и остался ни с чем. А на августовской конференции подбегают ко мне несколько учителей, жмут руки, обнимают, а я ничего не понимаю. А они радуются: «Валерий, нам в июле дали постоянные покосы на государственных землях». Я порадовался за друзей, что хоть не зря писал. А в нашем селе – выделили и закрепили только в 1962 году. Мне, как главному заботнику о покосах, выделили в Тепляках, в 10 км от села. Дальше почти уже ни у кого не было. Лога заросли лесом и пришлось долго осветлять, вырубая березняк на дрова. В один год затратили на расчистку 20 человеко-дней. Поту пролили немало. Детей своих учили косить после 5-го класса. Со временем на покос выходило 8 косарей: родители, мы с женой и четверо детей. Стало полегче. В 80-е годы уже косили косилкой. Но всегда только в августе. Это сильно угнетало. В июле 1982 года я снова просил у Магды разрешения (по телефону) начать косить и снова получил отказ. Сердитый вышел из с/совета и наткнулся на подъехавшего председателя райисполкома Тепляшина. Он спросил, чем я обеспокоен. Были мы с ним в хороших дружеских отношениях. Я ему все и рассказал о беде с покосами. На свою беду подошёл к начальству Магда. Тепляшин ему приказал: «Раз у вас покосы закреплены, разрешите людям косить в любое время с сегодняшнего дня, лишь бы не страдала работа». Я от души поблагодарил его и помчался на покос. Хоть долго мучались, но победили. Я и руководителю Магде сочувствую, что трудно было держать дисциплину среди рабочих, он слабо понимал их нужды. Сам он сено не косил, а получал на проценты от зарплаты.

У нас в школе был с 70-х годов хороший орловский рысак-полукровка, быстрый сильный послушный. По субботам его запрягали в водовозку, и любой работник школы мог привезти себе воды в баню с речки. Летом на покос брали коня все по очереди, заявив об этом заранее. Пользовались конём бесплатно, но я платил за себя по 1 рублю за коно-день, и бережно хранил талоны об уплате: РайФО и бухгалтерия с/совета строго спрашивали. Конь был беда и выручка. На покосе сильно уставали, работали допоздна. Однажды возвращались с покоса в первом часу ночи. Подъезжаем к селу и слышим песни девчат и парней. Семилетний сынишка Миша говорит из-под фуфайки: «Папа, как им охота бродить? Я бы сейчас спал и спал».

Все учительские семьи жили скромно, экономно. К 1985 году у всех, кроме одного, были машины. Были у всех телевизоры, стиральные машины, хорошая мебель. Иногда приходилось вставать на очередь, но со временем можно было купить. В магазинах достаточно было продуктов, даже бывали ананасы и виноград. Лгут сегодняшние журналисты, что жили плохо, был «застой». Хотел бы я такого застоя сейчас, когда труженики села обнищали.

Я за жизнь сменил две машины: одну купил по очереди, а вторую дали (за мои деньги) за лучшую подготовку школы к новому учебному 1984 году. Два года подряд мы занимали первые места, а на третий год – второе место. Получили два талона на машину и один – на мотоцикл с коляской, но его уже никто не взял: весь коллектив был обеспечен машинами. Жить было хорошо, только трудись – не ленись.

Главное, мы твёрдо знали, в какой день и сколько получим. Если случалась задержка хотя бы на один день, то было ЧП по всему району. Каждый заранее мог планировать, куда он потратит свой заработок. Цены были по отношению к зарплате низкие: хлеб стоил 20 копеек булка, сахар 95 копеек. Молодой учитель получал с надбавками (северные, за классное руководство, за проверку тетрадей, за кружковую работу) не менее 120 рублей.

Деньги на текущий ремонт школы я тратил бережно. Классы обычно белили родители, а коридор – уборщицы в своё дежурство в счёт зарплаты. Две-три бутылки черного лака хватало, чтобы подновить потёртые металлические ножки сидений и столов. В

конце учебного года вся мебель в классах мылась и чистилась, а потом покрывалась лаком. Полы стали покрывать паркетным лаком. И все в школе сияло, как новое.

Иногда мне приходилось быть психологом. У нас всегда существовал святой закон учителя: перед порогом школы оставь все свои обиды, домашние неурядицы, раздражения. Дети должны видеть только доброго справедливого учителя. Работали много и сильно уставали. Иногда начинало накапливаться раздражение на учеников из-за пустяков.

Однажды всегда выдержанная Александра Фёдоровна пришла после урока немецкого языка в сильном раздражении. Она с шумом швырнула тетрадь на стол и возмущено заговорила: «Троечник несчастный, вздумал меня обмануть, получить четвёрку! Думал, что я не узнаю, как девочка выполнила за него работу». Нас в учительской было только двое. Когда-то она рассказывала о своей юности, и я начал, поглядывая на неё: «А я знаю одну девчонку из Минусинского педучилища. Такая дрянь, озорная шкодливая всё обманывала учителя рисования. Рисовала неважно, и за неё делал хорошие рисунки на четвёрки её товарищ». Вижу, она стала улыбаться, глаза заблестели, а я продолжал: «Когда учитель старый проходил дальше от её парты, эта озорница вставала, кралась за ним и гримасничала». «Так это же была я!» – сквозь смех воскликнула Александра Фёдоровна и стала рассказывать о других проделках. Раздражение на ученика прошло, и она успокоенная пошла на следующий урок. Пар был спущен.

В коллективе обычно 10 женщин-учителей. Иногда у них раздражение накапливалось беспричинно и доходило до критической точки. Надо было спускать пар. Обычно на большой перемене я начинал их дразнить: «Опять как осы гудите, а надо бы пчёлками быть. Они же правду говорят, что бог создал всего три зла: бабу, черта и козла. Берегитесь козла спереди, лошадь сзади, а женщину с четырёх сторон». Ах как они загудели, стали жалить: «А вы, мужики, что умеете делать, как живете? Утром поели – ушли на работу. Вечером пришли, поужинали – и на диван. А то ещё и пьяный домой придёт (это говорили жены рабочих)». А я радовался: разряжаются, лишний пар выходит. Покипят ещё минуты 2-3, обвиняя нас во всех грехах и лодырничестве, а потом я им и говорю: «Да вы же наши добрые милые берегини, хранительницы семейного очага. Вы же детей наших любите и нянчите и о нас заботитесь. Мы любим вас, ценим. Куда мы без вас». И происходит волшебство. Начинают улыбаться, посмеиваться, шутить. Настроение улучшилось, произошла разрядка, можно снова работать. Надо помнить, что женщины любят ушами.

Много пользы приносили политзанятия с учителями. В середине 70-х годов в райкоме партии решили директоров школ направить пропагандистами в рабочие коллективы, а в учительских коллективах могут проводить и пропагандисты-учителя. На районном совещании пропагандистов я воспротивился этому и доказал, что влияние директора на учительский коллектив уменьшится. Меня поддержала Леднева Зоя Павловна, зав. отделом пропаганды и агитации райкома партии, сама бывший учитель и завуч. Каждый понедельник директор школы два часа на политзанятиях мог непринуждённо общаться с товарищами, советоваться. В течение 15-30 минут по очереди проводилась политинформация. Все были в курсе событий села, района, края, страны, и мира. Иногда по теме читались рефераты слушателями. Мы постоянно жили жизнью страны. Сегодня, стараясь разобщить людей, всё это уничтожили. А жаль! Линия партии по улучшению благосостояния народа была правильной.

Много лет я вёл «Основы государства и права». Это давало богатые возможности – 35 часов в год воспитания высокой коммунистической нравственности у детей. Меня удивляет, почему христианская церковь ненавидит коммунистическую мораль и нравственность, а ведь смысл-то один. Только мы верим в человека, а церковь в бога.

Наконец-то нынче наш патриарх Алексей второй перед 7 ноября сказал, что пионерская организация и комсомол много сделали в Советской стране для воспитания высокой нравственности молодёжи.

Ельцин разрушил партию, пионерию и комсомол. Взамен получили мы разруху, бандитизм, наркоманию и разврат, детскую безнадзорность. Преклоняюсь перед мужеством

и верностью долгу Аллы Аноприенко, директора школы №100 г. Красноярска. Наперекор всему она сохранила в школе пионерскую дружину имени Маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова. Спасибо Красноярску, что сохранил название «Дворец пионеров и школьников». Спасибо Красноярскому радио, корреспонденту Светлане Паниной, что поддерживают наши советские традиции.

Много давали для нравственного воспитания и развития детей еженедельные политинформации в каждом классе по понедельникам. Дети узнавали о жизни нашей страны, о трудовых и боевых подвигах текущих и прошлых лет, учились любить все народы нашей страны. Ещё Сулейман Стальский писал на заре Советской власти об устранении межплеменных усобиц на Кавказе: «Основы Ленин заложил, а Сталин дело завершил. И каждый счастливо зажил под мирной кровлей». А через 70 лет политическое ничтожество, жалкое и мерзкое притом, Ельцин взорвал мир на Кавказе! Ребята узнавали об замечательных Великих стройках коммунизма: Братской ГЭС, Красноярской ГЭС, Саяно-Шушенской ГЭС, БАМа. Никогда больше русский народ, разобщённый и разбитый, на такие подвиги подняться не сможет. На уроках по Праву я, пожилой учитель, мог говорить о любви, дружбе, половом воспитании, не краснея, аккуратно выбирая выражения. Однажды в 8-ом классе появились любвеобильные акселераты. Как было сбить преждевременный пыл любви, который тянул к обыкновенной половой страсти?

И я напомнил им любовь Ромео и Джульетты: «Это были дети богатых итальянских родителей. Детям было по 15 лет. Они никогда не работали, у них были слуги. Физическое развитие идёт на 2-3 года раньше нас, славян. Единственное счастье в жизни они видели не в труде, а в любви, в развлечениях. И вот в 15 лет они становятся мужем и женой. Приятно, чудесно, сладко! А теперь перенесёмся к нам, в Новополтавку. Представьте себе, что я волшебник и могу вас поженить. (у кого-то из ребят заблестели глаза, кто-то покраснел). Сегодня будет свадьба. Наступит счастливая брачная ночь. Утром молодожёны будут раздавать блины и получать подарки. На следующее утро вы уже хозяева. Жена вставай к печке, и готовь на всю семью, а муж иди управляйся со скотом. Глянул, а дрова кончаются, запрягай и езжай, готовь. Часа в 4 приезжает с возом дров, устал, замёрз. Уже и на любовь не тянет. А утром надо ехать по сено, а если ещё оба работают на производстве, будет хлопот полон рот и ночи бессонные, и пелёнки и т. д. На этом у многих хорошая любовь и кончается. Начинаются ссоры, взаимные упрёки, горькие мысли об утраченной молодости, которую уже не вернёшь. Так стоит ли торопиться? Лучше закончить школу, институт, походить в театр, оперу, побольше почитать, поумнеть. Не поддаваться случайным увлечениям, и в года 22-23 найти себе настоящего спутника жизни. Вот в этом настоящее счастье».

Любовная блажь с моих восьмиклассников схлынула, но тут же задали вопрос: «А вы счастливы?» И я спокойно ответил: «Да. С моей женой я был знаком 5 лет. Женился, когда ей было 21, а мне шёл 25-ый. Отслужил во флоте, стал офицером, перед этим закончил институт, сформировался как человек. Имел моральное право создать семью. Вырастил двух мальчиков и двух девочек. Трое закончили институт и университеты, стали агрономами и биологами, несут жизнь народу. А один сын работает на военном заводе. Мы всю жизнь проработали в одной школе, помогали друг другу и иногда уступали, чтобы сохранить семейное счастье. Мы дополняли один другого, как в школьных делах, так и в общественных. Счастье в том, что мы 17 лет прожили вместе с родителями жены, было нас 8 человек в одной избе. Родители помогали нам растить детей, вели хозяйство. В тесноте, да не в обиде. У детишек формировалось уважение к старшим. Меня удивляет безрассудство молодых: спешат отделиться от родителей сразу после женитьбы. А кто же поможет нянчить детей? Говорят, что счастлив тот человек, который посадил дерево, построил дом, вырастил сына. Я посадил сотни деревьев, построил дом, вырастил двух сыновей. Счастлив ты только тогда, когда возле тебя другим хорошо и тепло. И все это на фоне хорошей любви в семье. Запишите стихи Степана Щипачёва:

Любовью дорожить умеете

С годами – дорожить вдвойне.
Любовь – не вздохи на скамейке
И не прогулки при луне.
Все будет: слякоть и пороша –
Ведь вместе надо жизнь прожить.
Любовь с хорошей песней схожа,
А песню нелегко сложить.

Почаще вспоминайте эти слова и вам удастся прожить в любви и согласии до конца жизни».

Весной 1953 года я совершил настоящий гражданский подвиг: бросил курить. В то время о вреде курения никто не говорил. Курили каждую перемену, в учительской хоть топор вешай, и дома много, даже ночью вставал, курил в комнате и считал это нормальным. К зиме мы ждали ребёнка. И вдруг мне ударило в голову: как же дитя будет жить в этом дыме, чем дышать? Решил: надо бросить курить. И бросил. Сильно тянуло, и пришлось щелкать семечки, сосать конфеты. Так длилось 12 дней, потом стало легче. Павел Федорович говорил, что у меня сильная воля, а я отшучивался, что надо просто захотеть. Ещё лет 15 иногда снилось, что курю. В 60-е годы в стране началась пропаганда борьбы с курением. Мне эту пропаганду в школе вести было легко. Курящих учителей в школе становилось все меньше и меньше. Последним остался, как ни странно, биолог Гармашов Н.К. Я не раз его совестил и удивлялся, как он может говорить ученикам о вреде курения, если от самого несёт за версту табачищем. И, наконец, посоветовал женщинам (из них никто не курил) выпроводить его из учительской. И курил он в учительском туалете, чтоб ученики его курящим не видели. Курящих тайком ребятшек осталось человек пять. Входя в класс на урок, я отправлял запашистого куряку полоскать рот, мыть руки: обоняние у меня было прекрасное. Добиться можно всего, если захочешь. Возмущало то, что на крыльце школы №2 в Ермаковском ученики спокойно покуривали вместе с учителями. Какая уж тут борьба с курением! Рыба гниёт с головы.

Когда я в 1969 году принял школу от Рогового П.Ф., шиферная крыша протекала в 36 местах. Шифер был старенький, с мелкой волной, и сильный ветер часто его шевелил. В коридоре и классах капало. Однажды в кабинете химии и биологии с потолка упал большой кусок отмокшей штукатурки прямо на сидение парты. Хорошо, что была перемена, а то бы изуродовало девочку. Поднял ещё на чердак много банок и вёдер, тазиков и регулярно выливал из них воду. А летом следующего года мы с учителем труда и биологии Гармашовым Н.К. обломками шифера отремонтировали крышу: я с чердака показывал палочкой дырку, а он закрывал её волнами шифера и прибивал. Вот так бесплатно мы провели ремонт. Жили скупо и бережливо. Гармашов Н.К. работал много лет учителем труда и физкультуры, а в конце 70-х годов, обучаясь заочно на биофаке Абаканского пединститута, начал вести биологию и химию, заведовал пришкольным учебно-опытным участком. Много работали в теплице, проводили успешно опыты на пришкольном участке. Постоянно выращивали коллекцию из 48 сортов картофеля. Иногда при хранении в ямке путали сорта, мне приходилось восстанавливать их из своей домашней коллекции: ведь вся школьная коллекция вышла из моего огорода. Во всех видах черновых работ на участке он был безотказен.

Все, с кем довелось работать, за малым исключением, были умные, знающие, добросовестные труженики.

Аржанова Нина Яковлевна с классом

СПИСОК ВСЕХ УЧИТЕЛЕЙ, КОТОРЫЕ РАБОТАЛИ В НОВОЛТАВСКОЙ ШКОЛЕ С 1897 Г ПО 2002 ГОД

(с 1897 по 1937 год, возможно, кого-то пропустили, не нашли данных).

1	Макаров Александр Маркелович	1897-1908
2	Макаров Порфений Маркелович	1908-1923 с перерывом
3	Егорова (Тульникова) Агнна Михайловна	1916-1917
4	Роговая Мария Дементьевна	1917-1919
5	Шпрун (Муслакова) Татьяна Васильевна	1923-1924
6	Фалеев Владимир	1924-1926
7	Афименкова Елена Всеволодовна	1926-1927
8	Афименков Эраст Иванович	1926-1927
9	Утенин Семен	1927-1928
10	Скалозуб Нина Степановна	1929-
11	Скалозуб Евстигней Евстигнеевич	1928-1929
12	Кабардин Иннокентий Григорьевич	1930-
13	Кабардина Евдокия Степановна	1930-1956
14	Роговой Павел Федорович	1930-1972 с перерывами
15	Спирина Валентина Платоновна	1935
16	Никитина Мария Романовна	1937-
17	Кривощекова Лидия Васильевна	1937
18	Носкова Анна Яковлевна	1938-
19	Попов Николай Федорович	1938-1939
20	Бобылева (Бондаренко) Анна Петровна	1939-1946
21	Коваленко Клавдия Ивановна	
22	Гайдученко Клавдия Васильевна	
23	Тальникова Матрена Николаевна	1940-1945
24	Долгополов Виктор Андреевич	1939-1940
25	Бондаренко Анатолий Леонтьевич	1943-1944
26	Москалев Григорий Прокопьевич	1944-1945
27	Минько Раиса Андреевна	1945-1946
28	Михайлик Раиса Матвеевна	1945-1954
29	Магеря Петр Иванович	1946-
30	Семенюк Антонина Евгеньевна	1946-1948
31	Чиркова (Магеря) Валентина Дмитриевна	1946-1952
32	Роговая Клавдия Алексеевна	1945-1949
33	Вахрушева Афанасия Андреевна	1946-1948
34	Глушков Иван Николаевич	1946-1948
35	Глушкова Анна Яковлевна	1946-1948
36	Кислов Михаил Павлович	1946-1957 с перерывом
37	Зыков Валерий Иванович	1947-1988 включительно
38	Богоявленский Федор Михайлович	1948-1950
39	Широков Борис Витальевич	1950-1952
40	Осерцов Михаил Степанович	1948-1950
41	Худяков Виталий Ионович	1950-1952
42	Гармашова (Тюленева) Анна Константиновна	1950-1968
43	Варламова Антонина Константиновна	1951
44	Косич Мария Варфаламеевна	1951-1953
45	Мезина Валентина Ивановна	1951-1953
46	Лоренц Ната Карловна	1952-1953
47	Кондратьева Лидия Ивановна	1952-1953

48	Атрошко Роза Александровна	1952-1954
49	Муромцева Зинаида Михайловна	1952-1953
50	Устюгова Мария Дементьевна	1953-1955
51	Зыкова Анастасия Яковлевна	1953-1986
52	Рукавишников (Скрыль) Александра Федоровна	1953-1991 с перерывом
53	Гармашова Надежда Григорьевна	1954-1955
54	Чернышева Евдокия Федоровна	1955-
55	Иванова Александра Георгиевна	1955-1958
56	Бочкарев Матвей Павлович	1955-1959
57	Песегова Валентина Павловна	1956-1957
58	Толстикова Анна Прокопьевна	1956-1957
59	Черемшанова Тамара Руфимовна	1956
60	Нехода Мария Иннокентьевна	1958-1960
61	Толкачева Екатерина Ивановна	1958-1959
62	Скороспешкин Владимир Иванович	1958-1964
63	Долгополова Федосья Андрияновна	1959-1960
64	Гармашов Николай Константинович	1959-1984
65	Коваленко (Аржанова) Нина Яковлевна	1959-1995 с перерывами
66	Соскова Палина Ильинична	1959-1961
67	Андрющенко Вера Федоровна	1960
68	Роговая (Синеокова) Дина Павловна	1960-1964
69	Некрасова Тамара Гавриловна	1961-1962
70	Федорова Любовь Николаевна	1962-1964
71	Савельева Галина Куприяновна	1963-1964
72	Толстых (Толстокоженко) Зинаида Алексеевна	1963-2002
73	Кокорев Матвей Максимович	1964-1990 с перерывами
74	Христороубова Анастасия Викторовна	1964-1969
75	Прокопенко Галина Алексеевна	1964
76	Матвеев Николай Федорович	1965
77	Урванцева Лилия Тихоновна	1965-1966
78	Макарова Светлана Порффентьевна	1965-1966
79	Ломилкина (Куклина) Людмила Ивановна	1966-1973
80	Тленкопачева Галина Ивановна	1967-2002
81	Фролова Валентина Семеновна	1967-1974 с перерывом
82	Попова Вера Анатольевна	1967-1973
83	Мишина Лидия Константиновна	1968-1969
84	Левосик Надежда Михайловна	1969-1970
85	Будимиров Владимир Данилович	1969-1970
86	Магеря (Емельянова) Антонина Ефимовна	1969-1973 с перерывом
87	Кобцева Валентина Ивановна	1970-1971
88	Андрющенко Татьяна Михайловна	1970-1971
89	Леонов Владислав Евгеньевич	1971
90	Ануфриев Александр Михайлович	1971-1972
91	Синеоков Николай Никитич	1971-1972
92	Безруков Владимир Константинович	1972-1973
93	Звездин Александр Александрович	1973
94	Пестова (Скрыль) Анастасия Андреевна	1973-1976
95	Сухорослова Людмила Григорьевна	1973-1974
96	Ефремова Любовь Павловна	1973-1976
97	Колпаков Виталий Григорьевич	1973-1974

98	Терентьев Юрий Васильевич	1974 май
99	Сабуркина Антонина Ивановна	1974-1976 декабрь
100	Бурковский Александр Семенович	1974-1975
101	Краснов Геннадий Иванович	1974-1975
102	Краснова Валентина Ивановна	1974-1975
103	Бреславец Ольга Денисовна	1975-1976
104	Бреславец Александр Алексеевич	1975-1976
105	Круглик Владимир Иванович	1976-1977
106	Гильгинберг Мария Ивановна	1976-1978
107	Балиевский Виктор Гаврилович	1976-1977
108	Рушковская Ольга Александровна	1976-1977
109	Дорофеева Галина Алексеевна	1977-1978
110	Крапивина (Борзенко) Надежда Кузьминична	1977-1979
111	Кривошеева Надежда Николаевна (Комилкина)	1977-1981
112	Волкова Галина Григорьевна	1978-1979
113	Спиренкин Виктор Сергеевич	1978-1981
114	Спиренкина Ирина Сергеевна	1978-1981
115	Жиденко Ольга Петровна	1979
116	Магеря Наталья Александровна	1979-1984
117	Тананаенко Виктор Николаевич	1979-1982
118	Тананаенко Любовь Ивановна	1979-1983
119	Калинина Надежда Константиновна	1981-1982
120	Скопина Галина Евсатафьевна	1982-1987 с перерывом
121	Глуховченко Александр Анатольевич	1982-1983
122	Гордиенко Геннадий Иванович	1983-1984
123	Тленкопачев Игорь Владимирович	1983-1984
124	Козлова Надежда Ивановна (Асауленко)	1984-2002 с перерывами
125	Кузнецова Галина Ивановна	1984-1997 с перерывами
126	Леликова Наталья Анатольевна (Минько)	1984-1985
127	Ершов Сергей Александрович	1984-1985
128	Зыкова Евдокия Валерьевна	1984-1997 с перерывом
129	Шмелева Галина Васильевна	1985-
130	Попова Людмила Филипповна	1985-1987
131	Поцурай (Козина) Лариса Юрьевна	1985- по настоящее время
132	Сутугин Николай Викторович	1985- по настоящее время
133	Форсель Владимир Иванович	1986
134	Кравченко (Копылова) Светлана Павловна	1986- по настоящее время
135	Бурлаков Валерий Владимирович	1986
136	Абрамова Алла Ивановна	1986-1992
137	Аржанова Людмила Александровна	1987 - по настоящее время
138	Турчина Елена Николаевна	1987-1988
139	Щербакова Ирина Федоровна	1987-1988
140	Попова Татьяна Владимировна	1987-1988
141	Зыкова Марина Евгеньевна	1988- по настоящее время
142	Самойличенко Марина Ильинична	1988 бросила
143	Ганжа Лидия Васильевна	1988-1989
144	Горенских С.М. и Е.М. Васильева	1989
145	Дресвянкин Анатолий Анатольевич	1989
146	Секач Антонина Ивановна	1989 до конца года
147	Недодина Марина Петровна	1989-1990

148	Логинов Андрей Васильевич	1989-2002
149	Ленкова Елена Александровна	1990 - по настоящее время
150	Свешникова Людмила Викторовна	1991 - по настоящее время
151	Кокорина (Варзина) Людмила Владимировна	1991- по настоящее время
152	Атанова Нина Владимировна	1991-1993
153	Усов Юрий Петрович	1991-1992
154	Погосян Галина Михайловна	1991- по настоящее время
155	Бирюкова (Онипко) Наталья Ивановна	1992
156	Бусыгин Анатолий Анатольевич	1992-1993
157	Бланк Валентина Михайловна	1993- по настоящее время
158	Мусихина Ирина Семеновна	1993-1995
159	Федяев Олег Васильевич	1994-1995
160	Гольцова Александра Карловна	1994-1997
161	Майоров Сергей Иванович	1997-2001
162	Ленкова Оксана Анатольевна	1999-2008
163	Созинова Ирина Викторовна	1999- по настоящее время
164	Толстоноженко Виктор Николаевич	2002- по настоящее время
165	Майорова Оксана Аркадьевна	2002- по настоящее время
166	Гармашова Тамара Николаевна	2002-2002
167	Харламова Анастасия Владимировна	2001-2002

За самоотверженный труд в народном образовании Советского Союза в 1947 году лучших из лучших учителей Родина отметила высокими наградами. Порядок был такой: 15 лет педагогической работы – орден Знак Почёта, за 20 лет – орден Трудового Красного Знамени, за 25 лет и более – орден Ленина. Учителей для награждения представлял директор школы, а директора представлял РОНО. В масштабе района материалы о награждении проверялись и утверждались исполкомом райсовета и райкомом партии. Далее рассматривались и утверждались КрайОНО, исполкомом крайсовета и крайкомом партии, потом шли в Москву в Министерство просвещения РСФСР, а потом шли в Президиум Верховного Совета СССР. Именно он производил награждение орденом любого достоинства. Так же шло награждение грамотами по ступенькам. Не получив орден и грамоту низшего достоинства, не получишь более высокую награду. Вот такая была «кухня» награждения, но бывали исключения. В 1947 году без всяких предшествующих грамот были награждены орденами Знак Почёта работавшие с 1930 года Роговой Павел Федорович и Кабардина Евдокия Степановна.

К чести наших учителей, надо сказать, что они никогда не думали о наградах, а просто трудились с полной отдачей сил терпеливо и упорно, применяя все новое и прогрессивное, идя впереди учительства района. Все по заслугам награждались грамотами разного достоинства. А делалось это так. По результатам работы школы РОНО предлагал две-три грамоты, а иногда и больше (это я говорю про свою школу) для награждения лучших учителей. Вопрос в школе решали директор, предместкома и завуч. Однажды, будучи в другой школе, я случайно услышал ответ директора в РОНО: «Нам грамот не надо, у нас награждать некого». Я был возмущён, пытался его разубедить, но он стоял на своём. Он не был нормальным руководителем и через год уехал из района. Такой сам не загорится новой идеей и учителей не поднимет на подвиг труда, фактически унижает учителей, и они начинают хуже работать. Когда в эту школу пришёл умный директор, уважающий труд учителя, умеющий поддержать и наградить, поощрить лучшего, через два года учителя этой школы, захаянные, затурканные, уже шли в первых рядах учительства района.

Я уже вроде бы говорил, что до 1967 года в районе был только один «Отличник народного образования» - директор Верхне-Усинской СШ Антипов Иван Васильевич.

Как я уже упоминал раньше, с моей лёгкой руки пошло в районе награждение учителей значками. В нашей школе с 1967 г. по 1988 г. значком «Отличник народного

просвещения» были награждены: Христолюбова Анастасия Викторовна, Зыков Валерий Иванович, Зыкова Анастасия Яковлевна, Тленкопачева Галина Ивановна, Кокорев Матвей Максимович, значком «Отличник просвещения СССР» – Зыков Валерий Иванович, Тленкопачева Галина Ивановна, присвоено звание «Заслуженный учитель школы РСФСР» Зыкову Валерию Ивановичу, Почётной грамотой Министерства просвещения РСФСР награждена Толстоноженко Зинаида Алексеевна. Я дважды во второй половине 80-х годов представлял её к награждению значком «Отличник народного просвещения», но награждение не пришло. Обидно.

Не всё были пироги и пышки, бывали синяки и шишки. Осенью 1975 г. в школу приехали молодые учителя: Бреславец Александр Алексеевич (физрук) и Ольга Денисовна (математик). Получили хорошую квартиру в половине дома. Обеспечили их топливом, хорошей дешёвой столовой. У них был ребёнок. Работа шла нормально. Ссор в их семье мы не наблюдали. И вот в конце учебного года после обеда прибежала к нам Ольга Денисовна. Лицо всё красное, из губ бежит кровь, а сама просит поехать с ней и усмирить пьяного мужа. У двора стояла моя машина. Мы быстро сели и поехали к ним. Был выходной день. Зашёл в дом и увидел в комнате двух порядком выпивших братьев Бреславцев. Поздоровались, пригласили меня сесть. Я расспросил о случившемся. Тут вошла Ольга Денисовна и сквозь слёзы стала кричать, что они пьянствовали, и он ей ни в чём не стал помогать. Начался спор, и я попросил её уйти. Мужики были сильно возбуждены, но я попытался объяснить, что в семье так делать нельзя, бить мать своего ребёнка гадко. Они злобились всё больше, а потом брат вытащил охотничий нож. Я понял, что убедить не смогу, встал и пошёл к выходу. И вдруг почувствовал, что кто-то навалился на меня сзади (а Бреславец был выше меня ростом, только худощавый) и схватил меня за горло. И я, как медведь волкодава, потащил его на своей спине. Втянул голову в плечи, пальцы на горле немного разжались. На крыльце я развернулся, шваркнул его спиной о правое перило. Физрук ойкнул, отпустил горло и вместе с перилом рухнул с крыльца. Я быстро вышел со двора, сел в машину и уехал. Всего трясло от происшедшего, было трудно глотать. На второй день обнаружил на шее две большие ссадины, болело горло. Было стыдно и мерзко на душе: меня никто никогда не бил. Я тоже никогда не дрался. Утром поехал в поликлинику к ларингологу. Тот спросил, откуда это. Я обо всем рассказал. После осмотра он написал справку. Тут появился следователь, все расспросил и завёл дело.

Оказывается, врачи о телесных повреждениях у пациентов сообщают в милицию. Жена тоже подала на своего мужа заявление о побоях. Через два дня меня и Ольгу Денисовну вызвали к следователю. Подробно расспросив нас о случившемся, он предложил ей забрать заявление, простить мужа: ведь чего не бывает в семье. И она уже согласилась взять его. Меня её поступок буквально взбесил. Вот уж истинно бабье всепрощение! «Зачем же вы меня втравили в свою семейную ссору, писали заявление, жаловались и плакали? Совесть-то у вас есть?» - возмущался я. Стыдно ей стало, и заявление осталось, а делу дали ход. Мужу дали два года «химии» в Приморском крае, а жена уехала. Через три года он приехал к нам возмужавший, крепкий, приветливый. Пожимая мне руку, извинился за давнее оскорбление и стал благодарить за избавление от Ольги Денисовны: «Она ведь властная, жёсткая, не считалась с моим мнением, корила, что я окончил только техникум, да и то физкультурный, а у неё институт. Бывало, что и выпью, и тогда ругались и она кричала, чтобы я не будил в ней разъярённую тигрицу. В Приморье я женился, живём дружно, у нас хороший ребёнок. Ещё раз вам спасибо, что избавили от семейного ада».

Конечно, надо было Ольгу Денисовну отправить разбираться в семейных вопросах к предместкома, но я не мог поступить так равнодушно, хотя и напоролся на крупную неприятность. Но и сегодня, наверное, я бы стал спасать обиженного человека, хотя он может быть виноват во всем сам.

Откуда у меня появилась эта жалость к обиженным и оскорблённым людям? Из юности, голодной и холодной, нищей. В 1944 году я учился на втором курсе Енисейского педучилища им. А.М. Горького. Учиться было трудно, по-теперешнему сверх трудно. Было

очень холодно, в аудиториях замерзала вода. Чернильницы-непроливайки держали за пазухой. Замёрзнут – чернила становятся бесцветными. Я очень любил русскую литературу и русский язык, писал без ошибок. Прочитал всего Шекспира, книги о животных, интересовался очень многим и однажды получил страшный удар в лоб. А вот как это было. Вела у нас в педучилище русский язык и литературу Агния Петровна Данилова. Это была красавица высшего купеческого класса: черные соболиные брови вразлёт, яблочные красные щеки – портрет купчихи Кустодиева. Она была дочерью купца первой гильдии Данилова. Жила в двухэтажном деревянном доме своего отца. Почему их не тронули в 30-е годы – неизвестно. Приходила она на занятия в куньей или собольей шубе. Странно было, но писала на доске, поворачиваясь на стуле, но не вставая. Однажды подошёл я к ней в перемену спросить о неизвестном варианте стихотворения Пушкина. Она окатила меня презрительным взглядом и сказала: «Зыков, не трясись здесь своими лохмотьями». У меня перехватило горло, я бросился из класса и в конце коридора проревел всю перемену. Сильно болело сердце, его просто жгло от незаслуженной обиды и стыда. С него как будто содрали кожу, и с тех пор оно стало чувствительным к каждой чужой боли. Лохмотьев на мне не было, я аккуратно зашивал появляющиеся дыры на ветхой одежонке. Великий грех упрекать человека в бедности в тяжкое время войны. А 9 мая город ликовал: Победа! В мире существует закон бумеранга: за добро – добро, за зло – зло. В июле стояла страшная жара, над городом часто гремели сухие грозы, били молнии. Однажды в 2 часа дня молния ударила в двухэтажный деревянный дом учительницы. Он вспыхнул как спичка. В одну минуту пламя охватило весь дом. Поднялся очень сильный ветер. Он нёс горящие куски дощатой крыши за сотни метров. От них стали загораться другие крыши. Собравшийся было на пожар народ бросился к своим домам, и все успели залить возгорания на своих крышах. С горящего двухэтажного дома жильцы успели выскочить в чем были. Несколько смельчаков вбежали в горящий дом и вытащили два сундука. Их тут же открыли, и жадные руки расхватили дорогие шубы, платья, и все растащили по домам. За несколько минут Агния Петровна лишилась всего. А старушки, собравшиеся у пожарища, говорили меж собой: «Гнев божий! Это её за зазнайство, высокомерие господь наказал».

А в 1969 г. на выпускных экзаменах по русскому языку (устно) случилась для меня неприятность. Директор школы Роговой П.Ф. перед началом экзамена всем ребятам объявил: «Кто будет отлично отвечать на вопросы билета, тому вопросов задавать не будем. Постарайтесь». Билеты взяли моя дочь Галина и ещё двое учеников. Остальные ученики стали ждать их ответов. Галина отлично училась по русскому и литературе, и первая вышла отвечать. Ответила все по билету отлично. Вдруг Роговой П.Ф. задал ей один вопрос – она ответила. А его прорвало, он стал задавать ей один вопрос за другим. Это была какая-то каверза с его стороны. После ответа на третий вопрос я не выдержал: «А может хватит задавать вопросы? Она ведь отлично отвечала». Он как-то смутился, и мы еёпустили. После окончания экзамена стали подводить итоги и выставлять оценки. Роговой П.Ф. говорит: «Зыковой Гале, конечно, 5». Я запротестовал: «Я ставлю 4. Ведь вы сами сказали, отвечающему отлично вопросов задавать не будут, а её засыпали вопросами. Ребята, слушавшие её ответ, из-за дополнительных вопросов не поверят в честную пятёрку». Так я сам жестоко наказал своё дитя во имя чести. А надо было директору встать и ребятам сказать, что она ответила отлично, а он зря задавал вопросы. Давно известно, что детям трудно учиться у своих родителей, с них много требуют, если родители поступают, по совести, перед учениками. Ведь дети тонко чувствуют любую фальшь и обман.

В 50-м году шло укрупнение колхозов. В Новополтавском сельсовете все 4 колхоза объединились в один с центральной усадьбой в Новополтавке: «Красный украинец» (Новополтавка), колхоз им. Стаханова (Павловка), «На Ленинском пути» (Майский), «Развитие» (Березовка). Новый колхоз получил название «Колхоз имени Стаханова». Павловка, Майский, Березовка стали бригадами колхоза, и народ из них стал понемногу перебираться в Новополтавку и другие места. Государство приказало открыть интернаты при семилетних и средних школах. Решением исполкома Новополтавского сельсовета директору

школы Осердцову М.С. было приказано открыть интернат. Интернат просуществовал до августа 1967 года, а с какого года начал действовать – установить не смогли. Все заботы о благоустройстве и содержании детей в интернате свалились на Рогового П.Ф., который стал директором школы с осени 1951 года. Трудно было найти помещение. Несколько раз интернат менял свой адрес. Находился в половине, где сейчас живёт Мишин И.С., в здании, где сейчас находится колхозная столовая (на углу, напротив сельсовета), в доме напротив Тленкопачевой Г.И., и одно время девочки жили в частном доме, где сейчас живёт Калиниченко А.Я., рядом с Зыковыми. Хлопот было много. Нужно было обеспечить хорошее питание, тепло, уют. В очень большие морозы топили много. Сам директор проверял ночью порядок в интернате, дежурили учителя, постоянно находилась няня. Боялись пожара. И не зря. Однажды ночью в 50-ти градусный мороз директор пришёл в интернат в 2 часа ночи, как чувствовал неладное. Открыл дверь, и в лицо пахнуло гарью жжёной шерсти. Ночная няня, сидя спокойно спала. Включил свет. Комната была полна дыма. Над кухонной плитой подымался чад от тлеющего валенка. Надо сказать, что для сушки обуви сбоку над плитой была сделана из железных прутьев сушилка. Кто-то из ребятишек ночью по нужде ходил на улицу. Вернулся полусонный и, небрежно ткнув валенки в сушилку, пошёл спать. Один валенок упал на горячую плиту и начал тлеть. Подняли всех ребят, одели всех, а в открытые двери дым быстро вышел, пожара не было, а вот валенок пропал. Утром проверили на чердаках школы и интерната состояние всех труб, замазали глиной все трещинки. Это ведь вам не город с его водяным центральным отоплением. Нам бы ваши городские заботы!

Для удешевления питания в школе выращивали двух-трёх свиней. Ухаживал за ними повар интерната. На корм шло много картошки с пришкольного участка. Коренные жители были недовольны: все для интернатских! При забое свиней строго учитывалась вся продукция, все записывалось, и строго вёлся учёт расхода. Живи да радуйся за своих детей. Так нет же: когда сильно хорошо, то это тоже нехорошо. Однажды мы с Роговым поехали на Майский проводить родительское собрание. Рассказали об учёбе и дисциплине их детей, об организации питания в интернате. И тут внезапно вскочила горластая баба Настя Хомутова, мать большой семьи и стала кричать: «Мясо-то жрёте сами, ребятам ничего не достаётся. Да еще по три рубля в месяц собираете за каждого на хлеб и сахар. У меня их куча учится, где на них деньги взять?» Родители возмущённо на неё закричали, но она продолжала своё. Павел Федорович даже пожелтел, гневно сверкнули глаза, но он сдержался. Когда Настя выкричалась и села, Павел Федорович встал и спокойно рассказал, сколько даёт государство на питание на каждого ребёнка и зачем нужны эти несчастные три рубля. Мясо, что мы выращиваем, это дополнительный достаток. Докормим это и больше свиней держать не будем, чтоб не было необоснованных подозрений. Так и сделали. А на следующий год на таком же собрании Настя плакала и молила простить её, на колени становилась, но свиней больше не держали, а на питание вместо 3-х стали платить 15 рублей. Вот что может сделать вздорный бабий язык.

Государство в 50-е годы делало все возможное, чтобы все дети обязательно получили семилетнее образование. Не забывайте, что недавно окончилась Великая Отечественная война и шло героическое восстановление народного хозяйства. Но были выделены большие средства для обеспечения всеобуча (всеобщего обязательного обучения). Выделялись денежные средства для покупки одежды и обуви детям из малоимущих семей и многодетных. Некоторые ребятишки ходили в школу босиком по грязи и снегу. Учить одновременно в больших семьях трёх-четырёх детей из-за страшной бедности было невозможно. Вот тут-то и помогали средства всеобуча. Но бедность бывает горда. Некоторые родители не хотели брать одежду и обувь для детей. Приходилось вручать насильно самим ребятишкам. А ребята были просто счастливы. В селе было три матери-героини: Кабардина А.С., Таныгина О.В., Владимирова А.П., у Коваленко К.П. было 9 детей, во многих семьях 5-7 детей. Все дети при неусыпной заботе государства получили достойное образование, многие высшее. За каждого не обучающегося жёстко спрашивали с/совет и РОНО с директора школы и классных руководителей. За невыполнение всеобуча некоторых

директоров снимали с работы. Вот сейчас бы так заботились о детях бедняков, не было бы и беспризорников.

В семье Меркушевых было 7 детей, 6 мальчиков и одна девочка. Летом случилось страшное несчастье: утонул отец семейства. Старший сын Пётр в это время служил на торпедных катерах в Советской Гавани в ТОФ, где раньше служил и я. Мать буквально дошла до нищеты. После демобилизации Пётр встретился со мной, его бывшим учителем. Для меня до сих пор дорого то, что он обратился ко мне за советом: «Как мне быть, Валерий Иванович? Вот отслужил 5 лет, очень хочется учиться, а дома такая нищета, матери ребятишек не поднять. Что делать: учиться идти или работать, помогать матери учить детей?» Я ему сказал: «Пойдёшь учиться в сельхозтехникум – человеком станешь, добрым агрономом, но братья останутся неприкаянными, и обида останется у них на всю жизнь. Решать тебе самому». Пётр остался в семье и стал работать в Новополтавке. Учились все, но брат Саша не хотел учиться и жить в интернате. Надо сказать, что интернатских их родители по субботам забирали после занятий и увозили на лошадях домой, а в воскресенье к вечеру привозили в интернат. Отлучаться из интерната среди недели самовольно было нельзя. Таким был Устав. У Саши был трудный, неуживчивый, обидчивый характер, и однажды он среди недели исчез. Искали ученики и учителя в окрестностях села, но не нашли. В селе у матери он тоже не появился. На второй день Пётр верхом отправился искать его по логом и нашёл в Ермолаихе, в скирде соломы. Саша пытался убежать, но брат плёткой пригнал его в село. Вроде все образовалось, но в январе на лыжах он снова убежал среди недели домой. Павел Федорович запряг школьного Лысана в розвальни, и мы помчались догонять беглеца. Догнали через 9 км, когда он въезжал в ворота поскотины деревни. Посадили его в сани, развернулись и поехали назад. Он просил забежать домой, но директор был неумолим. Жестоко? Да, но иначе было нельзя, дисциплина должна быть для всех одинаковой. Ведь погибни он в дороге, директора посадили бы в тюрьму. Утром на линейке рассказали об этом случае, объявили ему выговор. Дисциплина укрепилась у всех, больше никто не самовольничал. Разумная строгость в коллективе должна быть обязательно.

При утверждении расходования средств всеобуча на общешкольном родительском собрании весной и осенью иногда малолетние родители возмущались: «Вот понарожали, а теперь на них все деньги тратятся!». Тут уж я переходил в стремительную атаку и был беспощаден: «Вы им должны в ноги поклониться за их гражданский подвиг. Мальчишки вырастут и пойдут Родину защищать и вас, а у вас одни девочки. Выучившись, будут все работать и отчислять вам на пенсию. В больших-то семьях дети более работающие и справедливые».

Не раз удивляла любовь к родной природе и забота о ней вот таких деревенских мальчишек. Однажды в конце августа занесло меня вверх по Кебежу к самому Майскому. На песчаной косе копошился какой-то мальчишка. Подошёл и узнал в нем пятиклассника Федю Меркушева. Он реденькой тряпкой ловил малявок для наживки на окуней. Я ему помог, вдвоём-то сподручнее. Улов был пригоршни две. Радовались добыче. Вдруг он наклонился и стал более крупных рыбок выпускать в реку. Я удивился, а он как старый старичок обстоятельно говорит: «Так это же таймешата и леночки, они должны крупными вырасти. Жалко их губить. А тут остались ельчишки да пескаришки, они большими не вырастут». Меня тогда приятно поразила мудрость деревенского мальчишки. Вот кабы так все делали!

Федя хорошо учился, потом закончил Красноярский сельхозинститут и стал директором оленеводческого совхоза в Эвенкии. Из 7 детей Меркушевых один стал хорошим толковым пастухом, а шестеро получили высшее и среднее специальное образование и успешно работают в народном хозяйстве. А непослушный Сашка стал инженером-механиком. Братья и сестра до сих пор боготворят брата Петра за его семейный подвиг. Пётр закончил техникум с/х заочно.

Не всем давалась грамота, некоторые по два года сидели в каждом классе, спецшколы для таких детей тогда в районе не было. Но они все умели и любили трудиться. За каждого второгодника РОНО строго спрашивало. А мы добивались, чтобы из таких детей

выросли простые толковые труженики. Не всем же быть инженерами. К примеру, Витя Рябец, наш сосед, рос в большой семье, но родители были малограмотные, работал один отец. Мальчику очень трудно давалась учёба, он за 8 лет не окончил и 5-ти классов. В контрольном диктante за первый класс вместо фразы: «Наступили тёплые весенние деньки. Маша и Вова пошли на зелёную лужайку. Они собирали цветы. Им было весело», - он написал: «Настутли тдура дасис Вола. Мандкшу». Отец у него был трактористом. Виктор после школы стал работать с ним. В свободное время вся семья удачно рыбачила. Это было хорошим подспорьем к зарплате отца. Потом Виктор выучился при совхозе на тракториста и комбайнёра и год от года работал лучше. И вот в 1983 году при подведении итогов уборочных работ по намолоту зерновых Виктор занял первое место по ферме, по совхозу, по району и «загрёб» одних премиальных 900 рублей и памятные ленты. Рябец Виктор Викторович - комбайнёр совхоза им. Щетинкина, намолотивший 7000 центнеров зерна, занесён на районную Доску Почёта с вручением Диплома и талона на приобретение автомобиля «Жигули». Вот так постепенно, воспитывая в труде, мы добивались хороших результатов. Помнили всегда, что труд в СССР есть дело чести, дело славы, дело доблести и геройства.

Автомашин «Москвич» и «Жигули» к 1988 году появились почти во всех учительских семьях. В райисполкоме вставали на очередь и терпеливо копили деньги. Много приходилось работать в домашнем хозяйстве, выращивая картофель и скот, чтобы продать. Сдавали излишки молока и мяса в заготконтору. Взамен получали стиральные машины, холодильники, ковры и т.д. Физический труд шёл на пользу, набирались здоровья на новый учебный год. Недавно по радио услышал, что в Московской области только 18% сельских учителей имеют личное подсобное хозяйство. Каждый учитель имеет право на 25 соток огорода и сада. Это большое подспорье для семьи. Физический труд в саду и огороде, общение с растениями – это эликсир жизни для работника умственного труда. Видимо, многие боятся запачкать руки в земле. Свободное время хотят провести в городе, в развлечениях. Так чего же тогда ныть, что малый достаток? Не бойтесь работать на земле, она спасёт вас в наше труднейшее время.

В 1963 году в школе организовали вечернее обучение в 5 классе. Занятия проходили 4 дня в неделю, кроме понедельника и субботы, с 7 до 11 вечера. Велась все предметы учителями на общественных началах (без оплаты). Обучалось 6 человек: Гармашов Н.Т., Козин И.Е., Толстоноженко Д.Е., Кабак М.А., Скрыль В.И., Чувашов И.Е.

Все успешно закончили 5-й класс, но дальше учиться не стали. Трудно им было совмещать работу и учёбу по вечерам, все были семейные в возрасте от 29 до 30 лет.

Позднее организовалось УКП (учебно-консультационный пункт). Советское государство заботилось, чтобы каждый гражданин мог получить среднее, а потом и высшее образование, если пожелает и проявит способности. Около 40 человек получили восьмилетнее и среднее образование. Семеро окончили техникумы, а двое институты. Вот так помогло им в жизни вечернее обучение. Были и неприятности. В 1974 году приехал на работу из Абаканского пединститута выпускник с красным дипломом Бурковский Александр Семёнович. Учитель был умный, хорошо играл в шахматы, но структурой работы в восьмилетней школе владел слабо, ленился писать планы (на 5 уроков алгебры писал план полстраницы), не принимал математических рассуждений в начальных классах, считал что это все лишнее: «Неизвестное в одну сторону, а известное в другую и все ясно». Часто приходилось мне проверять его планы. Дал ему классное руководство в 5 классе. Классным руководителем он оказался слабым, хотя я ему помогал. Однажды я пришёл к семи часам вечера на педсовет и в физкабинете услышал шум и ребячьи крики. Открыл дверь и увидел такую картину. Возле доски стоит окружённый ребятами Александр Семёнович, а среди общего гвалта резко выделяется крик Юры Гармашова: «Вы нас всегда обманываете! Сколько раз обещали сходить в поход, а сами скорей убегаете к своей мамочке в Ермаковское. У нас все не так, как в других классах». Сбоку на столе портативный магнитофон «Мрия» записывал весь этот гвалт. Зачем? Надо было срочно прекращать этот

цирк. Я поздоровался с ребятами. Они притихли. Я спросил: «Что тут у вас такое?» Александр Семёнович сказал: «Проводим классное собрание». Я сказал: «Ребята, извините, но у нас сейчас начинается педсовет. Продолжите собрание завтра». Все спокойно пошли домой. Я выключил магнитофон, принёс в учительскую, перемотал плёнку и включил, сказав: «Послушайте, как не надо проводить классное собрание». Из магнитофона донёсся слабый заискивающий голос учителя и резкие вопросы ребят, начался крик. Слушали минуты три, больше не выдержали. Учителя сильно возмутились, осуждали классного руководителя. Я предложил дослушать утром, а сейчас начать педсовет. А горе-классный сказал: «Я хотел вам показать, какой класс трудный». Утром я пришёл в школу пораньше и включил магнитофон. Тишина. Когда он стер запись – не знаю.

1974–1975 год был в УКП не удачным: кто-то заболел, другие уехали. Экзамены принимать было не у кого. Я собрал учителей и сказал: «Мы никого не обучали, экзамены не приняли. Как быть с зарплатой? Лично мне стыдно её получать, результата-то нет. А как вы считаете?» Учителя меня поддержали, в том числе и Александр Семёнович. И ещё завыка. В середине года он три раза отпрашивался у меня для поездки по замене паспорта и каких-то документов. И вот он стал Щербаковым, взял фамилию отчима, хотя отца и отчима уже не было в живых. Зачем он это делал, что выгадывал, неизвестно. Но мне вся эта возня была очень неприятна. В Ермаковском у него жила сестра и мама, инвалид 1 группы, с очень больным сердцем. По окончании учебного года он добился в РОНО перевода в Ермаковскую школу №2, поближе к маме. Я не возражал, по-человечески было его жалко. Перед началом августовской конференции в Ермаковском он подошёл ко мне и спросил, когда я ему заплачу за обучение вечерников. Я удивился вопросу и напомнил, что мы все, и он тоже, решили деньги не получать: не за что. Он смолчал и ушёл. В этот же день вечером он снова подошёл ко мне и опять потребовал деньги. Я возмутился и снова напомнил о нашем решении. Видимо, кто-то этого с него требовал. В сентябре в один из дней я шёл на урок. Внезапно в учительскую влетела бодрая крепкая женщина небольшого роста и спросила, где директор. Я представился. Она громко стала кричать: «Отдай деньги, которые заработал Саша!» Я ей начал объяснять суть дела, но она, не слушая, визжала своё: «Отдай деньги! Вор! Вор! Вор!» Тут, спасибо ей, вмешалась Галина Ивановна Иванова, завуч, отправила меня на урок и стала говорить с ней сама. Минуты через две по коридору простукали каблуки матери Бурковского-Щербакова. А потом в окно увидел быстро бегущую к автобусу инвалидку первой группы с больным сердцем. Сколько лицемерия, обмана, жадности было в этой женщине! Вот она-то и тиранила своих детей. Через несколько лет он стал работать в Абаканском ИУУ. Я от всей души порадовался за него, что наконец-то его ум и знания нашли своё правильное применение. Он и сейчас через знакомых иногда передаёт мне привет. Нелегко мне было 26 лет назад перенести весь этот срам и грязь ложных обвинений, на сердце рубец остался. Но надо было крепиться и работать дальше, ведь совесть моя была чиста.

При посещении других школ района и края, во время совещаний директоров школ, всегда старался увидеть что-то новое и внедрить у себя в школе. Ведь как на совещании я работал? Записываешь то, что меня удивило, чего у нас нет, а надо. Не записываешь то, что у нас в школе есть и идёт хорошо. Записываешь то, что в других школах хуже нашего. В одной из школ Красноярска буквально восхитило обеспечение детей на уроке труда в 3 классе. У каждого ученика на парте была папка с чем-то. Начался урок. По команде учителя все открыли папки, и я ахнул. Слева на крышке папки в петельках из шнуровой резинки оказались ножницы, стиральная резинка, карандаш, бутылочка с клеем и линейка, а ещё нитки и иголка. Справа лежали наборы цветной бумаги и белого картона. Просто, удобно, чисто. Все дети обеспечены всем необходимым. Не тратится ни минуты зря. А у нас, как и во многих сельских школах, все это дети должны принести из дому, часто забывали, приходилось давать из учительских запасов, а на это уходило дорогое время урока. Да и материал был неважный, не стандартный. Загорелась душа сделать у нас также. И сделал. За лето на хозрасчётной базе и в магазине наглядных пособий достал все и даже больше –

наборы цветного бархатного картона. Мои учительницы были очень довольны, к осени оборудовали все папки. На открытый урок труда по работе с бумагой в ноябре съехались учителя начальных классов района. Урок поразил их своим удобством оборудования, порядком и результативностью труда. После урока они засыпали учительницу вопросами: где, когда, как достали такое. А она кивнула в мою сторону головой и сказала: «Спрашивайте у директора». Я им рассказал обо всем и посоветовал покрепче прижать своих директоров, ведь деньги-то на это выделяются, только надо их разумно расходовать.

Во внеурочное время учительница Зыкова А.Я. со своими учениками составила большой альбом «Виды и расцветки всех видов тканей». Она любила кроить и много шила. Было очень много обрезков, хотя она умеет кроить очень экономно (из небольших кусочков было сшито орнаментами 5 одеял). Для коллекции приносили кусочки дети и учителя. Альбом получился просто шикарный. Пользовались им все учителя начальных классов и трудовики. Используя бутылочки от пенициллина и валидола, они же составили несколько коллекций: «Семена зерновых культур (пшеница, рожь, ячмень, овёс, гречиха, просо, кукуруза)», «Семена бобовых (горох ползунок, горох полевой, горох сахарный, душистый горошек, бобы белые, бобы черные, соя шерсти сортов, фасоль обыкновенная, фасоль вьющаяся, фасоль декоративная)», «Семена цветочных растений (ноготки, сальвия, настурция, астры, флоксы, циннии, гесперис, бархатцы, мальва, и др.)», «Семена огородных растений (морковь, свёкла, укроп, лук-чернушка, петрушка, перец, помидоры, огурцы, дыни, арбузы, кабачки, патиссоны, тыквы разных видов)». «Продукция зерновых культур (мука, рожки, вермишель, лапша, макароны, ракушки, и все виды круп)».

Учителя начальных классов все со своими учениками каждую осень собирали много различных цветочных семян, дружно работали на уборке урожая с пришкольного участка. Зинаида Алексеевна Толстоноженко и Нина Яковлевна Аржанова с детьми готовили много различных сувениров, которые дарили гостям школы. Им активно помогали и старшеклассники. Все дети школы готовили вместе с учителями красивые мягкие игрушки и дарили их детскому комбинату. Много различных поделок готовила вся школа для ярмарки солидарности, которые проводились почти ежегодно, а деньги перечисляли в Москву в Фонды Мира, Фестивалей и конференций. Руководил всей этой работой Совет дружины имени Павлика Морозова во главе со старшим пионервожатым, который за свою работу не получал ни копейки: это была общественная нагрузка. Я всегда всячески поддерживал пионерское движение в школе. В нем была огромная дисциплинирующая и направляющая сила в работе с детьми.

Торжественный сбор, посвящённый 60-летию пионерской организации.

Кроме нашего альбома тканей нам ещё подарила выпускница нашей школы 1952 года Минько (Горбушина) Нина Ильинична набор образцов тканей Красноярского шёлкового комбината.

Хорошая была традиция проводить новогоднюю ёлку с подарками. В сороковые годы подарки были скудные: несколько самодельных караликов и несколько конфеток-подушечек. Но и этому были рады голодные дети, это был праздник. С годами жить стали лучше — богаче стали подарки. В семидесятые годы стали в пакеты вкладывать яблоки, апельсины. Со спецсчета я всегда выделял деньги в дополнение к выделенным профсоюзом совхоза. Позднее ударникам дополнительно стали дарить по большой плитке шоколада «Гвардейский», «Алёнка», отличникам дополнительно давали какой-нибудь подарок: красивую куклу, часы-будильник и интересную игру. Это был дополнительный стимул для хорошей учёбы. Однажды одна родительница возмутилась: «На пришкольном работают все, а шоколад и подарки только отличникам и ударникам. А наши троечники ничего не получают». Я убедил их, что если с Серёжей поработать, проконтролировать его подготовку к урокам и помочь ему, то он станет ударником. Она меня поняла, вот и её сын в Новый год получил плитку шоколада. И видели бы вы радость матери, уверовавшей в способности сына. Кажется мелочь, пустячок, а Серёжа с тех пор стал учиться на 4 и 5: появилась уверенность в себе. Отличникам вручали ценные подарки и в конце учебного года. Грамотами награждались успехи детей в спорте и по отдельным предметам, и в кружковой работе, в отлично организованных пионерских делах.

Каждый творческий труд должен быть замечен и награждён ласковым взглядом, добрым словом, премией. Тогда и самый слабенький, незаметный ученик вырастет в личность, которой многое под силу: терпение и труд все перетрут. К оценкам по учёбе, дисциплине и прилежанию учащихся мы подходили строго, даже жёстко. И сегодня думаю, что, отдав все силы для «подтягивания» слабых, мы мало уделяли внимания выращиванию большого количества ударников и отличников: просто не хватало сил и времени. Можете смеяться над нами, но за 40 лет, с 1947 по 1988 г.г. из школы вышло только четыре отличника: Коваленко Георгий, Грицко Александр, Зыкова Евдокия, Шиян Татьяна. Выходили в отличники действительно сильнейшие. Наша оценка (при переезде ученика) в других школах никогда не подвергалась сомнению, не занижалась. Однажды ко мне подошла родительница и стала высказывать своё возмущение: «Вот вы Серёже все ставили четвёрки, а он в Красноярске на экзамене в техникуме получил пять!» Я засмеялся: «Вы должны не возмущаться, а учителям в пояс поклониться. Оценка в нашей школе высокого качества, и за нашу четвёрку он в любой школе страны получит четыре, а то и пять. В этом гордость нашего коллектива». Я иногда шутливо замечал: «Новополтавская школа им. А.М. Егоровой – лучшая школа страны. Сам себя не похвалишь – кто тебя похвалит?» Пошутим, посмеёмся – и с ещё большим азартом берёмся за работу.

Была и другая крайность – откровенное вымогательство более высокой незаслуженной оценки своему ребёнку. Особенно это усилилось в последнее время. Родительница поднимает крик, доходя до истерики, родительница страшит, что её дитя не будет участвовать в самодеятельности и других мероприятиях школы, оскорбляет и обливает грязью учителей. Я таким любвеобильным родителям говорил: «Где вы были раньше, почему не следили за оценками в течение четверти? А трагедии-то никакой и нет: пусть получит в четвертой четверти пять и за год будет отличная оценка». А ещё советовал родить двух-трёх детей, а не растить одну избалованную эгоистку.

В школе у нас всегда была форма. Запрещено было носить серёжки и перстеньки. Если ученица не подчинялась, я отправлял её в коридор привести себя в порядок и снова зайти на урок. Кое-кто из родительниц иногда возмущался, что не дают в школе покрасоваться. Лучший способ защиты – атака. Мы решили доказать правоту наших требований. На общешкольном родительском собрании первым вопросом был вопрос о ношении формы и дисциплине учащихся. Правила для учащихся требуют соблюдения школьной формы девочками и мальчишками. Все излишества и роскошь в одежде, желание

выделиться создают нездоровую обстановку в классе. Как правило, такие ученики и учатся хуже. Все в школе дети простого народа и выхваляться перед другими некрасиво. Я рассказал им о строгих порядках в Петербургском Смольном институте благородных девиц. Там учились только девочки из дворянских семей – генералов, графов, князей и даже небогатых дворян. За их обучение родители платили 500 рублей в год. Много это или мало? Это было годовое жалование учителя гимназии. Все дворяне между собой равны, поэтому и была введена единая форма институток. К одежде относились очень бережно. Форму прошлогодних первоклашек носили первоклашки следующего года. Это вырабатывало бережливость, сдержанность в отношениях, дисциплину. Поэтому они, дворяночки, знали и умели больше наших девочек из простого народа: учились шить, штопать, стирать, вышивать, вязать, правильно сервировать стол, прекрасно танцевать и вести себя в обществе, знать 2-3 иностранных языка. Категорически запрещалось применять косметику, запрещалось говорить по-русски: так быстрее овладевали иностранными языками. И нашим девочкам не надо краситься: их молодость и свежесть лица – лучшая красота.

Теперешний отказ от формы разложил весь порядок школьной жизни, её дисциплину. Ещё огромный вред дисциплине в школах и «Правилам для учащихся» после 1988 года нанесли распропагандированные по школам «Права ребёнка», а позднее и «Права человека», которые нам успешно навязал Запад. Я уже тогда не работал и узнал о таком счастье от внуков. Ребята в школе стали дерзкими, самоуверенными. Я был страшно возмущён всем этим: все говорили о правах и ни слова об обязанностях, а ведь известно: нет прав без обязанностей, нет обязанностей без прав. Эта волна беспредела сильно ударила по всем школам страны. Несколько лет шла в школах страны яростная борьба с «закомплексованностью» учащихся, борьба с комплексами организма. Мне, слепому, московское радио все уши прожужжало. Я недоумевал: зачем это? Ведь с годами оказалось, что комплексами считали и застенчивость, стеснительность, честность и справедливость. Приветствовались излишняя самоуверенность, нахальство, бесстыдство, дерзкое отношение к учителям и родителям, желание и умение быть «продвинутым и крутым».

Идеология запада разрушила в Советской стране дружбу народов, единство коммунистической партии и народа, армию и флот, дружбу рабочих и крестьян. Осталось только разрушить славянскую нашу душу и систему образования (лучшую в мире). До глубины души возмущает, как задравши штанишки и подобрав подолы юбочнок, рвануло наше руководство и верхушка интеллигенции на Запад с жалостной просьбой: «Признайте нас европейцами! Дунька тоже в Европу хочет!»

Россия превратилась в племрассадник, откуда наиболее умных и талантливых после обучения «отсасывают» в Англию и Америку из обнищавшей страны. И на этом фоне оскорбительными являются выходки «борцов за народное счастье» – демократию: Валерия Новодворская самодовольно как-то заявила с экрана, что теперь ест черную икру (а в это время в Приморье застрелился офицер голодающей семьи), бывший президент Ельцин оказался «скромнее»: поехал в Китай подлечиться и за квартиру-дворец пришлось платить по 400 тыс. рублей в сутки! Вот это демократия!

Сейчас все то, что было при Советской власти стараются опозлить, исказить. Попросту замолчать, не говорить о том, что было. Просто стараются выкинуть 70 лет жизни народа. А в то же время продолжают пожирать все то, что было создано за годы Советской власти народом под руководством коммунистов. Правда выше жалости, и ей надо смотреть в глаза. Перед учителями нашей школы и других школ страны стоит задача мужественно, честно и справедливо, ничего не утаивая, рассказывать правду и о плохом, и о хорошем, и о доблести великого народа нашего.

Ведь это же история и её переписывать нельзя. Что было, то было. А учащиеся пусть сами оценят беспристрастно поданные учителем факты истории нашей жизни. Прежде всего, это касается учителей начальных классов, истории и литературы. Нельзя продавать величие нашего народа за «куриные ножки Буша».

Обидно слышать по радио о новшествах по воспитанию беспризорников в Калужской области без упоминания имени великого А.С. Макаренко, как будто новоявленный деятель сам додумался до того, как вернуть к нормальной жизни обездоленных и несчастных. Обидно, что используя богатейшие учения великих русских педагогов Ушинского, Макаренко, Сухомлинского, учёные от педагогики и психологии, пересказывая их мысли, стыдливо забывают упомянуть их имена. Да ведь это обыкновенное литературное воровство. Стыдно, Господа!

Успехи в работе нашей школы я отношу за счёт того, что мы широко использовали педагогическое учение и опыт работы Ушинского, Макаренко, Сухомлинского. Внедряя новые формы и методы обучения, мы видели, что раньше подобное этому кто-то уже делал. Правильно говорят, что все новое – это забытое старое.

Мы старались в детях пробудить жажду знаний во всех областях жизни, научить самостоятельно учиться всю жизнь. Для этого мы вышли за рамки урока, учебника, за стены школы. Постепенно завязалась большая переписка с ИУУ, музеями нашей страны, научными учреждениями Академии Наук СССР, с газетами и журналами, с разными школами Советской страны. Десятки писем были получены от любителей цветоводства и садоводства. Сотни писем получили от замечательных людей нашего времени, наших друзей и односельчан: Героя Советского Союза Шахова Андрея Исаевича, братьев Егоровых, Семенюк Михаила Антоновича, Розенкранца Игоря Абрамовича. Как ни странно, кому-то покажется, все они были коммунистами, скромными великими тружениками и патриотами, передовыми людьми своего времени. Они все живо интересовались жизнью села, его людей, жизнью школы и считали себя жителями Новополтавки. Из наших писем они узнавали о радостях и горестях села и школы, живо принимали во всем участие, старались помочь. В райкоме и райисполкоме удивлялись, откуда наши добрые друзья все знают, прося и требуя помочь селу и школе. И я им рассказал о нашей переписке. Вся переписка была достоянием гласности в школе. Мы готовили к жизни скромных трудолюбивых патриотов, помня слова Сократа, что, если хочешь быть богатым, сократи свои потребности. Сейчас идёт усиление церкви в стране, борьба за воцерковление. Все это хорошо. Но как совместить вопиющее богатство одних и нищету других и постулат Евангелия: «Легче верблюду (правильнее – канату) пролезть сквозь игольное ушко, чем богатому попасть в царствие небесное». Я не кощунствую, но богатые тысячелетиями как-то попадали в царствие небесное. Нужно жить по большой правде и справедливости. Иногда ко мне заглядывают мои бывшие ученики, занимающие видное место в жизни: Вася Роговой, Тоня Магеря, Валя Роговая, Рая Магда и др. и с лёгкой укоризной говорят: «Зачем вы нас так учили? Сейчас так трудно жить по вашей правде!» Я им отвечаю: «Это не моя правда, а правда всего трудового народа и идти против неё нельзя: судьба потом покарает за это».

Всю переписку, за малым исключением, вёл я сам с семьёй, не распыляясь, в свободное время вечерами. Несколько пришедших в голову мыслей тут же оформляли жена или подросшие дети, по очереди бывшие начальниками штаба красных следопытов. А потом на заседании штаба эти наброски оформлялись письмом. В переписке с новополтавцами разных областей Советского Союза, за каждой областью закреплялся пионерский отряд.

Единое руководство, я ведь был ещё и комиссар штаба красных следопытов, помогало быть в курсе всех событий в школе, оперативно направлять работу в нужное русло, освобождало учителей от излишней нагрузки. Я и сегодня считаю это правильным.

К семидесятому году сформировался постоянный коллектив учителей, преданных своему делу. Жили по принципу: «Прежде думай о Родине, а потом о себе». Роговой П.Ф. в свои 56 лет в мае в лодке перевёз за несколько рейсов через быстрый разлившийся Кебеж более 50 человек с учителями, которые отправились в поход на Каменный пол. Весь день караулил их возвращения, а вечером снова переплавлял обратно. Вот так частенько классные руководители и директор проводили свой день отдыха. А Кокорев М.М. до глубокой старости водил наших туристов в Саяны. Каждый делал все то, что он мог сделать лучше других. Анастасия Яковлевна более 40 лет обеспечивала и обеспечивает до сегодняшнего

дня (хотя ей уже 70 лет) костюмами для художественной самодеятельности учащихся и взрослых, которые всегда шила сама. Зинаида Алексеевна более 30 лет готовила и сейчас готовит танцы. Александра Федоровна радовала всех задорными частушками, а Галина Ивановна готовила чтецов-декламаторов, и сама хорошо читала со сцены. И остальные учителя умели применить в нужное время свои способности. Даже великая ноша, взятая по желанию, не тяготит и приносит удовольствие.

Успеху работы способствовало взаимопонимание руководства школы и профсоюза. Много лет председателем месткома работала, и очень удачно, Толстоноженко З.А. Её фотография постоянно была на Доске Почёта в райкоме профсоюза.

Мы умели не только творчески работать, но и дружно, весело отдыхать. Всегда вместе встречали Новый год, День учителя, дни рождений и награждения учителей. Проводилось все это на квартирах по очереди.

Чтобы не обидеть учителя-энтузиаста я применил систему отгулов за работу в выходные дни. Давал отгулы в каникулы или прибавлял к летнему отпуску. Так охотнее работали, все были довольны.

За успехи в различных областях деятельности школа награждалась грамотами района, края, республики и СССР. Первая грамота от ЦК ВЛКСМ и Министерства Просвещения РСФСР была вручена школе в 1945 году за большую помощь колхозу в уборке урожая. С 1945 г. по 1993 г. школа была отмечена 220 раз грамотами и дипломами. Из них с 1945 по 1969 г.г. - 12 раз, а с 1970 по 1988 г.г. – 197 раз. Это время моего директорства и работы нашего замечательного коллектива моих единомышленников. Спасибо вам, дорогие друзья, за вашу самоотверженную работу!

Продолжая работу по патриотическому воспитанию школьников, мы стали посылать к юбилейным датам командирам воинских частей, где служили наши призывники вот такие письма: «Уважаемый товарищ командир и весь личный состав, вверенной Вам части! Поздравляем Вас с шестидесятилетием Вооружённых Сил СССР и желаем крепкого здоровья, счастья и успехов в боевой и политической подготовке. Просим сообщить, как служитя нашему односельчанину (фамилия, имя, отчество). С уважением красные следопыты Новополтавской восьмилетней школы им. А.М. Егоровой. Директор школы Зыков». Поздравительные открытки посылали и всем нашим солдатам. Почти все командиры давали ответы. Торжественные проводы на военную службу, дружеская переписка давали хороший результат: демобилизованные воины в большинстве оставались работать в родном селе.

Нельзя забыть неблагоприятные проделки бухгалтерии сельсовета с расходованием средств бюджета школы. Школьное хозяйство я вёл экономно, бережливо. Часто главный бухгалтер отвечала, что денег на счёте нет. А 25 декабря меня вызывали и насмешливо, нагло улыбаясь, говорили, что неистраченные деньги передают в распоряжение сельсовета (это было обычно 1000-1200 рублей). Это был подлый настоящий сговор с РайФО. Позднее я узнал, что за сэкономленные таким образом деньги работники РайФО (да, наверное, и сельсовета) получали премии. Всё это делалось тайно. Подлость всегда подлость.

Сельский учитель должен быть народным трибуном, народным защитником. Наше поколение воспитано Белинским и Добролюбовым, Некрасовым и Короленко, Лениным и Островским в уважении к простым людям труда. Я более 40 лет был депутатом, последние годы перед разгоном Советов – районным. Более 40 лет был сельским корреспондентом, и газета помогала решать насущные вопросы сельчан.

Оказывается, депутат и селькор могли сделать многое, заставить руководителей повернуться лицом к народу. Однажды на выселке Майский пожарники опечатали кинопленку и были правы. Газета помогла. Печь быстро переделали, и население снова стало смотреть кино.

Немало пришлось написать писем в разные инстанции, помогая фронтовикам и ветеранам труда получать достойные пенсии. Когда удавалось, на душе становилось легче.

Осенью 1988 года я чуть раньше ушёл на пенсию по старости, совсем отказывало здоровье. Директором был назначен биолог Суругин Николай Викторович, проработавший со мной три года и видевший стиль работы школы. Ему, молодому специалисту, я оставил прекрасный коллектив.

Я ушёл, а душа осталась в школе. В 1989 году после инфаркта я едва в реанимации поднялся на ноги. Пришла меня навестись секретарь райисполкома по поручению руководителя района Терского Н.Я., разузнать о моём здоровье. На второй день он позвонил сам и спросил, чем может помочь мне, чтоб ускорить выздоровление. И я попросил у него трактор для школы, о котором я давно мечтал. Он ответил: «Нет проблем! Купим любой, колёсный или гусеничный». Я попросил всего Т-25, потому что более сильный мобилизуют в совхоз и весной и осенью, и нам тогда его не видать. Через несколько дней приехал домой, а в школьном дворе уже стоял Т-25. Такая забота руководителя тронула до слез и придала новые силы жизни. Кстати, он тоже был коммунистом.

Осенью 1991 года школа стала средней. А вскоре меня сразил инсульт. Отбился от смерти, но стал слепнуть. И снова звонит в больницу Терсков Н.Я., предлагая любую помощь. И снова я попросил необычное: «Школа наша теперь средняя, очень хочется обеспечить её грузовой машиной ГАЗ». Он помолчал и сказал, что сделает, только председатель сельсовета Пумбрасова В.К. пусть поторопится с покупкой, потому что все дорожает. Немало было у Пумбрасовой В.К. хлопот, но машину купили.

Я сделал все, что мог. Сейчас, когда обращаются, я помогаю добрым советом. А Анастасия Яковлевна, будучи на пенсии, приготовила с помощью учителей встречу 40-го и 50-го выпусков в школе, проводит беседы в школе и музее, даёт постоянные справки по истории села даже в районный архив. Более 30 лет бегаёт «савраской без узды». Звонят нам в любое время суток с разных мест с просьбой срочно сообщить родным: кто-то умер, кому-то надо на свадьбу, другого надо встретить. Звонят из Игарки, Германии – надо сходить и пригласить родственников к телефону. Звонят из Ермаковского телеграфа, когда нужно срочно доставить телеграмму, а почта работает только 3 дня в неделю. Тревожит и телефонная станция, когда не может пробиться к другим номерам. На нас надеются, нам верят. В любую погоду: дождь, снег, мороз, ветер – она идёт за полкилометра на край села и делает доброе дело. Таковы «мелочи жизни» сельского учителя. Я иногда шучу: «У нас в доме малая диспетчерская, а я слепой всегда у телефона»

Большим делом своей жизни считаю отделение от совхоза им. Щетинкина нашего села – фермы №3 снова в самостоятельное хозяйство. Вопрос бы так не стоял, если бы руководство совхоза не обманывало и не обжуливало новополтавцев самым бессовестным образом. Я тогда был депутатом райсовета и имел немалые полномочия. Три раза направлял я прошение об отделении Президенту СССР Горбачеву М.С., в Верховный и Краевой совет народных депутатов. Об этом меня неоднократно просили руководство фермы, депутаты, жители села, партийная организация. Район этого отделения не хотел.

Начальник Ермаковского с/хозуправления Гринь О.М. приехал на партийное собрание фермы и посоветовал одуматься. Тут произошло предательство. Управляющий Магда Б.Н., бывший управляющий (его отец) Магда Н.Ф., секретарь парторганизации Арсентьев В.А. и др., кроме трёх, проголосовали против отделения. А народ уже в битком набитом зале клуба бушевал. На собрании решили и утвердили отделиться. Исполком райсовета и крайсовета вынуждены были выполнить волю народа. Придравшись к мелочи, партком совхоза объявил мне строгий выговор.

Совхоз при разделе дал самую старую технику, пустил, как говорится без рубашки. Директор совхоза Гончаров В.К. хотел забрать всю землю за р. Солбинкой, 560 га с тремя доильными установками. Но мне, депутату райсовета, на совете РАПО удалось землю и дойки оставить за Новополтавкой, отстоять справедливость.

И так, с 1 марта 1990 года, образовался колхоз «Новополтавский». Председателем выбрали Картавцева Владимира Петровича, бывшего главного зоотехника Нижне-Суэтуковского колхоза «Маяк».

Я с ним договорился о строительстве типовой восьмилетней школы на 156 мест, была заказана документация. Душа радовалась: наконец-то в центре села будет красавица школа. Но ещё древние говорили: человек предполагает, а бог располагает. И ещё: добрыми намерениями вымощен путь в ад. Пришёл к власти Ельцин Б.Н. и взорвал всю Советскую систему жизни. О новой школе перестали даже мечтать.

Хочу вернуться назад. В то время был такой лозунг: «Живёшь на селе – владей сельскими профессиями!» Зимой 1961-1962 г.г. были в селе организованы вечерние курсы трактористов. Вёл их Тюленев Михаил Пантелеевич, бригадир тракторной бригады. Окончил он всего 4 класса, но трактор знал отлично. Я и Гармашов Н.К. успешно окончили теоретический курс и по 5 воскресений прошли практику на гусеничных и колёсных тракторах. У меня наставниками были лучшие трактористы фермы Попов Николай Митрофанович и Тюленев Сергей Пантелеевич. Учёбу закончили на отлично и получили права тракториста III класса. Это поднимало авторитет учителей в глазах населения.

В течение 15 лет я был политинформатором на животноводческой ферме. Ходил в обед по пятницам еженедельно. Собирались все работники двух гуртов в красном уголке и вели беседу 30-50 минут. Говорили о политике страны, об удачах и нуждах села и района, о домашних и школьных заботах. У всех в школе учились дети, и родители каждую неделю узнавали от меня об учёбе и дисциплине своих детей. Правда здорово получалось? После политинформации приходилось иногда идти к управляющему Магде Н.Ф. и требовать устранить недостатки, особенно это касалось нормального освещения. Такой постоянный контакт с рабочим людом усиливал уважение к школе, учителям.

На долю Сутугина Н.В. досталось немало новых забот. Пришлось переделать, уменьшив, теплицу. Школу перевели на электрический обогрев. Администратор села Пумбрасова Валентина Константиновна потратила много сил и старания, чтобы добыть средства, на которые заново перекрыли крышу крупно волновым шифером, отделали изнутри школу вагонкой и хорошо украсили. Теперь внутри школа стала иметь приличный вид. Удалось и осуществить проблему питания школьников. Перевезли школьный дом, который я ещё покупал, во двор школы и устроили приличную столовую, свою.

После 1989 года по сентябрь 2001 года завучами школы по учебной работе была моя дочь Зыкова Евдокия Валерьевна и невестка Зыкова Марина Евгеньевна. Они отдавали все силы, чтобы сохранить работоспособный коллектив, чтобы школа не теряла завоеванных высот. Обе они биологи-химики и много сил вкладывали в организацию работы пришкольного участка.

Кстати, о работе на участке. Она была у нас организована хорошо, но и тут бывали пробелы. Учитель постоянно должен следить за своим местом на участке, своей позой, даже за выражением лица. Я частенько приходил на участок с фотоаппаратом. Однажды для альбома сделал несколько снимков. Дети убирали картофель. Работа была хорошо организована, шла споро. Вечером проявил плёнку и стал печатать. Одна из фотографий меня поразила удачно схваченным моментом. Руки в боки, таким фертом, спиной ко мне стоит Николай Константинович. Чуть дальше Виктор Николаевич что-то сердито говорит мальчишке, согнувшемуся под тяжестью большого ведра с картофелем. К большой куче подходят другие дети и высыпают картошку из вёдер. Утром принёс фотографию в школу, показал учителям после уроков. Подписал: «Рабский труд на пришкольном участке». Оба рассердились и хотели фотографию порвать, но негатив-то у меня оставался. Когда обида у них немного улеглась, все пришли к одному мнению: учитель у всех на виду и должен всегда следить за собой. Быть настоящим учителем очень и очень нелегко.

В 90-е годы был нанесён мощный удар по профсоюзному движению вышестоящими чиновниками. В нашей школе распалась профсоюзная организация, как и во многих других школах района. Месяцами не выплачивалась зарплата, а защитить учителя теперь было некому. Доведённые до отчаяния учителя нашей и нескольких других школ перекрыли у моста через р. Оя стратегическое шоссе №54 Абакан-Кызыл. Собралась милиция, приехал администратор района Попов В.В., бывший заведующий РОНО. Увидев завуча Зыкову среди

учителей, ей приказали немедленно уйти, иначе её арестуют, но она товарищей не бросила. Потом от неё требовали написать объяснительную, но она отказалась: это было незаконно. Так кто-то старался вбить клин между администрацией школ и коллективами. Снова создали профсоюзную организацию в нашей школе. Огромную работу по усилению профсоюзного движения за права учителя ведёт председатель Крайкома профсоюза учителей Косорынцев. Низкий ей за это поклон и глубокое уважение.

Да, чуть не забыл. В больших политических мероприятиях страны, выборах, переписи населения, учителя всегда активно работали, ведь более культурных и грамотных людей на селе не было. Зимой 1959 года я решением исполкома райсовета был назначен инструктором по переписи населения. После тщательного инструктажа в районе во всех сёлах приступили к переписи. Мне пришлось работать в Новополтавском и Нижне-Суэтуковском сельсоветах. В восьми населённых пунктах работали 4 счётчика, подконтрольных мне. Совхоз выделил хорошего коня с кошёнкой и кучера Волика (Всеволода) Гармашова. Проводил во всех деревнях со счётчиками подворный обход, тщательно проверяя данные опроса. Добраться до Нижнего Суэтука можно было с Павловки через Белецкое, Арбузовку, Ульяновку по заснеженным логам только на коне. Ездить приходилось даже в 45 градусные морозы. А всего мой участок от Березовки до Нижнего Суэтука протянулся на 25 км. Молодость, здоровье и чувство долга помогали все делать хорошо и вовремя.

В 1982 году 19 мая в день 60-летия пионерской организации имени В.И. Ленина на слёте пионеров Ермаковского района мне, Анастасии Яковлевне, Зинаиде Алексеевне повязали пионерские галстуки и присвоили звание почётных пионеров районной пионерской дружины им. Зои Космодемьянской. Это высокое звание присвоили всего восьми учителям района.

26 ноября 1994 года в день празднования 70-летия со дня образования Ермаковского района мне и Анастасии Яковлевне вручили Памятные адреса и удостоверения о присвоении звания «Почётный житель села Новополтавка». Нас оказалось двое.

Весной 1999 года в Ермаковском проходили курсы повышения квалификации учителей биологии и экологии «Современные проблемы экологического образования». Проводил курсы Александр Сергеевич Новобранцев, старший преподаватель кафедры методологии предметов естественно-научного цикла красноярского Института повышения квалификации работников образования, кандидат педагогических наук. Через биолога школы Зыкову М.Е. он попросил у меня разрешения привести всю группу слушателей, 25 человек, ко мне домой, чтобы я рассказал им об интродукции растений на моем приусадебном участке и в школе, и в селе за 45 лет моей опытнической работы. Беседа длилась более двух часов, хотя говорил-то больше я о привезённых из разных мест растениях и их акклиматизации в суровых сибирских условиях. Спасибо жене, что меня слепого одёрнула, а то я бы мог рассказывать до утра. Угостили желающих морсом из лимонника и кофе из желудей дубов нашего сада. А дубам уже по 40 лет. Потом пошли все гости в сад, и желающим Анастасия Яковлевна накопала лиан лимонника. Эта редкостная в наших местах лиана очень выносливая, выдерживает даже 50 градусный мороз.

Новобранцев А.С. и члены РМО учителей биологии в гостях у Зыкова В.И. 1999 г.

В 2000 году была отпечатана на 19 страницах машинописного текста «Интродукционная книга села Новополтавка Ермаковского района Красноярского края»,

составленная Зыковой М.Е. по результатам исследовательского проекта НОУ Новополтавской СОШ. Материалом послужили многолетние метеорологические наблюдения учителя Кокарева М.М. и результаты работы с растениями учителей Зыкова В.И. и Зыковой А.Я.

Летом 2001 года учителя-биологи Зыкова Марина Евгеньевна, Лариошкина Евдокия Валерьевна и 5 учащихся нашей школы: Варзин Витя, Толстоноженко Наташа, Мишина Наташа, Сутугина Наташа и Руденко Ульяна приняли участие в эколого-валеологической экспедиции, организованной тем же Новобранцевым Александром Сергеевичем в рамках проекта кафедры методологии естественно-научных дисциплин ИПКРО Красноярск «Образование на природе». Об этом подробно написано в статье «Учимся жить в гармонии с природой» Е.В. Лариошкиной (учителя биологии школы №1 с. Ермаковское), которая напечатана в районной газете «Нива» за 2 ноября 2001 г. В конце 2001 года проходил Краевой конкурс юных исследователей

*В экспедиции на озеро Иткуль. 2001 г.
(Толстоноженко Н., Варзин В., Зыкова М.Е.,
Мишина Н., Сутугина Н., Руденко У.,
Лариошкина Е.В.)*

окружающей среды на базе станции юных натуралистов города Зеленогорска. Туда были приглашены учащиеся и учителя биологии Новополтавской, Ойской и Танзыбейской средних школ нашего района. Работа там велась по секциям. В секции ботаника и экология наша Руденко Ульяна под руководством Зыковой Марины Евгеньевны заняла первое место, ойские заняли третье место, а танзыбейцы работали в секции охраны окружающей среды и заняли второе место. Успехи ученицы в таких крупных соревнованиях вызывает у неё уверенность в себе, прилив новой энергии в овладении знаниями. Школа гордится такими учениками, и родители тоже гордятся: ведь Ульяна опередила соперников из лучших школ края. Коллектив учителей послал её родителям приветственный адрес.

Волею судьбы попал в школу врач-кардиолог высшей квалификации Майоров Сергей Иванович, сын моей ученицы в 1947-1948 г.г. Любы Толстоноженко. Вот так непостижимым путём иногда дети возвращаются на место жизни и учёбы родителей. Это очень интеллигентный, скромный и уважительный человек. Сам увлекался альпинизмом и туризмом, увлёл ребят. Хорошо владел видеокамерой, оставил много интересных фильмов. Результат работы нового учителя (он вёл физкультуру и кружок альпинистов) не замедлил сказаться. 28 апреля 2000 года в районных соревнованиях «Школа безопасности» наша команда под руководством Сергея Ивановича заняла по этапам эстафет 1, 2 и 3 места. В соревновании «Школа выживания» команда заняла 2 место. В этом же году в рамках Заочного туристского чемпионата был совершён поход в Саяны, в Ергаки, группой в 17 человек. В июне 2000 года в Красноярске проходил туристический слёт по заочному пешеходному туризму. Наша команда заняла 2-е место (первое не присуждалось). 22-23 сентября 2001 года в районных соревнованиях по технике пешеходного туризма наша группа заняла 3-е место. Вот что может сделать любой увлечённый учитель.

Теперь, на досуге, все чаще вспоминаю мудрые слова: «Человек сам кузнец своего счастья». Сколько раз мы по глупости, по молодости, а больше всего по незнанию можем не только испортить себе жизнь, здоровье, а даже и погибнуть, было и в моей жизни несколько таких случаев. Осенью 1945 года на первом курсе института мы получали по 220 рублей стипендии. Меня решили подкормить – ведь были ещё хлебные карточки по 500 граммов на

студента, и профком во главе с Алисой Ланиной выделил мне на месяц талоны УДП (усиленное добавочное питание): это раз в день 100 граммов хлеба, порция жидкой каши и стакан сладкого чая. Острые на язык студенты переводили УДП так: «Умрёшь днём позже». Вскоре меня назначили лаборантом военного кабинета за 240 рублей в месяц. Жить стало полегче. Военный кабинет был богат: пулемёт танковый Максим, крупнокалиберный пулемёт ДШК, ручные пулемёты, автоматы, винтовки системы капитана Мосина 1891 года и более поздних выпусков, ручные и противотанковые гранаты, костюмы химзащиты и аптечки. Особое внимание привлёк пистолет ТТ. У всего оружия были спилены бойки. В мои обязанности входило чистка оружия и содержание в образцовой чистоте хранилища. На занятия по военному делу я доставлял оружие и снаряжение из подвального хранилища на второй этаж и обратно. Часто в тире все студенты проводили стрельбы из мелкокалиберной винтовки. Военное дело вёл старший лейтенант Уткин Виктор Иванович, получивший на фронте два тяжёлых и два лёгких ранения. До войны он окончил Ленинградский институт физической культуры им Лесгафта. Он как-то умудрился восстановить боек пистолета и стал учить меня стрелять. Патронов было много, подходили автоматные. В городе по вечерам стала пошаливать шпана, кого-то избивали, подкалывали. Что мне взбрело в голову, но только однажды вечером я вставил полную обойму, сунул пистолет в правый карман брюк и пошёл в центр города. Вскоре на тротуаре увидел кучку шпаны. Кто ведаёт, узнали ли меня, лаборанта, или испугались моего сильно решительного вида: плечо вперёд, рука сжимает в кармане что-то тяжёлое (курок был взведён), но только они расступились. Я гордо прошёл между ними, но, если бы напали, стрелял бы. Прошёл, а спину обдуло холодом, в голове промчалась мысль: «Дурень ты, отчаянный дурень, ведь они тебя самого могли запросто кокнуть». Прошёл до центра, по противоположной стороне дошёл до института, разрядил пистолет и спрятал на место. И больше юношеская бравада, форс никогда не могли взять верх надо мною. А ведь у многих мальчишек есть болезненная тяга к оружию. Вспомните поджоги, пугачи, ключи с селитрой. Ещё Высоцкий пел: «Где твой чёрный пистолет? На Большом Каретном». А мне тогда было только 17 лет. А мог бы за незаконное ношение оружия загреметь в тюрьму. До сих пор рад, что не искалечил свою судьбу.

А вот ещё один пример моей горячности и азарта охотника. В октябре 1946 года нас троих студентов сняли с занятий и послали на заимку грузить сено, чтобы вывезти по малому снегу. Я взял с собой малопульку и патроны. Возле домика был густой молодой сосняк с шишками. На второй день утром, выйдя из избушки, услышал цвирканье, глянул, а в сосняке белки лакомятся шишками. Забежал в избушку, зарядил пятизарядную ТОЗ-8 и чуть не с порога убил белку, потом ещё трёх. Шкурка вылиняла полностью, линиял только хвост. Стрелял и тут же перезаряжал. Убил пятую, перезарядил. Белка упала на ветку, и я подумал: «Вот и пятая». А она стремительно взлетела на вершину сосны. Выстрелил снова, и снова, она упала на ветку. «Ну, теперь все», - мелькнуло у меня в голове. А она снова вверх. Патроны кончились, и я снова заполнил магазин патронами. После пятого выстрела она упала на высокую ветку и больше не шевелилась. Я ударил прикладом по стволу. «Пиу!» – пропела у виска пуля. Белка упала, а у меня руки и ноги стали ватными, тепло обдало жаром: «Не торопись милый!» Чуть себе пулю в лоб не вlepил. Желание охотиться исчезло. Постоял, подобрал добычу и побрёл в избушку, едва переставляя ослабевшие ноги. Товарищи мои, услышав о происшествии, сказали: «Никогда не думай, что зверя убил: оживёт. Таково охотничье поверье». Видно, что-то в этом есть. А я понял: «Не стучи заряженным ружьём по стволу, торопись медленно. Поспешность нужна лишь при ловле блох, и то мелких, и мокрыми пальцами». А белок товарищи ободрали. Последняя была пробита пятой пулями. Сварили и съели. Вкусное мясо отдавало кедровыми орехами. Так моя милая добрая судьба снова улыбнулась мне, сохранив жизнь.

У Пушкина летописец Пимен говорит: «На старости я сызнова живу, минувшее проходит предо мною». Мой внук Саша Зыков интересовался моим детством, годами учёбы. Он выполнил историческую исследовательскую работу «Сельский учитель» на конкурс «Человек в истории. Россия – XX век», где записал мои воспоминания о былом.

И ещё в назидание потомкам хочу рассказать, как я обуздал свою гордость и ликвидировал зазнайство своё. В 1947 году в декабре готовились провести денежную реформу. Деньги были очень дешёвые, ходило много фальшивых. Очень обогатились спекулянты продуктов и вещей. Подбросили фальшивых денег и иностранные разведки. В ночь с 31 декабря 1947 год на 1 января 1948 года старые денежные знаки потеряли силу. Перестали принимать денежные вклады в сберкассах и банках. Реформа прошла в зачётах 10:1, хотя в сберкассах вклады до 1000 рублей меняли 1:1. Работающее население почти не пострадало, жили-то от зарплаты до зарплаты. Но кое-кто пытался на этом нагреть руки. Зарплата с 1 января понизилась в 10 раз, но и цены упали в 10 раз. В середине января неожиданно приехал зять моей хозяйки бабы Саши председатель Партизанского райисполкома Войтович Николай Сергеевич. Раньше я его никогда не видел. Это был высокий красивый интеллигентный человек лет 25. После фронтового ранения хромал. До войны после окончания историко-филологического факультета учительского института он работал учителем в соседней Буланке. Пробыл он несколько дней, взял у стариков денег и уехал в Москву на встречу с председателем ЦКК партии Шкирятовым. Оказалось, что при реформе он «погорел»: пытался спасти деньги друзей, об этом узнала прокуратура. Его сняли с работы и исключили из партии, хотя сам он не обогатился. В партии его восстановили. Тогда суд и прокуратура действовали быстро и решительно, но справедливо. В конце февраля он приехал совсем, с женой и двумя детьми. Мне подыскивали другую квартиру. Часто мы с ним играли в шахматы. У него был первый разряд, я редко выигрывал. Однажды проиграл ему подряд две партии, начали третью. Он, лениво развалясь на полу, снисходительно улыбался и что-то напевал. Скоро близился мне мат. Он шутил, а я злобствовал. Меня охватила ярость от моего бессилия в игре. Но я сдерживался и громко читал стихи Маяковского. Уж его-то я знал хорошо! И тут мой разгорячённый мозг сфальшивил: «Я подниму, как большевистский партбилет, все тысячу томов моих партийных книжек». Ляпнул и тут же мелькнуло: «Сто!»

Войтович мягко поправил:

– Сто.

– Нет тысячу!

– Сто.

Я чуть не плакал, но упрямо стоял на своём, зная, что ошибся. Тогда Войтович снисходительно показал рукой на полку и сказал:

– Возьми Маяковского и прочитай.

Моё самолюбие было растоптано, моя внутренняя гордость выла по-волчьи. Я готов был разрыдаться. Это я-то, всезнающий, ошибся! Урок был жестокий, но справедливый. Больше я не спорил ни с кем больше двух раз, даже, когда был прав. Тем убедительнее потом оказывалась моя правота. Даже теперь, вспоминая об этом случае, мне стыдно. Зарвался, мальчик! Не один раз рассказывал о своём позоре ученикам и учителям, уча их сдержанности в споре. Всегда надо помнить, оценивая себя, что цена человека равна величине дроби, где числитель – это то, что думают о тебе люди, а знаменатель – это то, что думаешь о себе сам. Чем больше знаменатель, тем меньше дробь.

После объединения всех колхозов сельсовета в Новополтавке организовали племенную конеферму. Лучших лошадей привели из Павловки. В Каратузе купили племенного орловского рысака Мифа. На бегах в Красноярске (наездник Магда Михаил Максимович) Миф занял второе место. Шли пятидесятые годы, годы бурного развития коневодства. Всю основную работу в колхозах выполняли кони: пахать и сеять, косить траву и свозить сено к стогам, а зимой – домой, убирать хлеб, возить навоз на поля и т.д. Незаменим конь был для различных поездок. Это был единственный вид транспорта. В школе организовали кружок юного коневода. Ребята с удовольствием ухаживали за жеребьями. Чистили пригоны, возили корма, гоняли табун на водопой, конечно, верхом. Это замечательное удовольствие покататься и тянуло их к лошадям. Летом работали волокушниками-копновозами. В сенокосную пору все взрослые и мальчишки с утра

допоздна были на покосе. Уставали очень, зато какое было удовольствие мчаться домой с ветерком наперегонки. Бригадир сердился: кони устали, а ребятам хоть бы что. Однажды произошла трагедия. Был у школьной уборщицы Марии Крюк 10-летний сынишка Вася, парнишка с добрым лицом, светловолосый, вечно облупленным от жары курносый носиком. Однажды мальчишки помчались наперегонки. Под Васей была самая быстроногая кобыла Летка. Вот она уже вырвалась вперёд, обогнав всех. Вася обернулся и радостно закричал: «Обогнал!» В это мгновение кобыла споткнулась, перевернулась и рухнула на не успевшего соскочить мальчика, раздавив его. Летка вскочила и заржала. Подбежали соскочившие с подъехавших подвод люди. Помочь уже ничем не смогли. Вася был мёртв. В селе тогда был один телефон в сельсовете. Утром директора школы Рогового П.Ф. вызвали в прокуратуру, и прокурор решил отдать его под суд за гибель мальчишки. Спасибо райкому партии и райисполкому, вмешались и остудили пыл прокурора: школьник был на каникулах, а директор Роговой П.Ф. – в отпуске и отвечать за его жизнь не мог. Много тогда прибавилось седины у Павла Фёдоровича. Запретили брать детей на покос, но кто же будет возить волокуши? Кое-как район разрешил детям работать вместе с родителями, а скачек больше не устраивать. Хоронили Васю всем селом, в каждом сердце болью отозвалась его гибель. А кружок юных коневодов приказали распустить и ребят без сопровождения родителей на конный двор не пускать. Но сделать это было очень трудно: их тянула туда неведомая сила. Мы с директором были обязаны ходить по очереди на конный двор, руководство наказывало конюхов, и за несколько лет отучили. А жаль. Весьма жаль. Моим сыновьям повезло больше: дедушка был конюхом, а потом старшим конюхом стал дядя Ваня (брат моей жены). Они научились ловко ездить верхом, управляться с упряжью, управлять тройкой (а это не так просто), обучать молодняк. Это потом им крепко пригодилось.

В конце восьмидесятых годов руководство школы решило избавиться от коня: возле школы была водопроводная колонка, дрова уже не возили, а коммунальные выдавали деньгами, а на коня нужно было накопить 12 возов сена, ухаживать за ним, а летом организовывать пастьбу. Я купил своего старого друга, так как в селе уже более 50 хозяйств имели своих личных коней. Лысан стал нашим помощником и любимцем семьи. Внуки с трёхлетнего возраста с удовольствием катались на спокойном, добром рысаке, да и чужие ребята тоже испытали это удовольствие. Подросли и стали выполнять на коне посильные хозяйственные работы. Однажды Лысан помог спасти от отравы колхозные поля. Стало известно, что большой табун кобыл и молодняка из соседнего района пасётся на нашем овсяном поле, а пастухов нет. Младший сын Михаил (работал бригадиром) вместе с двумя парнями оседлали коней и поехали спасать хлеб от отравы. Не так-то просто было оторвать табун от лакомой еды, овёс уже налился. Ударили в бичи и вывели табун на дорогу. Миша на Лысане поспешил вперёд и повёл табун. А сзади с боков с гиканьем и свистом, хлопая бичами, мчались его напарники. Больше 10 км шла эта скачка. Надо было видеть это необычное зрелище мчащихся взмыленных коней – настоящий вихрь. Лысан, а за ним весь табун влетели в открытые ворота пригона. И ворота закрыли. Чем мы хуже американских ковбоев? Так нашим ребятам пригодилось в жизни умение владеть конём и знание конских повадок. Когда умер дядя Ваня, страстный любитель лошадей, всю жизнь отдавший уходу за конями, наш Миша организовал его похороны по-особому, на лошадях, выполнив его завещание. Так мы старались чтить человека и после его смерти.

Интересна история Ивана Меркушева. Августовским жарким днём стоял я в палисаднике у яблони, увешанной плодами. Возле меня остановился не по возрасту крупный мальчишка. На голове у него была шапка с опущенными ушами. По лбу стекал грязный пот. Говорит:

– А я эту яблоню обдеру.

Я ему сказал:

– Зачем драть? Поспеют – приходи, досыта накормлю.

– Все равно обдеру.

– Ты где живёшь?

– На Майском (это была бедная деревенька от нас в девяти километрах. Там не было ни одной яблони).

Он засмеялся и пошёл. Дерзость юнца меня обидела. 1 сентября была общешкольная линейка. Я тогда был завучем, а Иван пришёл в пятый класс и стал жить в интернате. Увидев меня, он испугался за свою дерзость. Через полмесяца как-то шёл он мимо моего дома. Я подозвал его и велел снять шапку. С того самого дерева я наполнил её спелыми ранетками Мелина и сказал: «Никогда и нигде ничего не бери, а лучше спроси. Съешь – приходи ещё». Но он так и не пришёл больше, уел стыд за свою дерзость. Учился он трудно. Я преподавал тогда русский язык и литературу. В первом диктанте он сделал 24 ошибки. Как его перевели, я не знаю. Надо было его вернуть в 4 класс назад, а было жалко. И начались мои сидения с ним после уроков до 4-5 часов, оба без обеда. Писал все новые и новые упражнения, а грамотность почти не улучшилась. Иногда я сердился, кончалось терпение, а он со слезами просил: «Дайте ещё упражнение». Его терпеливость и желание учиться подкупали меня. Трудно давался ему русский язык. К тому же при волнении он ещё и заикался. Но к концу года все одолели, стал писать на 3. В 16 лет окончил семилетку. Отслужил во флоте, окончил институт и стал впоследствии главным инженером крупного завода на Дальнем Востоке. «Заруби» я его по русскому языку в пятом классе – и не состоялся бы талантливый инженер, который терпением и трудом все преодолел. Закончил он школу в далёком 1959 году.

Вспомнился ещё один неприятный случай. Роговой П.Ф. периодически ездил в Томский ФТИ для профилактического лечения, а меня оставлял за себя. Печать и штамп он частенько хранил просто в ящике стола в учительской незапертыми. Я делал также. Это было летом 1964 года. Я писал справедливые характеристики на учеников своего 8 класса и ставил штамп и печать. Двум подружкам не понравилось, что одной написал: «На неё дурно влияет другая». Они попросили эту фразу из характеристики убрать, так как хотели поступать в одно училище. Я отказался. А утром обнаружил пропажу штампа и печати. Как кипятком обварило. Подумал и понял, кому это было выгодно. Срочно вызвал родителей девочек и сказал: «Немедленно принесите печать и штамп. Характеристику перепису. В противном случае через 20 минут звоню в милицию». И что вы думаете? Через 17 минут прибежала запыхавшаяся мать и принесла штамп и печать. Боязливо спросила:

– А вы в милицию уже звонили?

– Нет.

Она облегчённо вздохнула:

– Ох, деточки, деточки...

При беседе девочки объяснили, что брат одной из них поздно вечером выставил одинарную раму, залез, взял печать и штамп, вылез и поставил раму на место. Девочки покались, и я дело в милицию передавать не стал. Вот к чему привела необдуманно написанная фраза.

КАК МЕНЯ СУДИЛИ

В 1962-1963 учебном году в 5 классе училась Гузенко Лида. Ей уже шёл пятнадцатый год, а она осталась на осень по математике, но заниматься осенью не приходила и на экзамен не явилась. Её оставили снова в пятом классе. А девочка была уже большая, следила за собой, ходила опрятно, выщипывала брови, дружила с мальчишками. В 5 класс садиться ей видимо было стыдно, и она в школу не пришла. В конце сентября школа стала ходить на уборку колхозного картофеля. Лида тоже стала ходить. Картофель убирали после картофелекопалки. Каждый приходил с ведром. День был жаркий. После работы ученики весело шли домой. Дорога от Шишкиного яра шла под уклон. Я с женой и Александрой Фёдоровной ехал сзади на мотоцикле ИЖ-ЮК-1. Догнал и стал сигналить. Дети расступились, пропуская нас. Ехал-то я тихонько, на первой скорости. Вдруг слева на -перерез мотоциклу метнулась Лида с ведром. Я круто взял вправо и чуть не перевернулся на бугре. Затормозил, но в это время девочка столкнулась с коляской. Ведро, ударившись о коляску, перевернулось и концом загнутой дужки ударило в кость щиколотки. И нарочно

захочешь, но так не попадёшь. Лида упала в пыль. Я поднял еде, усадил в коляску и повёз в медпункт. Там ей вымыли ногу, смазали щиколотку йодом и посоветовали делать соляные ванны. Я отвёз девочку домой. Мне было очень неприятно, неловко и жалко девочку, но я в этой беде был не виноват. Одно понял: ребята пешком – и ты иди пешком вместе с ними. А торопился раньше приехать на поле, чтобы измерить им участки. Вызвал ГАИ. Инспектора придиричиво все измерили, просмотрели на месте происшествия, осмотрели мотоцикл, проверили тормоза в действии. Решили, что правила дорожного движения я не нарушал, и оставили мне права. Через два дня повёз Лиду на рентген. На щиколотке оказалась маленькая трещинка. Нога подпухла. Лида ходила с костылями. Село зашумело. То один, то другой укоряли меня в бездушности, особенно трактористы и шофёры. Даже директор говорил: «Ну, как ты мог?» Всем им я терпеливо говорил, смиряя возмущение: «Пусть с вами такого не случится». Через неделю встретил меня Сергей Тюленев, наиболее жёстко осуждавший меня, но мужик он был справедливый и прямой. Часто он похаживал к Лидиной матери. По деревне шёл слух, что Лида не ходит, тяжело болеет. Сергей говорит: «Иду я мимо окна и вижу, Лидка сидит за столом у окна и что-то пишет. Я – в дом. А она лежит на кровати и стонет, говорит, что болеет, встать не может. А я подошёл к столу и возмутился: что ты, бессовестная, врёшь, вон ещё чернила не высохли, ты любовные песни писала. А ты меня, Валерий Иванович за мою ругань прости, ошибся».

А через несколько дней и Роговой П. Ф. П. признался: «Сегодня еду на своём мотоцикле «Урал» по Ермаковскому, и вдруг из переулка на велосипеде выскочил мальчишка. Я только тормознул, а он ударился о коляску и упал с велосипедом вместе. Все во мне замерло: «Беда, ГАИ, разбирательство, суд. Тебя мигом вспомнил, а мальчишка вдруг вскочил, на велосипед и в переулок. Все обошлось, а до сих пор не могу прийти в себя». А я только и сказал ему: «Издавна говорят на Руси: от сумы да от тюрьмы не зарекайся. Побывали и Вы на моем месте».

Вскоре народ узнал о Лидиной симуляции и перестал ей сочувствовать. Зажила у неё нога и, прихрамывая, стала она по вечерам ходить гулять. Внезапно в начале ноября на заседании исполкома сельсовета зачитали требование прокуратуры района лишить меня депутатской неприкосновенности для возбуждения уголовного дела: Мать Лиды подала гражданский иск, желая сорвать с меня хороший куш. Исполком отказал. Через неделю – снова требование прокуратуры и снова отказ. Депутаты страшно возмущались, защищая меня. И только после третьего требования меня лишили депутатской неприкосновенности и завели уголовное дело. Несколько раз вызывали к следователю прокуратуры Лавриненковой, которая взялась за дело очень рьяно. Она взялась меня как-то стращать, что мне грозит большой срок заключения, говоря, что девочка очень больна, ходит на костылях. Потом сунула мне справку Минусинской медицинской экспертизы, отпечатанной на грубой обёрточной бумаге размером 10 на 12 см. В ней говорилось, что был двойной перелом лодыжки. Я тогда усомнился в этой фальшивке, но она перла на меня во всю мочь. Я подписал, что со всеми документами дела ознакомился. В конце декабря вызвали снова. Прокуратура была расположена на втором этаже. Вдруг вижу: сверху весело, прыгая через ступеньку, спускается Лида, держа костыли подмышкой, а за ней, довольно улыбаясь, шла её мать. Они меня не видали. Я громко произнёс: «Да-а-а, ножка-то болит. Обе смутились, а я прошёл наверх. Возмущённый зашёл к зам. прокурора Евстафьевой и сказал: «Поглядите в окно, там больная без костылей идёт». Она посмотрела и смутилась. А я пошёл к следователю. Она торопила меня ещё раз ознакомиться с делом и снова подписать. Я ожидал какого-то подвоха и внимательно просматривал каждый лист. И вдруг заметил, что на своём месте нет документа экспертизы о двойном переломе. Посмотрел ещё раз и нашёл место вырванной справки и оставшийся в подшивке корешок. Небрежно спросил: «А где же справка о переломах?». Она ответила: «Никакой справки не было». Тогда я раздвинул листы и показал корешок злополучной справки: «Эх вы, следователь Лавриненкова, не умеете использовать фальшивки». Глянул, а у неё глаза какие-то белые, а лицо красное-красное, почувствовала, что попалась.

Вышел из прокуратуры, а навстречу главный редактор газеты Репин Г.Т. Возмущённо ему все рассказал, а он сразу не поверил. Метров через 50 встретил третьего секретаря райкома Виноградова Г.Н. и ему все рассказал. А на крыльце «белого дома» увидел председателя райисполкома Скугарева И.В. Узнав о моей беде, он посуровел и пообещал срочно разобраться. Утром мне в школу позвонили, что Лавриненкову с работы убрали. Так могли быстро и чётко тогда работать. А суд надо мной все же в конце января состоялся. Мать Лиды, используя родственные связи в милиции, а Лавриненкова была дальней родственницей милиционеру, заявила, что просидела возле больной девчонки три месяца. Зарплата у неё 82 рубля. Я должен заплатить ей 246 рублей по гражданскому иску. Судья Стрельникова Раиса Андреевна была страшно возмущена наглостью истицы, но сдержалась и стала расспрашивать:

– Вы кем работаете?

– Дояркой.

– А какой у вас есть диплом, что кончили?

– Ничего не кончала, никакого диплома нет.

Тогда судья возмутилась:

– Так за что же вы хотите ограбить человека? Обсчитайте ей по 28 рублей в месяц по низкому разряду. Валерий Иванович, заплатите ей 84 рубля.

Я расплатился. Ещё до суда судья посоветовала мне нанять за 25 рублей адвоката из Красноярска, которая стояла здесь же, иначе эти люди могут по судам затаскать. Кстати, деньги тогда были очень дорогие: за один американский доллар давали всего 61 советскую копейку. Присудили мне ещё и год принудительных работ по месту службы с вычетом 25% зарплаты, но до сих пор не знаю, в чем я виноват и за что платил. А судья мне говорит: «Надо было после аварии принести им баночку варенья и десятку денег и отдать при людях, т.е. оказать помощь. Тогда никакого бы суда и не было». Через полгода директор Роговой П.Ф. предложил мне написать заявление в МинЛаг о помиловании и снятии судимости, но я категорически отказался, не чувствуя вины. Но, видимо, он сам написал за меня просьбу и характеристику, помог райисполком, потому что больше я принудку не платил и судимость сняли, восстановили депутатом, потому что сельсовету нужна была моя активная работа. А я из всей этой горькой истории вынес одно: неизмерима глубина подлости человеческой.

Одно время нам все не везло на физруков. Их сменилось около десятка. Приходят после педучилища, а весной их забирают в армию. Тогда физкультуру ведут классные руководители и зачастую не хуже: ведь все занятия проводились на улице. Лыжи, кросс, бег на 60 метров, лапта, прыжки... Ребята при занятиях на стадионе были намного сильнее, здоровее. Весной 1974 года позвонил зав. РОНО Лазарев М.М. и попросил временно принять на работу физруком Терентьева Ю.В. из вспомогательной школы. Его вызвали на офицерскую переподготовку на два года, уволили с работы, а с документами вышла задержка. Он остался без средств существования, ожидая отъезда. Я провёл с ним инструктаж, как себя вести, чем заниматься на уроках в школе, где нет физкультурного зала, предупредил о корректном обращении с учащимися. Прибыл он к нам 4 мая, а уже 22 мая сорвался.

Заканчивался урок. Я наблюдал через окно в учительской, как семиклассники попарно бегали со связанными скакалками ногами. Смех, весело. Ваня Трофименко замешкался, развязывая скакалку. Учитель быстро дёрнул её и ударил ею мальчика. У нас в школе такой позор был впервые. Ваня от стыда и боли заплакал и побежал домой. Отец Вани, крупный крепкий боец – гроза всего села, суровый, но справедливый, за своего сына готов был ринуться в огонь и в воду. Я с ужасом представил себе, что сейчас будет, как поступить.

Позвонил в район и все объяснил заведующему. Тот вскипел: «Немедленно увольняй с работы!» Вошёл в учительскую как ни в чем небывало Терентьев. Я возмущено стал делать ему внушение, а он равнодушно ответил: «Ничего особенного». Я понял, что в своей школе

он часто рукоприкладствовал. Объявил ему об увольнении и кое-как убедил его уйти поскорее через огород: разозлившийся отец прибежит и его изуродует.

Через несколько минут услышал шаги быстро идущего человека. Распахнулась в учительскую дверь и ворвался взбешённый Пётр. Глаза его налились кровью и дико вращались.

– Где он? – закричал родитель.

Я ответил твёрдо:

– Я его уже уволил и выгнал из школы.

Он как-то сразу угас и сел на стул:

– Да разве можно так сразу жёстко наказывать?

– Можно и нужно. Трогать детей никому не позволено.

Слух об этом случае и его результате мигом разнёсся по селу и только увеличил авторитет школы за справедливое решение. Чешутся руки – почеси их о дерево, сдержи свой гнев на проказника и шалуна. Не прикасайся и не стучи указкой по голове, не швыряй ключи в сторону ученика, не поддавай пинков в укромном месте. Если не можешь владеть собой, то собирай котомочку и распрощайся со школой. Теперь особенно строго соблюдаются права ребёнка.

Наша школа всегда славилась своим дружным коллективом, дружелюбным отношением друг к другу, желанием помочь. Но однажды и у нас случилось ЧП. Мы сидели в учительской за своими столами. Внезапно одна из учительниц из-за какого-то пустяка вспылила и высказала «обидчице» в гневном порыве все, что о ней думала, вспомнила каждую неприятную мелочь. Крик и бабий визг до потолка. Вся учительская была ошарашена такой гадостью. Мы всегда понимали и принимали шутки. Я рывкнул, хотя раньше никогда не повышал голоса на учителей: «Прекратить! Идите домой, и успокойтесь, а завтра разберёмся, кто прав, кто виноват, хотя все это со стороны очень глупо и недостойно учителя». Вскоре она ушла. Завуч и предместкома плакали, но я им сказал, что мы руководители коллектива и не имеем права расслабляться, не надо давать волю эмоциям. Это может повредить учебному процессу. Утром все шло своим чередом, только в учительской чувствовалось какое-то напряжение. Эти двое между собой не разговаривали. Я прождал еще два дня, но примирения не было. И я поехал в ГОРОНО за советом. Лазарев внимательно выслушал меня, подумал и сказал: «Увольняй, подумав, любую, но не дай в коллективе завестись склоке». Мне обеих было жалко, обе работали хорошо. У каждой был свой педагогический почерк. Внезапно пришла оригинальная мысль:

– Давайте наградим обидчицу грамотой РОНО.

Лазарев даже подскочил:

– За что? За оскорбление и склоку?

– Нет, за большие успехи в обучении и воспитании учащихся. А этот конфузный случай – просто бабья выходка, не сдержалась. Надо лечить добром, я её знаю.

Он как-то странно покрутил головой, но согласился. На профсоюзную конференцию поехал весь коллектив учителей. Сел я с ней почти рядом. Началось награждение лучших работников. Назвали её фамилию. Я наблюдал за реакцией. Она побледнела как снег, потом покраснела. Встала и неуверенно пошла на сцену. Получила грамоту дрожащими руками, заплакала и вернулась на место. Лазарев потом говорил, что боялся: «Вдруг упадёт». Но все обошлось. Отношения наладились и в коллективе стало тепло. Но только директор, завуч и предместкома знали, какие выдержка и нервы им потребовались. Я оказался прав: добро и великодушные побеждают зло. Мы ещё много лет потом работали вместе.

Стоит поговорить и о приятном, и удачном. Дорога в 25 км от Ермаковского до Новополтавки была мало проезжей, вся изуродована колеями автомашин и тракторов. К концу 60-х годов отсыпали песком. Оставалось два опасных места: Карпов носок, подмываемый Кебежем и Копаная гора – это зигзагообразный подъем к селу. Не раз в сырую погоду и гололедицу машины и трактора юзом слетали вниз, а однажды машина перевернулась, и одна женщина погибла, а несколько человек покалечило. Надо было

исправлять положение. Руководство совхоза вызвало подрывников весной, поставило бульдозер С-100 и за две недели, разрезав Карпов носок, отвели дорогу от Кебежа. Осталась Копаная гора. Я договорился с трактористом Толстоноженко Дмитрием Егоровичем, он заехал на Копаную гору и стал срезать грунт. Зачем я сунул туда свой депутатский нос? Был я тогда председателем комиссии по благоустройству и дорожному строительству сельского совета. Моя задумка о безопасной дороге была нужна всем жителям села. А управляющий Магда Н.Ф., узнав о самовольной работе тракториста, приказал ему работу прекратить. Все заглохло. Через несколько дней приехал по делам директор совхоза, и я пошёл просить его и управляющего возобновить работу на Копаной горе. Они сидели в кабинете председателя сельсовета и почти выгнали меня, сказав: «Выйдите отсюда, не мешайте нам говорить».

Только через год, когда председателем сельсовета стал моряк-подводник Куклин Юрий Серафимович, с которым я подружился, удалось дорогу спрямить. До военной службы он был техником-дорожником. Разжѐг в нем страсть дорогу спрямить, подзуживал, поспорил, что ему не дадут это сделать. Сельсовет по подряду вызвал бульдозер и работы начались. Управляющий вскипел: «Как это могли начать без его согласия? Дорогу испортили, молоко скисает», - сообщил он в район. Примчался второй секретарь Курбатов Д.И., примчался председатель райисполкома Скугарев И.В., и мы с Куклиным были там. В это время с горы спускался молоковоз, спокойно переехал на новую дорогу и пошёл дальше на молокозавод. Скугарев сердито крикнул: «Эх, Николай Федорович!» Хлопнул дверкой и уехал на газике. Так Советская власть победила упрямого хозяйственника. Сейчас по широкому асфальту взлетаешь на Копаную гору незаметно. И сейчас я доволен, что в этом деле есть и моя частица учителя – слуги народа.

В 1947 и осенью 1948 года училась у меня русскому языку и литературе Шура Рясик, бойкая девочка, активистка во всех пионерских делах и спорте. Их в семье было четверо: Николай, Алексей, Шура и Фѐдор. Отец не вернулся с фронта. Мать, тѣтя Паша, добрая трудолюбивая женщина, неустанно трудилась, уже старшие пошли работать в колхозную шорню. Делали там конскую сбрую (узечки, хомуты, седла и седѣлки, шлеи, вожжи, шили сапоги). Иногда жили голодно, но по принципу: сыты не сыты, а веселы всегда. Выросла Шура, вышла замуж за Кабардина Евгения Иннокентьевича, сына нашей учительницы, была хорошей дояркой. Стала со временем многодетной матерью, а потом и матерью-героиней. Награждена несколькими орденами Материнская слава и орденом Мать-Героиня. Учились у меня все еѣ одиннадцать детей: Галя, Витя, Серѣжа, Тома, Коля, Вова, Марина, Тоня, Женя, Юра, Оля. Все были окружены материнским теплом и заботой. Государство через фонд Всеобуча тоже старалось помогать. Вскоре после рождения Оли умер муж. И все бремя воспитания и содержания большой семьи легло на плечи одной матери. Все выросли и заняли своё место в жизни. Восславим женщину-мать!

В нашем селе временно проживали ещѣ две матери-героини: Владимирова и Таныгина Ольга Васильевна. У последней одновременно учились семеро детей! Вот попробуй их накормить и в школу снарядить. Но у неѣ на всех хватало материнского тепла. Работая в столовой нашей фермы, она кормила вкусными пирожками и сладким чаем на перемене 150 человек и отдельно продлѣнку во вторую смену обедом из трёх блюд.

В семье Михаила и Клавдии Коваленко было 9 детей: Вера, Витя, Валя, Надя, Юра, Вова, Лида, Таня, Серѣжа. Одновременно учились по 4-6 человек. Муж тяжело заболел, и тоже все тяготы семьи свалились на одну Клавдию Павловну. Но всех смогла выучить, все нашли место в жизни.

У Тѣплых Прасковьи Фѣдоровны было 9 детей, у Рясик Евдокии Климовны и Мишиной Евгении Марковны – по 8 детей, а у Руденко Софьи Архиповны, Хомутовой Анастасии Дмитриевны, Коваленко Пелагеи Михайловны, Рябец Серафимы Климовны, Меркушевой Анны Михайловны, Роговой Анисьи Петровны, Скрыль Марии Андрияновны – по 7 детей.

Всего семей по Новополтавскому сельсовету в которых было от 3-х до 6-и детей оказалось в два с лишним раза больше, чем малодетных. Так было. За последние годы

рождаемость резко понизилась, детей не хотят и в деревне. Что будет с российским народом? Государство вырождается.

Немало трудовых подвигов совершили новополтавчане, наши бывшие учащиеся, на полях и в животноводстве, в нелёгком учительском труде. Родина отметила их трудовые подвиги высокими наградами. Высшей награды Родины был удостоен Герой Социалистического труда Роговой Дмитрий Федорович. Ему вручили орден Ленина и золотую звезду Серп и Молот, был он награждён орденом Знак Почёта. Первый председатель колхоза имени Стаханова Семенюк Евгений Анатольевич был награждён орденами Трудового Красного Знамени и Знак Почёта. Председатель колхоза, а потом управляющий Магда Николай Федорович был награждён орденами Ленина, Трудового Красного Знамени, Знак Почёта. Бригадир молодняка Магда Степан Максимович награждён высоким орденом Октябрьской Революции. Орденами Трудового Красного знамени также награждены Рясик В.С. и Попов Н.М. Орденами Знака Почёта ещё награждены Скрыль Степан Кузьмич, Роговой Иван Федорович, Ильенко Клавдия Ивановна, Асауленко Степан Александрович, Асауленко Виктор Степанович, учителя Роговой Павел Федорович и Кабардина Евдокия Степановна. Долгополов Владимир Петрович награждён орденом Трудовой Славы третьей степени.

За высокий урожай куузики тракторист Роговой Иван Константинович получил Золотую медаль ВДНХ СССР. Иван Ильич Скрыль, мастер коневодства, награждён Серебряной и Бронзовой медалями ВДНХ.

Бронзовыми медалями ВДНХ также награждены Асауленко Дмитрий Карпович, Асауленко Степан Александрович, Меркушев Николай Васильевич, учитель биологии Кокорев Матвей Максимович, юннаты Рясик Борис и Гаркалова Раиса.

Поистине бессмертны правдивые слова: «Из одного металла льют медаль за бой, медаль за труд».

Уточняем сказанное выше: серебряными медалями ВДНХ ещё были награждены Ильенко Клавдия Ивановна, Рясик Виктор Степанович, Асауленко Дмитрий Карпович.

Новому директору Сутугину Николаю Викторовичу, проработавшему в школе уже 3 года с 1 сентября 1988 года, пришлось немало потрудиться по хозяйственной части. С приходом его в школу в 1985 году мне стало легче решать вопросы с кочегаркой: раньше он работал слесарем по животноводству. Три года я постепенно знакомил его практически с работой директора школы.

Вот что им было сделано.

1984 г. Замена изгороди, реконструкция столярной мастерской (замена полов, обшивка стен «вагонкой», замена внутренней электропроводки, перевод на водное отопление.)

1990 г. Строительство столовой. Прокладка водопровода в столовую и школу.

1991 г. Строительство подвала.

1991-1998 г.г. Замена кровли на здании школы.

1994 г. Обшивка коридора ДВП, обшивка стен кабинетов, подшивка потолков, замена электропроводки в школе, перевод школы на электрическое отопление, частичный ремонт системы отопления.

1995 г. Ремонт полов в коридоре, настилка линолеума.

1996 г. Реконструкция теплицы.

1997 г. Строительство парадного крыльца.

1998 г. Реконструкция кабинета труда.

1999 г. Открытие кабинета литературы.

2001 г. Замена силового электрооборудования в электробойлерной.

2002 г. Капитальный ремонт кабинета русского языка, установка компьютеров, строительство веранды, замена светильников в коридоре, замена изгороди вокруг территории школы.

В 2003 г. школе исполняется сто лет.

Школа задыхалась без спортивного зала. Все занятия физкультурой проводились зимой и летом на улице, но в непогоду – в коридоре. Меня этот вопрос давно мучил. Все ждали новой школы. В письме к губернатору А.И. Лебедю я обратился с просьбой оказать помощь в строительстве спортзала. Моя просьба была услышана. И помогли в её реализации мой лучший ученик, глава нашего района Роговой В.К., глава сельской администрации Арсентьев В.А., директор школы Сутугин Н.В. и многие другие жители села. В с. Большая Речка был закуплен пришедший в негодность клуб леспромхоза, перевезён и пристроен к зданию школы, уже буквой «Г». Василий Константинович постоянно тормозил всех. Нашёл спонсоров: Виговского М. А, Андреева А.О., и Архипова И.С. На стройке работали многие родители и старшеклассники. 1 сентября 2001 спортзал торжественно открыли. На открытии присутствовал Роговой В.К. и спонсоры. Спортзал был оборудован не хуже городского. Это был самый дорогой нужный и последний подарок Василия Константиновича родной школе.

28 апреля 2002 года в авиакатастрофе в Ергаках при открытии горнолыжной трассы погибло 8 человек из 17. Среди погибших были губернатор края Александр Иванович Лебедь, его заместитель Надежда Ивановна Кольба и глава нашего района Василий Константинович Роговой. В Новополтавке их ждали в это воскресенье в школе. На обратном пути они планировали все трое посетить наш спортзал, чтобы убедиться, куда истрачены деньги. И вот страшная катастрофа перечеркнула все.

Похоронили Рогового В.К. в Новополтавке. Народу было огромное количество из всех сел района, представители из разных регионов края и администрации губернатора. Машин было больше сотни, венков огромный самосвал. Провожало все село. У школы я простился с ним, глотая слезы, сказал добрые слова: «Прощай Вася, дорогой наш Василёк! Ты прожил яркую жизнь так, как тебя учили в школе. Не считаясь со временем, ты сгорал на работе, освещая путь людям. Твоя жизнь – пример для всех школьников. Ты – наша гордость. Мы тебя никогда не забудем».

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ШКОЛЬНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ.

В музее имеется много ценного богатейшего материала. Я начал собирать экспонаты с весны 1948 года, 55 лет назад. Первыми были бивни мамонта. Постепенно материал накапливался. Много домашней утвари, орудий крестьянского труда, украинской одежды и обихода собирала и сберегла дома жена Анастасия Яковлевна. Она даже сохранила (сама хорошо ткала) ткацкий станок, изготовленный в 1900 году Семенюком Антоном Ивановичем, сельским писарем. Он на этом станке сам ткал полотно для одежды всей семье, ткал и полотно для рушников. Она восстановила и сохранила все приспособления для изготовления пряжи и получения ткани. В августе 1999 года работу станка демонстрировали на площади в Ермаковском во время юбилейных торжеств района.

В начале 1971 года неожиданно из Москвы получили большой альбом с ксерокопиями ленинских документов и газет времён революции и гражданской войны. Его прислал полковник КГБ Егоров Валентин Кронидович, сын Анны Михайловны Тульниковой (Егоровой), первой учительницы-большевички в нашем селе в 1916-1917 г.г. Здесь он окончил первый класс. Получив письмо наших красных следопытов, он был потрясён тем, что далеко в глухой Сибири через 50 с лишним лет помнят его мать - сельскую учительницу. Он решил отметить дорогое знакомство со школой подарком, но необычным. Пошёл посоветоваться с другом своей комсомольской юности директором Музея Революции Толстихиной. В конце 20-х годов они были вожаками комсомола в Рыбинском районе Красноярского края. Решили послать альбом, которых было выпущено 500 экземпляров. Получили, посмотрели мы, а как обустроить, не знаем. Я сильно занят был учебной работой. Узнав об альбоме, стали просить его средние школы. А я использовал этот материал в 4 классе и не думал давать даже на временное пользование. Наша школа была восьмилетней.

Завучем в школе тогда была на полставки талантливый организатор учитель математики Людмила Ивановна Куклина (Ломилкина). Работала самоотверженно, вдохновенно, не считаясь со временем, ведь была матерью двух малолетних детей-погодков.

Тут я и скажи, тайно надеясь на взрыв: «Придётся отдать альбом в среднюю школу». Как вскинулась она, даже заплакала: «Альбом не отдадим! Будем сами размещать в кабинете истории!». Моя хитрость удалась. И под её руководством закипела работа. Помогал П.Ф. Роговой, учитель труда. Делали аккуратные рамки, красили, стеклили, и через месяц вся задняя стенка кабинета истории превратилась в уголок музея Революции. А слева устроили стенд, посвящённый Анне Михайловне в период женевской эмиграции. Упорядочили материал по созданию и работе пионерской дружины им. Павлика Морозова. По нашей просьбе из Анапы нам выслали большой набор фотографий о его жизни. В коридоре в пионерском уголке был оформлен большой красивый стенд. Музей пополнялся все новыми и новыми экспонатами, подарками от Шахова А. И. и Егоровых В.К. и Б.К. В нашем домашнем архиве хранятся сотни их писем, часть передана в музей. Мы подружились с сотрудниками музея им. Мартьянова. Они помогли нам заказать там турникеты. К 100-летию Анны Михайловны материалы о ней и ксерокопии газет и ленинских документов были помещены в турникеты. Остальные материалы размещались в шкафах и у меня дома. Начало музею было положено. Моим приказом по школе с 30 мая 1971 года его директором на общественных началах и хранительницей была назначена Зыкова А.Я. Кому ещё можно было поручить такое важное дело, кроме жены, кому доверить и с кого спросить?

Праздник песни и строя. 1984 г.

Приближался октябрь 1983 года – 90-летие Новополтавки. Что мог сельсовет сделать без школьного коллектива и музея. Много лет Зыкова А.Я. делала газетные вырезки о Новополтавке и её жителях. Она предложила для праздничного оформления ДК сделать стенды на ДВП, но у сельсовета материала не было. Позвонил председателю соседнего колхоза «Маяк» Роговому В.К. и тот дал мне столько ДВП, сколько нужно было, не взяв ни копейки. Это был подарок его родному селу и школе. Она сделала 9 стендов: «Заглянем в прошлое села», «О коммунистах Егоровых», «О добрых делах Новополтавчан», «Помним их имена», «Из школьной жизни», «Сибири – высокую культуру», «Передовой опыт Новополтавцев», «Династия Роговых», «Магда из Новополтавки». Сейчас эти стенды в музее и хорошо рассказывают про историю села.

Музей был признан школьным историко-краеведческим музеем в 1983 году. Директор КрайСЮТУР Рудик Галина Ивановна вручила мне паспорт на него. Мы несколько раз успешно участвовали на краевых и всероссийских слётах активистов школьных музеев. Беда в том, что не было помещения и все выставки делались в коридоре на столах и стенах. В 1997 году председатель колхоза «Новополтавский» Картавец В.П. откликнулся на наши просьбы и подарил под музей дом в центре села. Мы были ему очень благодарны и обрадовались, даже уже сделали решётки на окна.

Но дом требовал большого ремонта, а сельсовет нам денег не дал, пришлось от подарка отказаться. С осени 1986 года А.Я. Зыкова ушла на пенсию и часть забот о музее взяла на себя до 1997 г. дочь Евдокия – завуч школы. С 1997 года по некоторым вопросам Анастасии Яковлевне, по-прежнему руководившей музеем, стал помогать историк школы Логинов А.В. Осенью 1999 г. освободились две комнаты в помещении детского сада, стало мало детей. В этих комнатах решили разместить музей. Началась оживлённая работа. Я благодарен за поддержку Б.И. Ситникову, в то время И.О. Главы администрации района, Пашковскому И.И., Арсентьеву В.А., Сутугину Н.В., Логинову А.В., Зыковой А.Я. и всем жителям и учащимся, кто помогал в обустройстве. За 20 дней написали приглашения в

музей: губернатору края, Управлению образования края, президенту РФ и др. Пришло 8 ответов и поздравлений. И вот 5 марта 2000 года музей в торжественной обстановке был открыт. А.Я. Зыкова перерезала ленточку и весь музейный фонд передала историку школы Логинову А.В., новому директору музея.

Было много гостей. Все с интересом знакомились с экспозициями: «Жилая крестьянская комната», «Крестьянская хозяйственная утварь и орудия труда», «Домашний скраб», «История села (текст и стенды)», «История школы (множество альбомов по разной тематике)», «Они защищали Родину (фотографии фронтовиков)», «Её имя носит наша школа» (турникет об А.М. Егоровой, альбомы о встречах с Егоровыми, подарки Егоровых), «Знай и люби свой край», «Ксерокопии первых газет времён революции и ленинских документов»-турникет, «Герой Советского Союза Шахов А.И», «Ермаковцы – Герои Советского Союза», «Фронтовики – учителя школы», «Встреча с ветераном войны Белецким Григорием Соловьёвым», «Получение пряжи и ткани в домашних условиях (все приспособления и ткацкий станок в действии)».

*Экспонаты школьного музея:
домашняя утварь. 2000 г.*

Экспозиции школьного музея. 2000 г.

Анастасия Яковлевна просила написать объявление заранее и пригласить всех желающих на открытие музея к двум часам. Но объявление повесили в школьном коридоре, и поэтому из жителей никто не пришёл: не знали. Но сколько нам, старикам, пришлось выслушать обид и упрёков, которые и сейчас продолжаются, знаем только мы. Нас такое отношение к работе музея Логинова А.В. сильно оскорбляет. Он тогда объяснил и сейчас, все три года упрямо стоит на том, что музей школьный, значит только для школьников. Мы с женой создавали его для населения. А вот, что писала нам из Красноярского краевого краеведческого музея зам. директора Парамонова Валентина Ивановна: «Уважаемые Валерий Иванович и Анастасия Яковлевна! Ваш музей открылся, и теперь главное, чтобы он стал притягательным центром для жителей вашего села. Вам предстоит нелёгкая, но благодарная работа по организации интересных встреч, различных выставок, собиранию нового материала для Вашего музея». Мы считаем, что это и есть связь школы с родителями, необходимая для воспитания детей. За три года туда пригласили только раз несколько фронтовиков (сегодня их осталось 4 человека). Зато Логинов с удовольствием открывает музей для приезжих из района и края, чтобы похвалиться «своими достижениями». Его душа чужда интересам новопоплавцев.

25 декабря 2002 г., при комиссии РОО во главе с зав. РОО Иващенко В.А., А.В. Логинов заявил, что он перегружен работой и времени для общения с жителями села у него нет: «Музей школьный, и я школьную программу выполняю». С этим молчаливо согласились и директор школы Суругин Н.В., и зав. РОО Иващенко В.А. Мы с этим в корне не согласны. Да и в крае сейчас возрождаются боевые и трудовые традиции сибиряков. Родители и дети должны знать и любить свою малую Родину. Большинство жителей нашего села – это бывшие ученики нашей школы. Они участвовали в сборе экспонатов для музея. На стендах они могут прочитать о своих добрых делах, учёбе, работе и о делах их родителей.

Ведь они делали историю села и школы. Не укладывается в голове позиция Логинова, Сутугина и Иващенко. Если мы сейчас заберём все экспонаты, собранные за 50 лет, то музей исчезнет. Директор почему-то потворствует Логинову, не проявляет должной требовательности, не может заставить его работать. Почему? Значит, музей нужно передать тому, кто захочет работать на благо односельчан. Мы требовали:

1. Создать совет музея, ведь мы оба считаем себя создателями и попечителями музея.

2. В совет обязательно должны войти Зыкова А.Я., хранитель музея, директор и завуч по воспитательной работе.

3. Обязательно нужен план работы музея.

4. Подготовить экскурсоводов из учащихся. Совету музея проверить достоверность их знаний и умений вести экскурсию.

5. Директору школы всё это оформить приказом и вывесить на доску распоряжений.

Я с женой и теперь продолжаю переписываться с музеями и пополнять историю школы. За несколько месяцев переписки и бесед с жителями установили фамилии 168 учителей, работавших в нашей школе с 1897 года и по сей день.

В январе этого года пришла в голову мысль: а чем наши воины - новополтавцы хуже других? И мы не лыком шиты. Много у нас было старших офицеров от майора до полковника. Всех я их знал лично, насчитал 15 человек. Четверо из них полковники, а один учится сейчас в академии Генерального Штаба. Моя задумка и память, а исполнять все приходится Анастасии Яковлевне: доставать фотографии, уточнять биографические данные, а иногда буквально вымогать их у стеснительных офицеров. Помогают родственники. Теперь она к 100-летию школы готовит стенд «Старшие офицеры – Новополтавцы». Этот материал тоже пополнит музей.

14 июня 2003 года школа будет отмечать свой столетний юбилей. Приглашают всех учащихся. Школа отпечатала приглашения. А подписала их 700 учащимся и 50 учителям и разнесла их все по родственникам, чтобы те отправили по назначению, Зыкова А.Я.

Июнь 2003 г.

*Зыков Валерий Иванович и
Зыкова Анастасия Яковлевна*

*Книга проиллюстрирована
отсканированными фотографиями разных лет
с помощью учеников 5-11 классов в апреле 2023 г.*